

Сергей
Морозов

ПОСТИЖЕНИЕ ОЛОВКОВ

Очерки и
материалы

ББК 85.113 (24Арх)
75.812.6
75.812.2
72.3

Сергей Васильевич Морозов.

Постижение Соловков. Очерки и материалы —

М.: Товарищество Северного Мореходства, 2004. — 186 с., илл.

ISBN 5-93881-021-3

Редакционная коллегия:

В. В. Аксючиц-Лаушкина (отв. секретарь),

Ю. А. Бродский, В. В. Клименков, А. В. Лаушкин,

Д. В. Лебедев, О. В. Чумичева

Художник О. А. Крестовская

Редактор А. В. Егорова

Корректор В. Г. Дроздова

Сборник очерков и материалов “Постижение Соловков” историка Сергея Васильевича Морозова, долгое время жившего на Соловках и работавшего в Соловецком музее, продолжает серию работ, в которых обобщаются результаты его многолетних поисков и раздумий. В сборнике читатель найдет увлекательный рассказ о важнейших узлах соловецкой истории, описание основных памятников архипелага в их историческом и философском контексте, познакомится с тем, какими представляли острова перед глазами людей, в разное время попадавших на их берега. В книге использованы графические работы московского художника Ольги Александровны Крестовской, которые, по словам автора книги, наиболее адекватно отражают его собственное восприятие этого самого знаменитого русского архипелага. Книга рассчитана на широкий круг читателей, вдумчиво относящихся к отечественной истории и культуре.

Подписано в печать 16.04.2004. Формат 60×90/8. Печать офсетная.
Тираж 500 экз.

Сверстано и отпечатано в издательстве ФОЛИУМ.

Лицензия ИД №03132 от 26.10.2000

Лицензия ПД №1-00041 от 26.01.2001

© Товарищество Северного Мореходства, 2004

© Издательство ФОЛИУМ (оформление), 2004

© Крестовская О. А. (графика), 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ.	5
--------------------	---

ИЗБРАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Чудо, которым были Соловки	11
“Строино место” Савватиево	17
Секирная гора	21
Храм Успения.	25
Храм Преображения — образ Града Господня.	29
“Спасения нашего главизна”.	33
Парадоксы военной истории	37
Соловецкий некрополь	41
Паломничество на Соловки	45
Монастырь и природа.	49
Ботанический сад на Хуторе Горка в Макарьевской пустыни.	53
Зайчики	57
Остров Анзер.	61
Соловки в 1920 – 1939 гг.	65
Возрождение монастыря	69

ДУХОВНАЯ ТВЕРДЫНЯ БЕЛОМОРЬЯ

На рубеже Северной Фиваиды.	75
“Другим монастырям не в образец”	83
Соловецкая крепость	91
Соловки – Британия – Петербург (“заяцкие” версии)	101
Соловецкая симфония	109

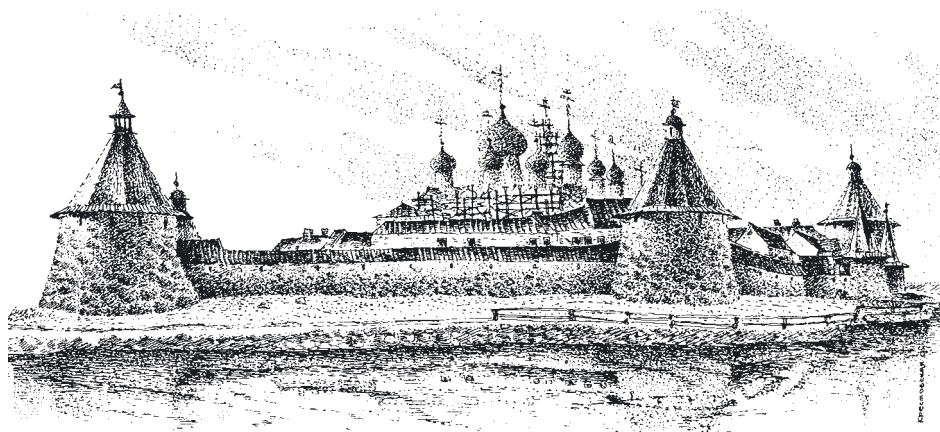
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СОЛОВКОВ XIX – XX вв.

<i>П. Ф. Федоров. Трехдневные богомольцы. . . . .</i>	<i>119</i>
<i>Священник Павел Флоренский. О море и о Соловках . . . . .</i>	<i>141</i>
<i>О. В. Волков. Погружение во тьму. . . . .</i>	<i>171</i>

ИДЕЯ СОЛОВКОВ (вместо заключения)	177
---	-----

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	181
-------------------------------------	-----

ОБ АВТОРЕ

Усатое “ура” чужой недоброй воли
Вертело бот Петра в штурвальном колесе
Искали ветер Невского
да в Елисейском поле
И привыкали звать Фонтанкой Енисей.

Александр Башилачев

Сергей Васильевич Морозов (1951 – 2001) был человеком необычным и неординарным. Несостоявшийся специалист-японовед, он был непризнанным философом и неизданным поэтом, дилетантом-археологом и блестящим краеведом; семьянином, подарившим стране трех детей; любимцем и любителем женщин, которые всегда отвечали ему взаимностью; очаровательным элегантным мужчиной, всегда готовым оказаться на дипломатическом приеме, и простым пьяницей в драном свитере. Он был разным, но в каждой из своих ипостасей оставался самим собой. Его любили и холили и друзья, и подруги, и начальство. От последних он почему-то уходил, едва достигая высоких степеней, вторых покидал в поисках какого-то нового идеала, но зато первым оставался верен до последних своих дней.

Он был человеком интеллигентным в высшем смысле этого слова, аскетом, который мог питаться в студенческой столовой на тридцать пять копеек, не жалея последних средств на покупку книг. Жизнь преуспевающего обывателя или даже кабинетного ученого тяготила его. Мятущийся и неудовлетворенный возможностями, которые предоставляла ему официальная власть, он долго стремился к своей Итаке, и в конце концов уехал на Соловки, где провел пятнадцать лет жизни, иногда возносившей его к Небесам, а иногда безысходной и, к сожалению, оказавшейся слишком короткой.

Сергей Васильевич Морозов родился 14 декабря 1951 г. в Ленинграде. Успешно закончил престижную английскую школу. В возрасте

12 лет был принят в яхт-клуб и со временем стал мастером парусного мореплавания.

В 1969 г. он поступил на Восточный факультет Ленинградского университета, где провел пять лет на отделении истории Японии, которое успешно закончил. Некоторое время после окончания университета работал переводчиком с японского в ЦНИИ Морфлота, откуда вынужден был уволиться из-за того, что отказался писать донос на своего начальника.

С 1977 г. Сергей Васильевич был сезонным работником Южно-Таджикской археологической экспедиции, где трудился с ранней весны до поздней осени, в остальное время перебиваясь случайными заработками. В эти годы он принимал участие в раскопках многих первоклассных памятников, например знаменитого храма Окса на берегу Аму-Дарьи. В зимнее время, находясь в Ленинграде, Сергей Васильевич был постоянным членом подпольных семинаров с анти-советской направленностью. При этом он говорил: “Я не борюсь с Советской властью, это она со мной борется”.

В 1985 г. он впервые приехал на Соловецкие острова как турист и понял, что попал на свою “духовную родину”. Он решил поселиться на Большом Соловецком острове, где стал сотрудником музея, а со временем и редактором газеты “Соловецкий вестник”. Используя свой прежний опыт яхтсмена, Сергей Васильевич организовал мореходную школу для местных подростков, которых обучал хождению под парусом, пытаясь сделать из них настоящих мужчин.

Сергей Васильевич Морозов умер 10 января 2001 г. на Большом Соловецком острове, где и похоронен.

А. М. Кабанов, А. П. Керзум

С. В. Морозов не успел завершить работу над этой книгой. Она была им задумана как пособие для пытливого путешественника и должна была явиться продолжением изданного в 2000 г. сборника, посвященного истории соловецкого острова Анзер (Морозов С. В. Тогда на Анзерском острове. Материалы по истории соловецкого отшельничества. М., 2000. 165 с.). Подготовка “Постижения Соловков” к печати была проведена редакционной коллегией, которая при неизбежности некоторых изменений и уточнений, внесенных в рукопись, стремилась в максимальной мере сохранить авторский замысел и стиль книги.

ИЗБРАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОСТОПРИМЕЧА~ ТЕЛЬНОСТИ

Чудо, которым были Соловки

Основание Соловецкому монастырю положил подвиг преподобных Савватия, Германа и Зосимы. В первое столетие своего существования обитель из молитвенной пустыни превратилась в почитаемый духовный центр, проводивший активное культурное и хозяйственное освоение Беломорского Севера. В середине XVI в., когда монастырь возглавил будущий митрополит Московский Филипп, начался новый этап развития обители и ее владений. В то время на Соловках строятся дороги, десятки озер соединяются каналами, развивается монастырский флот, начинается каменное строительство. Почти все, что сегодня вызывает восхищение и удивление на Соловках, так или иначе связано с деятельностью святого Филиппа. Грандиозный замысел этого замечательного подвижника осуществлялся на протяжении многих лет и после его смерти.

К концу XVI в. Соловецкая монастырская вотчина приобрела многочисленные льготы и преимущества, которые определяли ее особый статус в составе Московского государства. Соловки стали неофициальной столицей Беломорья. К середине XVII в. монастырь достиг вершины своего духовного влияния и хозяйственного могущества. Возмущение соловецких старообрядцев, в 1657 – 1676 гг. сопротивлявшихся церковным реформам патриарха Никона, поражение восстания и разорение монастыря заставили соловецкое иночество приступить к перестройке деятельности обители в свете требований нового времени. Это было успешно осуществлено, и к началу XIX столетия Соловецкий монастырь оставался одной из самых известных и почитаемых святынь России. В то время, когда другие монастыри приходили в упадок, Соловки продолжали славиться благоустройством, многолюдством и богатством. В духовном отношении, по свидетельству современников, обитель занимала одно из первых мест среди российских монастырей.

Монастырские синодики хранят память о десятках выдающихся подвижников благочестия, воспитанных на Соловках в XV – XIX вв. Многие из них канонизированы Церковью. Трудовая и духовная деятельность соловецких иноков воплотилась в уникальном зодчестве монастыря. Его здания составляют продуманные и величественные ансамбли. На протяжении нескольких столетий в результате коллективного творчества поколений соловецких иноков весь архипелаг превратился в особое сакральное пространство, наполненное глубоким смыслом. Удаленность и уединенность монастыря, шесть месяцев в году оторванного от внешнего мира, создавали на Соловках особую духовную атмосферу, иной мир с совершенно иными ценностями и иным течением времени.

Во второй половине XVIII в. монастырю был пожалован ранг ставропигиальной обители, подчиняющейся не архангельскому владыке, а Синоду. После секуляризации церковных земель в 1764 г. Соловки сумели сохранить за собой крупнейшие, по сравнению с другими монастырями, земельные владения площадью свыше 60 тысяч десятин. Монастырю принадлежали весь Соловецкий архипелаг, угодья и подворья в Сумпосаде и Кеми, два подворья в Архангельске, подворье в Москве и пр. К началу XX в. за обителью числилось шесть скитов и три пустыни. На Соловках было 19 церквей и 33 часовни. В монастыре существовало училище для “безбрадых трудников”, Братское богословское училище, метеостанция и одно время биостанция — первое научное учреждение на Белом море. Обитель имела развитое, хорошо налаженное, рентабельное хозяйство, ориентированное на нужды постоянных насельников и прием паломников, число которых достигало 20 тысяч в год. Перевозки по морю осуществлялись тремя монастырскими пароходами, и хотя проезд на них был наполовину дешевле, чем на коммерческих судах, собственный флот приносил обители четвертую часть всех доходов.

Монастырь содержал на архипелаге около тысячи человек, работавших “на преподобных” безденежно, и несколько сотен наемных рабочих. Можно сказать, что слава и благосостояние Соловков были созданы не только мудрым и терпеливым подвигом иночества, но и благочестием простых людей; обитель заслуженно считалась “мужичкой”. Успешное ведение хозяйства, благоустроенные угодья и монастырские “заведения” утверждали паломников во мнении об особой предназначенности Соловков для иноческой жизни. Без “усердия к монастырю” населения Русского Севера иноки не смогли бы так благоустроить архипелаг, но без монастыря пропадал всякий смысл

хозяйствования на Соловках. Самый тяжелый труд в богоспасаемой обители приобретал духовный смысл.

В монастырских реестрах значилось около ста различных послушаний — видов деятельности внутри монастыря. Мастерские и заводы обеспечивали бытовые потребности, строительство опиралось на лесопиление и кирпичный завод, в обители работали кузницы и механические мастерские. Значительно было развито огородничество: прямо у Никольских ворот созревали выведенные на Соловках репа и капуста, отличавшиеся особыми вкусовыми качествами и устойчивостью к северному климату. В обители разводили домашний скот и птицу, был даже устроен конный завод. Животных часто жертвовали богомольцы: в обители для их перевозки была специальная “телячья” шхуна. Образцовый скотный двор и молочное хозяйство размещались на острове Большая Муксалма в девяти верстах от монастыря.

Доходы обители, почти не пользовавшейся государственными дотациями после секуляризации монастырских земель в 1764 г., составляли в начале XX в. 300 тысяч тогдашних рублей в год. Большая часть средств расходовалась на питание и нужды братии, трудников и богомольцев. На пособия различным лицам и учреждениям назначалось ежегодно несколько тысяч рублей. На средства Соловецкого монастыря в XIX в. было восстановлено несколько других обителей, пришедших в упадок. И в начале XX в. Соловки ежегодно выделяли до 7 тысяч рублей Трифоно-Печенгскому монастырю, Архангельской епархии и Олонецкой консистории.

В 1915 г. на Соловках числилось 211 человек братии, по большей части — выходцев из северных губерний. Образовательный уровень монахов был невысок: несколько человек — вообще неграмотны или умели только читать, только пятая часть монашествующих окончила семинарии и лишь один — благочинный монастыря отец Паисий — являлся выпускником Ярославского Демидовского лицея. Однако при этом половина иноков обучались в упомянутом Братском богословском училище. По свидетельству современников, соловецкая братия имела какое-то особенное самоуважение: здесь не было забитости, униженности и низкопоклонства, столь заметных в других монастырях. Соловецкие иноки со всеми без исключения держались просто, почтительно и деловито, с сознанием собственного достоинства.

По заведенному обычаю в монастырь посылали подростков для обучения или по обету. Обитель оказывала в случае необходимости помощь семьям, так или иначе связанным с монастырем. За некоторых работников монастырское начальство платило мирские и государственные подати. Благодаря всему этому в народе сложилось

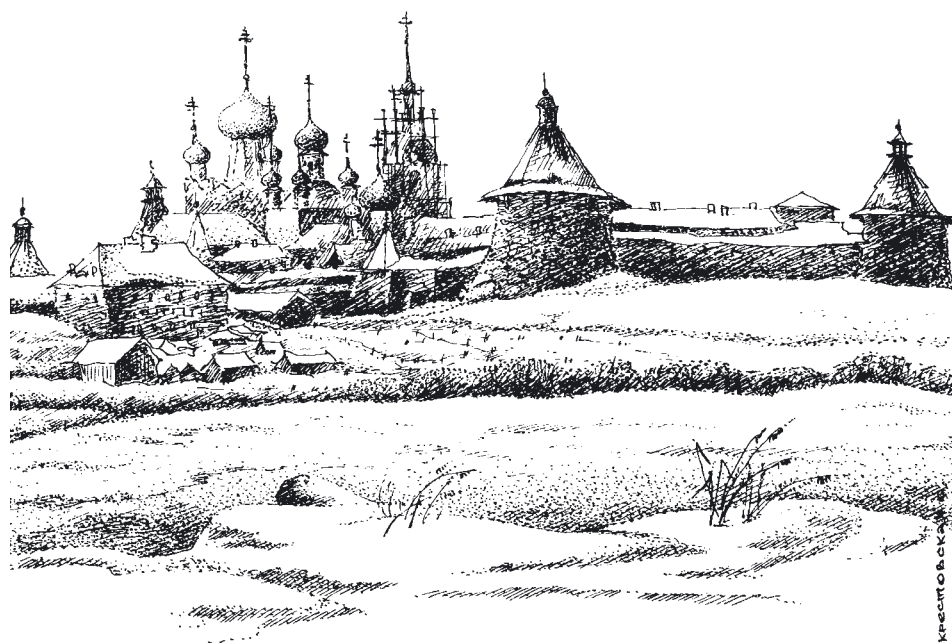

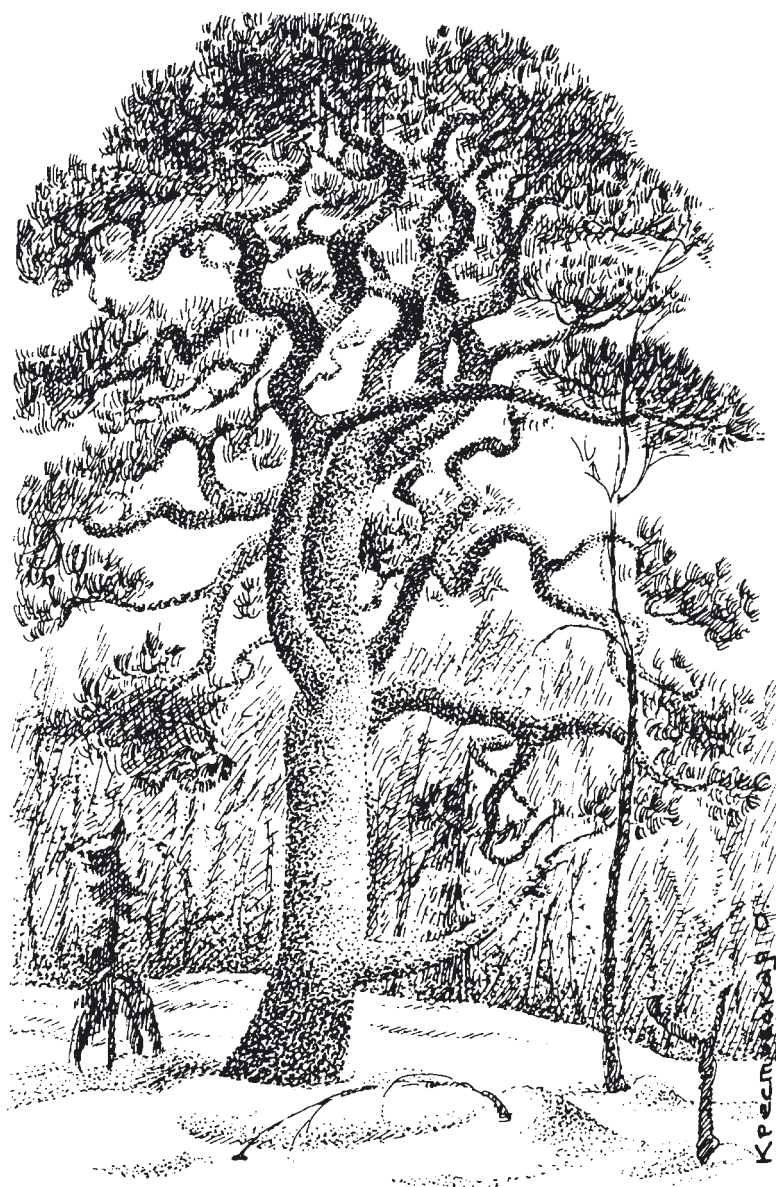
устойчивое мнение о монастыре как об идеальной духовной, братски равноправной общине, где нет страсти к стяжанию и где сохраняется строгая монашеская жизнь. Соловецкий монастырь являлся зримым воплощением того, что могут создать люди, если в своей деятельности руководствуются духовными устремлениями. Даже далекие от церкви современники утверждали тогда, что “Соловки — это лучшая часть нашего далекого Севера”.

В народном сознании монастырь и весь архипелаг являлись вмещением особой святости, и очень многое, относящееся к Соловкам, интерпретировалось, как чудо. Чудесными считались исцеление и спасение на море “по молитвам преподобных”, предметы, связанные с земной жизнью подвижников, некоторые иконы, кресты, даже деревья. Чудом казалось богатейшее убранство храмов: огромные иконостасы с саженными иконами, пудовые литые серебряные доски на раках преподобных, богатые облачения с драгоценными камнями и т.д. и т.п. Все это поражало воображение паломников и служило к славе обители. Сами стены и башни крепости формировали в народном сознании образ “духовной твердыни Беломорья”.

История любого монастыря наполнена чудесами, но история Соловков содержит особенно много такого, что обыденное сознание отказывается вместить. В центральной России невольное пострижение или перевод инока на Соловки считалось тяжелым наказанием. Что же тогда двигало иноками, добровольно выбиравшими неисходное заточение в Соловецком монастыре? Что заставляло прощенных соловецких узников оставаться после помилования в месте своего заточения или возвращаться на Соловки, уже пожив на свободе? Почему и в советское время многие, узнав о назначении им срока в страшных соловецких лагерях, плакали от радости и благодарили Бога за то, что “сподобились мучение принять” в святом месте?

Иночество — напоминание нам об ином мире, иных возможностях нашего мира. В той же мере история Соловецкого монастыря выводит нас далеко за рамки собственно церковной истории, а образ Соловков делает наше представление о мире глубже и праведней.

“СТРОИНО МЕСТО” САВВАТИЕВО

Жизнь преподобного Савватия, первооснователя отшельнического жития на Соловках, может почитаться истинно мудрым подвигом, освятившим всю историю Соловецкого Беломорья. Постриженник Кирилло-Белозерского монастыря, он оставил эту обитель после смерти ее основателя и пришел на Валаам, где узнал о Соловецких островах. Желая пустынножизненного жития, Савватий покинул Ладогу и пришел к Белому морю. У устья реки Выг он встретил инок Германа и вместе с ним отправился на Соловки. Отшельники выбрали “место некое строино [подходящее, удобное — *прим. ред.*] и тут поставиша кельи свои близь озера”, недалеко от морской губы на севере Большого Соловецкого острова (в двух с лишним часах пешего хода от нынешнего монастыря).

Отшельники прожили на острове в трудах и молитвах несколько лет, душа Савватия нашла себе здесь покой и постоянство, к которому стремилась. Когда его сопостник Герман отправился на материк за припасами, Савватий остался на острове один, но, почувствовав приближение смертного часа, тоже покинул Соловки и принял благочестивую кончину на Поморском берегу. Герман же возвратился на острова в следующем году с другим первоначальником соловецким — преподобным Зосимой.

Монастырская традиция относит эти события к 1429 – 1436 гг., однако современные историки подвергают указанные даты обоснованным сомнениям. С уверенностью можно сказать лишь, что возникновение монашеского поселения на Соловках относится к первой половине XV в. Тогда Соловки все еще оставались одним из главных центров беломорского язычества.

Примечательно, что многие островные монастыри на Руси — Преображенские: в сознании наших предков еще с дохристианских времен прочно утвердилась вера в то, что человек, достигнув уда-

ленных островов, обретает возможность перехода в некое новое качество.

Место молитвенных подвигов преподобных, где еще в давние времена был устроен монастырский скит, пережило новый расцвет во второй половине XIX в. В 1858 – 1860 гг. здесь строится каменная церковь Смоленской иконы Божьей Матери, освященной в честь образа, принесенного на Соловки преподобным Савватием. В ските устанавливается памятная плита, надпись на которой гласит:

“Преподобные Отцы Савватий и Герман Соловецкие Чудотворцы первыми прибыли на сей остров в 1429 году и жили на сем месте 6 лет. Сей храм во славу Пресвятыя Богородицы Одигитрии по обету архимандрита Александра с братиею в 1856 году в вечную благодарность Премилосердному Богу и Царице Небесной за избавление от англичан в 1854 году. Преподобного Савватия здесь в благословение Икона Божией Матери и крест каменный. До выстроения сего храма здесь была часовня деревянная. Матерь Божия, Царица Небесная! Молитвами Преподобных отец Соловецких сохрани сей храм во спасение всего Отечества и всех Христиан. Аминь”.

Позднее к притвору церкви пристроили двухэтажный келейный корпус, рядом возвели гостиницу, появились новые братские корпуса, хозяйственные постройки. Скит окружают луга, на заболоченных местах была устроена дренажная система, создано огородное и парниковое хозяйство. Постоянно в ските жили 10 – 15 человек, но летом сюда приезжали множество богомольцев и трудников. Савватиево превратилось в довольно обширный и благоустроенный монастырский поселок, ставший центром скитов и пустыней северо-восточной части острова.

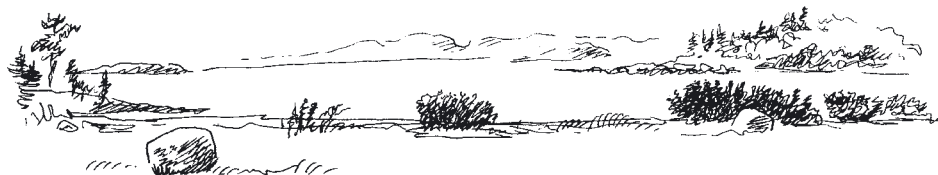
После организации на архипелаге лагерей в июле 1923 г. в Савватиево привезли “политиков”, т.е. эсеров, меньшевиков и анархистов — противников большевиков из левых партий. Зима 1923 – 1924 гг. началась трагедией: “политики” отказались принять очередное ужесточение режима и протестовали. Охрана открыла огонь, были убитые и раненые. Жертв этой провокации, ставшей достоянием мировой общественности, похоронили недалеко от скита. В 1925 г. “политиков” отправили на материк, а в Савватиево организовали “сельхоз”. К 1937 г. это была довольно крупная «командировка» (подразделение лагеря): три тюремных корпуса, несколько бараков, клуб, помещение для вольнонаемных, хозяйственные службы. Все было окружено ограждением с двумя вышками.

В 1942 г. на территории Савватиево находились подразделения Школы юнг. В каменных корпусах размещались учебные классы и

штаб, были расквартированы преподаватели, а юнги построили себе для жилья землянки. Таким образом, будущие защитники Отечества оказались в условиях едва ли не худших, чем заключенные. За три года существования Школа юнг подготовила для флота более 4000 специалистов.

...От процветающего скита сегодня осталось мало, но зато, как написано в одном путеводителе, “панорамы радуют обилием света и сочными запахами луговых трав”.

СЕКИРНАЯ ГОРА

По всей территории архипелага разбросаны конусообразные холмы с крутыми, почти отвесными, склонами. Эти “горы” — памятники деятельности ледниковых вод, сформировавших рельеф Соловков. Одна из самых высоких “гор” получила название Секирной.

В прежние времена у ее подножья путников встречала такая надпись:

“На Чудную Гору сию вход женскому полу возбранен по тому случаю, когда Преподобные Савватий и Герман жили на сем месте; рыболовы, проживая летом с женами под горою, оскорбляли Преподобных, чтобы изгнать их из острова. Перст Божий явил чудо. Ангелы в виде двух светозарных юношей изгнали рыболова жену прутьями с горы. На крик ея пришел Преподобный Савватий, коему жена сказала, что ангелы, изгоняя ее, говорили: «Сей остров назначен Богом для Иноков». Это чудо заставило рыболовов оставить остров и благоговеть к Преподобным, а женский пол не бывает на этой горе по таинственному страху.”

Вероятно, из всех многочисленных историй конфликтов подвижников Беломорского Севера с язычниками — эта самая фантастичная. Между тем, чудо с “женой карельской” находит косвенное подтверждение в исторических документах. Одна из грамот XV в. удостоверяет, что обширные территории Карельского берега, Кемских шхер и Соловки принадлежали карелке Ховре Тойвутовой. В середине столетия все эти “отчины и дедины” земли “на море” она продала новгородскому посаднику Дмитрию Васильевичу, причем подозрительно дешево — за три с половиной рубля. По денежному счету конца XIX в. это составляло чуть более 350 рублей. Очевидно, в то время на Беломорье произошло нечто, заставившее владетельную карелку избавиться от своих морских угодий.

В память о “жене карельской”, которую высекли ангелы, гору вблизи места поселения преподобных Савватия и Германа называли Секирной.

Чудесное знамение, указавшее предназначение островов, было отмечено братией памятным крестом, а позднее храмом, который стал служить маяком. Сохранившаяся до нашего времени церковь, как и храм в Савватиево, была построена по проекту архитектора Шахларева в 1862 г. Это впечатляющее восьмигранное трехъярусное здание имеет внизу теплый храм Вознесения, холодный придел Михаила Архангела во втором этаже, а наверху — барабан с колокольной. Главу венчает стеклянный фонарь маяка. Этот старейший и самый высокий на Белом море маяк продолжал существовать и в лагерные времена, его бессменным смотрителем оставался монах Флавиан. Маяк действует и по сей день. К церкви примыкает деревянный келейный корпус, окруженный хозяйственными постройками. На площадку перед храмом ведет крутая лестница в 294 ступени. Подняться на гору удобней по отлогой дороге, однако благочестивые богомольцы предпочитали именно лестницу, так как считалось, что с преодолевшего ее снимается 294 греха.

Во второй половине XIX в. скит обрastaет хозяйством: заводится ягодник, строятся валунная баня, конюшня. В целом Секирная гора приобретает живописный и ухоженный вид. Скит хорошо смотрится в просветы дороги и со стороны Савватиево, и со стороны монастыря. В прежние времена склоны у смотровой площадки были очищены от леса, что открывало захватывающий вид на остров и окружающее его Студеное море.

С самого основания лагерей в ските был устроен штрафной изолятор с очень суровым режимом. Сюда присылали провинившихся, беглецов и “отказников” со всех “командировок”, а также с материка на срок от месяца до года. Больших сроков, впрочем, не выдерживали. Кроме того, здесь приводили в исполнение расстрельные приговоры, хоронили убитых у склонов горы.

Архимандрит Феодосий Алмазов, отбывавший свой соловецкий срок в конце 20-х гг., так описывает это место:

“На Секирке два отделения: верхнее и нижнее. Днем вверху сидят на жердочках, вплотную друг к другу. Ни повернуться, ни размять отекающие ноги. После вечерней поверки их укладывают спать на голом каменном полу, без одеял, плотно, на один бок до самого утра... Жердочка зимой прямо непереносима, ибо крыша с дырами, а окна разбиты. Три четверти арестантов оттуда выходят вечными

калеками. После исправившихся(?) переводят в нижний этаж и тогда доверяют работу на свежем воздухе, но самую грязную...

В лагерном фольклоре Секирка является неизменным атрибутом “черного юмора”:

Хороши по весне комары,
Чуден вид с Секирной горы!
И от всяких ударных работ
Здоровеет веселый народ.

Недалеко от Секирной горы находится Исаковский скит, ставший центром лагерных лесоразработок. На работу в лесу поднимались в 4 часа утра, а ложились спать около 11 часов вечера. За невыполнение задания ставили на мороз или “на комаров”, раздев догола. Лесорубы умышленно рубили себе руки и ноги...

Во многих местах Соловецкого острова встречаются участки вторичного леса, поднявшегося уже в послелагерное время. Это еще одно напоминание о страшном времени.

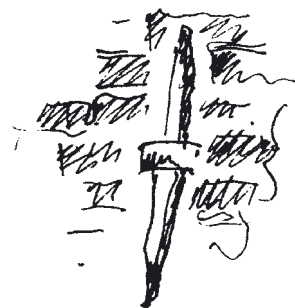

ХРАМ УСПЕНИЯ

В древности обитель на Соловках именовалась монастырем Святого Спаса, Пречистые Его Матери Святого Успения и Святого Николы. Среди Студеного моря Святая Русь явилась с именами своих излюбленных святынь, символами своего сокровенного богомыслия. Одним из них было почитание Пресвятой Богородицы и честного Ее Успения. Успенским был главный храм Московской Руси, построенный на Кремлевском холме над Москвой-рекой еще в XIV в. Символически образ Успения Богоматери соединял Соловецкий монастырь и с местом пострижения преподобного Савватия — с Кирилло-Белозерской обителью, центральным храмом которой был Успенский собор. Возможно, именно память о соловецком “первоначальнике” и подвигнула первых соловецких иноков к выбору такого посвящения.

Деревянный храм Успения появился на Соловках еще во времена преподобного Зосимы во второй половине XV в. В середине XVI в., когда в монастыре при игумене Филиппе развернулось широкое строительство, Успенская церковь была перестроена, став первым каменным зданием на острове. Возведение ее началось в 1552 г., работами руководили новгородские мастера Игнатий Салка и Столыпя. Близость технических приемов позволяет предположить, что позднее эти же мастера строили и Спасо-Преображенский собор.

Основной объем Успенского храма — это небольшая церковь с огромной трапезной и примыкающая к ним Келарская палата. Строительство в первую очередь этого, трапезного, а не соборного храма, можно объяснить практическими потребностями: в нем могла разместиться разросшаяся до 200 человек братия монастыря. Во вместительных помещениях первого яруса располагались “службы” — мукосейная, просфорная, пекарня; хранились продовольственные припасы. Здесь же находилась топочная камера оригинальной системы отопле-

ния всего здания. Теплый воздух по внутрисконным каналам поступал в помещения второго яруса.

Самое интересное в сооружении — это интерьер Трапезной, одной из самых крупных односконных палат Древней Руси. Скходы, опирающиеся на мощный центральный столп, перекрывают пространство площадью около 500 кв. м. Это всегда вызывало восхищение: “А трапезная каменная об одном столпе чудна, светла и превелика”, — писали об Успенском храме в прежние времена.

Трапезная — это место сбора всей братии, здесь не только ели, но и решали важнейшие вопросы монастырской жизни. Интерьеры здания просты и выразительны, росписи появились только в XIX столетии. Пища была непритязательна, обильна, но однообразна, поэтому для приправ расходовалось большое количество перца, уксуса, душистых трав и пр. В Успенском храме трапезовали иноки во главе с настоятелем и почетные богомольцы. Трудники, послушники и простые паломники ели отдельно.

Вот описание Трапезной, сделанное в 1896 г.:

“Это огромный светлый, почти роскошный зал с обширным четырехугольным каменным столбом, поддерживающим свод посередине. Близ него стоит образ и кружка. Весь зал ярко расписан, украшен духовными картинами, местами весьма хорошего письма. Трапезная уставлена длинными столами и поразительно походит на московскую Грановитую палату в высокаторжественный момент коронационного обеда. Впрочем, насколько роскошен зал, настолько проста сервировка стола. Деревянные ложки, оловянные тарелки и миски, вилки и ножик. Богомольцы почище обедают тут же, но за отдельным столом. Все становятся у своих мест и по прочтению молитвы ждут третьего удара небольшого колокола. Во время обеда один монах читает Святое Писание. Все молчат, раздается звон колокола, и десятки молодых послушников сразу и быстро стремятся к столам, ставят очередное блюдо и уносят посуду с остатками. Подают уху и вообще до четырех рыбных блюд, кашу с маслом, квас, молоко. Все весьма питательно и вкусно”.

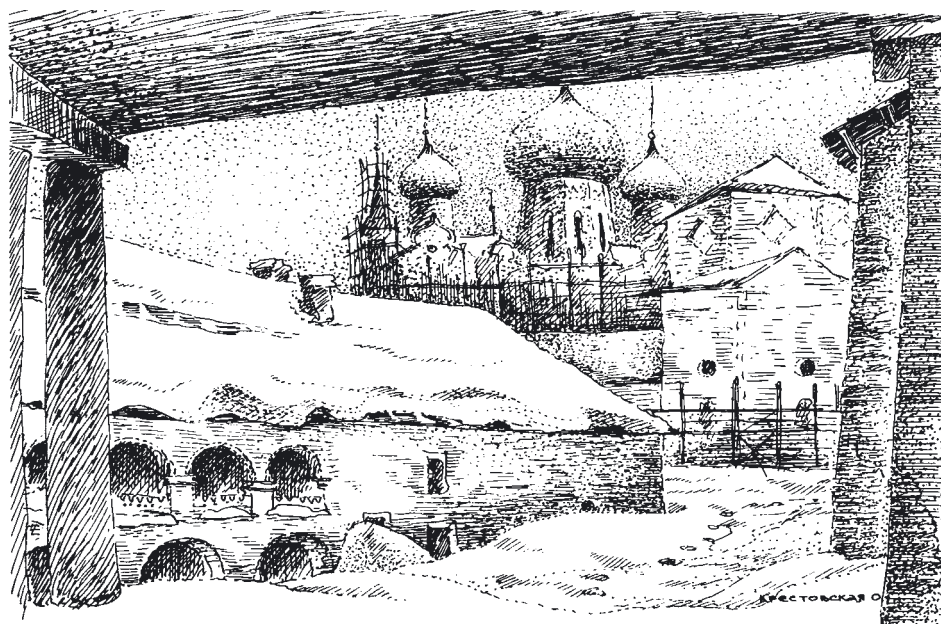
Иное впечатление производит келарская палата. По традиции она отводилась хозяйственному руководителю монастыря, но чаще использовалась для хранения ценной посуды и утвари. Келарская невелика и “приведена к человеческому масштабу”, что придает ей уютный и приветливый вид. По-своему выразительны высокие скходы, внутрисконные ниши для хранения имущества, стройный восьмигранный столп в центре.

Собственно храм Успения невелик, его особенность — наличие двух приделов в верхнем ярусе, куда ведет внутристенная лестница. Один был освящен в честь Иоанна Предтечи по имени святого покровителя Ивана Грозного, другой, построенный позднее в 1605 г., — в честь святого Дмитрия Солунского. Этот придел был откликом на воцарение Дмитрия-Самозванца.

К XX столетию церковь Успения вследствие пожаров и переделок XVIII – XIX вв. в значительной степени утратила свой первоначальный облик. В 1717 г. погорели главы и приделы, позднее дважды переделывались окна, растесывались порталы, были срублены лопатки. Со строительством колокольни убрали звонницу XVI в., перестроили паперть, затем изменили форму перекрытий, убрали лестницу в келарскую палату, сделали несколько пристроек. Разрушение памятника совершили пожары 1923 и 1932 гг.

В ходе исследований и реставрационных работ удалось установить, что Успенский храм положил начало особому кругу памятников “соловецкой” архитектурной школы. Целый ряд признаков был повторен во многих последующих сооружениях монастыря. Арочные паперти, пристройки алтаря, фасады с уступчатыми или прерывающимися лопатками стали общими чертами живописного строя и архитектурно-художественной композиции основных зданий Соловецкой обители.

Храм Преображения — ОБРАЗ ГРАДА ГОСПОДНЯ

Евангельский образ Преображения Господня был путеводным для русского народа в его историческом движении на Север. “Крайсветный” Север стал монашеским краем, местом преобразования человеческих душ, “взыскующих града” — Небесного Царствия. Наиболее ярким земным образом града Небесного явился Соловецкий монастырь и особенно его главный храм — Спасо-Преображенский собор.

Первую церковь Преображения построили после того, как преподобному Зосиме было явлено чудесное видение. Житие преподобного рассказывает об этом так:

“Бывшу же утреннему времени, изыде Преподобный Зосима из кущи и виде луч света основующую его все оное место, и ужасеся Преподобный, зря необычнаго света сияние, и к востоку очи возвед, узре церковь, на воздусе явльшуюся ему, образом велию и прекрасную...”

Храм, срубленный на указанном свыше месте, стал тем зерном, из которого начал расти Соловецкий монастырь. Вокруг преподобных Зосимы и Германа возникла монашеская община.

Более чем через сто лет, в игуменство святого Филиппа, храм Преображения был возведен заново, на сей раз — в камне. Обширностью и красотой он превзошел все храмы Беломорского Севера. Братия в начале даже пришла в смущение от грандиозности замысла своего настоятеля, однако огромные затраты не стали препятствием для создания главной святыни монастыря. По преданию, игумен Филипп не только был инициатором строительства этого великолепного сооружения, но и принимал личное участие в его проектировании и создании, завершенном в 1566 г. Тогда же в новый храм были

перенесены мощи преподобных первоначальников соловецких, а позднее здесь обрели покой останки самого святителя Филиппа.

Собор поставлен в самом центре монастыря. Зодчие стремились придать постройке особый смысл. Для этого потребовались необычные решения композиции, планировки и завершения собора. Величественность замысла воплотилась в общей высоте сооружения, в легком наклоне его стен, в устремленности ввысь плоскостей фасадов.

Наиболее оригинальным было соединение в здании собора нескольких архитектурных концепций XVI в. — многопридельной композиции храма, двустолпия и шатра (не сохранившегося ныне). Междустолпное пространство в интерьере храма приобретало смысловое развитие вглубь — в алтарь и ввысь — к символической вершине “Горнего Града”. Потоки света, изливающиеся из окон центрального барабана на солею и амвон, должны были, возможно, символизировать “Фаворский свет” — Божественную благодать.

Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря не находит аналогов в кругу близких ему по времени храмовых построек. Это одно из тех исключительных явлений, которые порождаются не столько видимым процессом историко-культурного развития, сколько скрытыми, ускользающими от истории течениями идей, столкновением волевых начал, а также сугубо местными особенностями жизненного уклада. Привычные художественные образы и строительные приемы столкнулись здесь с необычайно высоким замыслом — создать храм-воплощение великой и таинственной идеи. По сей день этот архитектурный феномен остается неразгаданным, предоставляя благодатную почву для различных толкований и гипотез.

Образ храма Преображения на Соловках занял особое место в символике Русского Севера. В нем виделась настоящая духовная твердыня, сущий град или престол Божий, но не на земле, а среди моря. “Святой град среди вод” — такое понимание Соловков вводило “край-светную обитель” в круг образов, связанных с концом света, с идеями Апокалипсиса. Глубинную мистическую связь Соловков с откровениями “нового неба и новой земли”, воплощенными в Спасо-Преображенском соборе, в наше время остро почувствовал соловецкий заключенный Б. Ширяев:

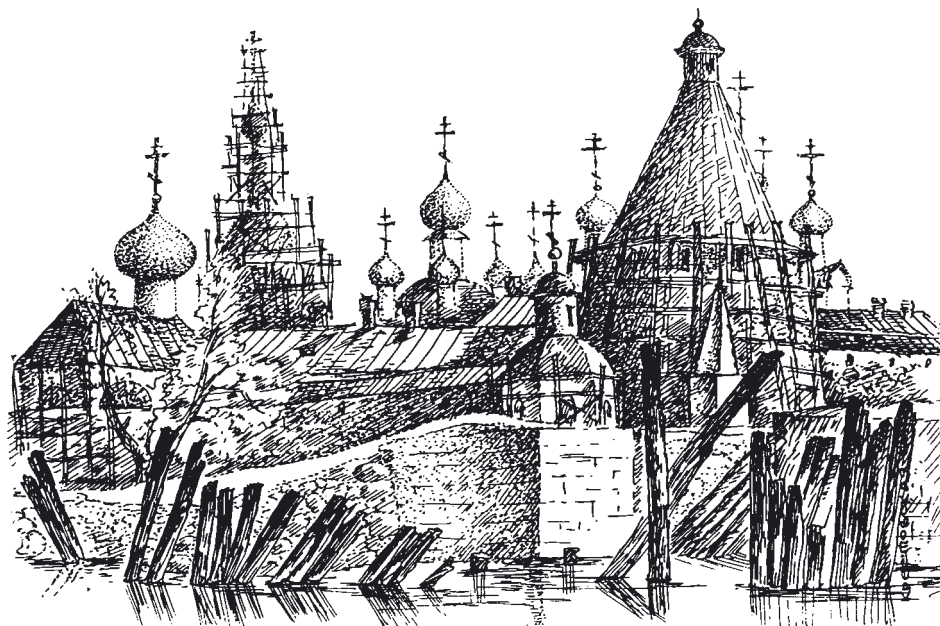
“Вечная жизнь Духа побеждает временную плоть. Безмерное висится над мерным, смертью смерть поправ. Так было на горе Иерусалимской. Так было на Голгофе Соловецкой, на острове-храме Преображения, вместившем Голгофу и Фавор, слившем их воедино. Так было на многих иных Голгофах иных стран и земель, по кото-

*рым легли Китежские тропы, страдные крестные пути к благо-
стой святыне Преображенного града”.*

*“В Преображенском соборе находилась тринадцатая — карантин-
ная — рота: сюда помещали привезенных на остров этапников, —
вспоминал писатель О. В. Волков, дважды отбывавший срок на Солов-
ках. — Нары в три яруса заселены сплошь. Люди шевелятся, как
тени, говорят вполголоса и, тем не менее, в высоком куполе древнего
храма этот сдержанный шум и случайные возгласы отдаются не-
смысленным гудением... Некий чудовищный улей... И каждую ночь в
бывшем притворе происходят расправы. Оттуда доносятся вопли и
выволакивают в кровь избитых людей. Их бросают в карцер —
огромное подземелье собора”.*

Главная святыня Соловков превратилась в образ вывернутого
наизнанку мира.

“СПАСЕНИЯ НАШЕГО ГЛАВИЗНА”

Днесь спасения нашего главизна,
и еже от века таинство явление...

Тропарь праздника Благовещения

Строительство надвратной Благовещенской церкви на Соловках по времени совпало с трагическим переломом русской истории — началом Смутного времени. Тогда в монастыре вокруг центральных храмов уже высились только что сооруженные мощные стены крепости, еще были живы современники святителя Филиппа, на смену которым вставали деятели новых времен и событий, не менее трагических. Соловецкий монастырь стоял на пороге своего наибольшего могущества и авторитета...

Храм над Святыми воротами, главным входом в обитель, играл важную роль в ансамбле монастырских построек. Возглавлял создание церкви тот же зодчий, который возводил соловецкие стены, — старец Трифон. Благовещенский храм был освящен в 1601 г. при игумене Исидоре, ставшим позднее митрополитом Новгородским. Первоначально небольшой кубический объем церкви, поднятый над аркой ворот, был увенчан трехъярусной горкой кокошников и небольшой главкой на стройном барабане. В 1745 г. случился пожар, и щипцовую кровлю заменила крыша на четыре ската. В 1899 г. церковь расширили в западную сторону, были поновлены ее иконостас, хоры, пол и лестницы.

В прежние времена в Благовещенской церкви происходило непрерывное поминовение вкладчиков, в том числе и соловецкого инока-строителя Трифона. Эта традиция продолжена и ныне. Над-

вратный храм, смежный Настоятельскому корпусу, был также и домовою церковью главы монастыря. Позолоченный иконостас из трех ярусов больших и малых образов, с резными серебряными и басменными окладами, освященный паникадилами и лампадами, был очень выразителен в малом объеме храма.

В советское время судьбы Благовещенской церкви и ее убранства сложились довольно удачно. Это единственный храм, уцелевший после пожаров лагерного времени. Тогда здесь располагался музей Соловецкого общества краеведения, что спасло интерьер от разрушения. Большая часть наиболее ценных икон из церкви была вывезена на материк и сохранилась в центральных музеях.

В 1992 г., 7 апреля, в праздник Благовещения, в обновленном храме впервые за много лет отслужили литургию, и состоялся постриг в монашество двух новых насельников возобновленной обители. Одному из них дали имя Савватий, а другому — Елеазар, в честь преподобного Елеазара, основателя Троицкого скита на острове Анзер. При последующих постригах братьям монастыря стали давать по жребию имена других соловецких святых.

За несколько дней до возвращения на Соловки мощей преподобных в августе 1992 г. в храме случилось чудо. Решили привести в порядок дверь в церковь, но когда приступили к работе, оказалось, что это не дверь, а икона... То, что открылось в процессе реставрации, поразило даже опытных специалистов. Известный житийный сюжет прибытия преподобных Савватия и Германа на Соловки был передан иконописцем очень “по-соловецки”. Все в этом образе узнаваемо: и крест на срубе, и деревянная лопата с железным наконечником в руках преподобного Германа, и море. Даже построение перспективы напоминает вид с горы Секирной. Отреставрированная икона сейчас находится в месте ее чудесного обретения — на паперти Благовещенской церкви, судьба образа выдвигает этот памятник соловецкой иконографии в ряд наиболее значимых символов Соловков.

День в монастыре начинается рано. В 6 часов утра вся братия собирается в Благовещенском храме, где читаются утренние молитвы, служатся полунощница и братский молебен у мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа. После молебна часть братии расходится на послушания, а клиросные остаются служить литургию. В воскресные и праздничные дни на Божественной литургии присутствует вся братия. С праздника Рождества Христова 1995 г. литургия в Соловецком монастыре совершается каждый день (кроме тех дней, когда она не положена по церковному уставу). В 5 часов вечера служатся вечер-

ня и утренняя, по окончании — лития по усопшим, за которой поминаются все почившие настоятели Соловецкой обители, от ее основания до последних дней; все известные иерархи Православной Церкви, принявшие мученическую кончину на Соловках в годы существования соловецкого лагеря. Каждую среду за вечерним богослужением всей монастырской братией поется молебный канон с акафистом преподобным Зосиме, Савватию и Герману.

ПАРАДОКСЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Призвание инок — подвиги духовные, но история возложила на Соловецкую обитель также дело обороны Беломорья. Воинский подвиг органически сочетался с духовным подвижничеством севернорусского монашества.

Беломорский Север во второй половине ушедшего тысячелетия являлся ареной борьбы держав Северной Европы. Соловецкие летописи пестрят сообщениями о столкновениях с “мурманами”, “каянскими немцами”, датчанами, шведами. В XIX – XX вв. на Белом море, внутреннем море России, воевали с Британией, Францией и Германией. Во всех этих войнах так или иначе принимал участие Соловецкий монастырь.

Во второй половине XV в., в первые десятилетия существования монастыря, на Беломорье произошли по меньшей мере три серьезных столкновения со скандинавами. Например, в 1478 г. удачно повоевавшие “каянскую” землю воеводы Ивана III преподнесли Соловецкому монастырю колокол, который и поныне можно видеть в обители. Очевидно, это один из древнейших русских военно-морских трофеев.

Новое обострение отношений с североевропейцами произошло во времена Ливонской войны. В 1571 г. у Соловков появляются шведские корабли, в 1579 г. подвергаются нападениям материковые вотчины монастыря. Тогда же на Соловках возводится деревянный острог, а несколько позднее монастырской казной сооружаются крепости и на материке. Наконец, в 1582 – 1584 гг. было начато строительство “каменного города” вокруг монастыря, завершенное в середине 1590-х гг. “На подмогу сего строения московские государи великие милости обители пожаловали”, но основные тяготы вооруженной борьбы на Беломорье несли его обитатели, соловецкие инок, стрельцы и служебники. Монастырский историк так описывает знаменитую твердыню, ставшую одной из лучших крепостей Европы того времени:

“Город или внешняя монастырская крепость взорам приезжающих представляет редкое и поражающее зрелище. Она есть странное произведение грубой натуры древнего зодчества и естественной в высокой степени механики. Стены взгромождены из неотесанных камней, коих величина по вѣму и положению их на место вызывает удивление и останавливает всякое испытание”.

Для руководства работами был прислан “городовой мастер” Иван Михайлов. Монастырская традиция связывает возведение крепости с соловецким старцем Трифоном, уроженцем села Неноксы: его имя было внесено в монастырский синодик для вечного поминовения. Мощь крепости была такова, что воинственные скандинавы не отваживались нападать на монастырь и ограничивались набегами на Северную Карелию и Мурман.

Особенно возросло военное значение монастыря в начале XVII в. — в то время только благодаря усилиям Соловецкой обители и жителей Севера удалось отстоять Беломорье в составе Российского государства, погибавшего в Смуте. По сравнению с другими крепостями, противостоявшими шведам на Севере, Соловки обладали огромным боевым потенциалом, который фактически не был востребован, и боевые действия велись почти исключительно на материке.

Разного рода льготы и преимущества обеспечили монастырю значительную самостоятельность, которая стала одним из оснований возмущения соловецких старообрядцев. Иноки славной Беломорской обители категорически отказались принять церковные реформы патриарха Никона и оставались глухи к мирным увещаниям. Военное противостояние царским войскам началось в 1668 г. и завершилось только через восемь лет. Январской ночью 1676 года монах-перебежчик Феокист указал тайный ход в монастырь, и отряд под командованием шведского наемника майора Келина решил судьбу мятежной крепости. Большая часть руководителей и участников возмущения погибли или были казнены, а их останки свезли на небольшой островок в гавани Благополучия. Это поражение подорвало не только материальное могущество Соловецкого монастыря, но и его духовный авторитет.

Петр I во времена борьбы со шведами помнил о мощи Соловецкой крепости и оказывал обители всяческие милости. Однако к началу XIX в. военное значение монастыря упало, и он был разоружен.

Военная история Соловков состоит из парадоксов: обладая фактической независимостью от Москвы, обитель исполняет “великое государево дело” по обороне страны. Восстав против государя, монастырь, в сущности, защищал коренные устои святости православного

царства. И, наконец, исключительно суровое военное испытание соловецкая крепость переживает, уже будучи вычеркнутой из списков военного ведомства. Во время Крымской войны в Белое море в 1854 г. была введена англо-французская эскадра, и два ее корабля в течение почти десяти часов обстреливали безоружный монастырь. Чудесным образом не было ни раненых, ни убитых. Тогда в обороне Соловков принимали участие иноки, “штрафованные солдаты” воинской команды, охранявшей арестантов, сами арестанты и даже один норвежский турист. Что же касается неприятелей, то в очередной раз исполнилась некая закономерность военной истории монастыря: всем, кто “вооруженной рукой” посягал на Соловки, очень не везло в дальнейшем. Так, были наказаны шведские военачальники, воевавшие монастырские вотчины в начале XVII в., попал в опалу воевода Мещеринов, овладевший обителью в 1676 г. Уволен был и командующий эскадрой союзников в 1854 г. Эразм Омманей. Позднее эту закономерность подтвердили расстрелы большевика М. С. Кедрова, установившего советскую власть на Соловках, и многих начальников соловецких лагерей.

СОЛОВЕЦКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Хотя я и отхожу от вас
по закону естества смертного,
но духом неотступно пребуду с вами.

Предсмертные слова преподобного Зосимы

По древней традиции у главного храма обители хоронили останки выдающихся подвижников благочестия, настоятелей, церковных иерархов и даже мирян, так или иначе связанных с монастырем. На Соловках все пространство около Спасо-Преображенского собора является почетным монастырским кладбищем. В советское время сюда были перенесены надгробия из других мест, например, одну из могильных плит совсем недавно обнаружили на сводах алтаря собора. Некоторые могилы затерялись еще в монастырское время и были найдены в ходе реставрационных работ. Кладбище для рядовых иноков и богомольцев располагалось к югу от кремля. Его разрушили в 1940 – 1950-х гг.: на территории построили госпиталь, кресты уничтожили, а надгробия использовали для устройства фундаментов зданий.

Сохранились достоверные сведения почти о восьми десятках похороненных около Спасо-Преображенского собора, в его подклетах и в прилегающих часовнях. Святые мощи основателей обители после завершения строительства собора в XVI в. перенесли в его стены. В 1920-е гг. останки святых были вывезены с островов и в конце концов оказались в Ленинграде, в Музее религии и атеизма. С возрождением монастыря мощи возвратили на Соловки, и ныне они находятся в Благовещенской церкви. 8 и 21 августа отмечается двойной праздник первого (1566 г.) и второго (1992 г.) перенесений мощей преподобных.

В соборе находятся могилы учеников и сподвижников преподобного Зосимы: инока Макария, карела, прибывшего на остров на

следующий год после поселения на нем Зосимы и Германа, сопостника преподобных отшельника Онуфрия, священосца Иоанна — рыбака и пустынника, по смерти неоднократно являвшегося инокам, терпевшим бедствия на море. Особенным почитанием пользовались места последнего упокоения старца Ионы Шамина († 1568 г.), духовника и учителя святителя Филиппа; игумена Иакова († 1597 г.), выдающегося соловецкого книжника, в настоятельство которого была возведена соловецкая крепость; игумена Иринарха, также много потрудившегося для благоустройства обители. Рядом с собором, в Германовской часовне похоронены архиепископ Вологодский Маркел, бывший соловецкий настоятель († 1662 г.), пожелавший вернуться на Соловки хотя бы и после смерти. Возвратился в родную обитель незадолго до кончины и погребен у Спасо-Преображенского собора блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. После перипетий Смутного времени вернулся в монастырь и невольный соловецкий пострижник Авраамий Палицын, могила которого находится у южной стены собора. Недалеко от его надгробия — могила первого соловецкого воеводы Михаила Озерова, погибшего в стычке со шведами в 1579 г.

Покоятся у собора и знаменитые соловецкие узники: например, дипломат и вельможа петровского времени П. А. Толстой с сыном Иваном. Привлекает внимание надгробие последнего атамана Запорожской Сечи П. Кальнишевского. Помилованный после 25-летнего заточения, он не пожелал оставить монастырь и, приняв постриг, скончался в 1803 г. 112 лет от роду. Недалеко от могильной плиты атамана находится надгробие архимандрита Димитрия († 1852 г.). Братия очень любила этого настоятеля и была весьма смущена его желанием быть похороненным в “неком неподобающем месте”, ибо все знали, как этот укромный уголок используется нерадивыми иноками и паломниками во время длительных богослужений. Так посмертно незлобивый настоятель прекратил это безобразие. Тут же, у западной стены собора лежит прах валаамского постриженника архимандрита Макария, основателя Макарьевской пустыни. Где-то под аркой собора с северной стороны был погребен архимандрит Иона († 1805 г.), при нем отремонтировали и перестроили практически все здания монастырского кремля, возвели Филипповскую церковь и завершили строительство дока. Наряду с другими настоятелями конца XVIII — начала XIX вв. — Герасимом и Илларионом, похороненными также у собора, Иона много способствовал улучшению нравственного климата в Соловецкой обители в начале XIX в.

Рядом с надгробиями настоятелей можно видеть могильную плиту старца Наума († 1853 г.), “блаженного подвижника, потрудившего-

ся в обители в простоте и терпении 60 лет”. Почитание простых трудников, достигших “видимого духовного совершенства”, — важная черта духовной жизни Соловецкого монастыря. Есть у собора и могила схимника Андрея († 1879 г.), трудившегося во славу обители 21 год. У западной стены похоронены иеросхимонах Алимпий с сыновьями, монахом Георгием и послушником Андреем. В первой половине XIX в. они расписывали соловецкие храмы.

Сохранились также надгробия мирян, удостоившихся погребения на почетном монастырском кладбище. Особое внимание привлекает могильная плита А. В. Булычева († 1902 г.), вятского крестьянина, ставшего крупнейшим беломорским судовладельцем, в конце жизни принявшего монашеский постриг...

Всего внутри монастыря и у его стен покоятся свыше 5000 иноков, трудников и мирян. Недалеко от аэропорта, у Иоанновской часовни, похоронены несколько десятков стрельцов, погибших во время осады обители в 1668 – 1676 гг.

Узников Соловецких лагерей особого назначения первоначально хоронили на краю монастырского кладбища, там, где в настоящее время располагается дом преподавателей соловецкой средней школы, а позднее — дальше к югу от поселка, у Лопского озера. Отдельные группы захоронений монастырского и лагерного периодов имеются в скитах и на заброшенных лесоразработках в глубине острова. Общее число жертв соловецких лагерей не установлено даже приблизительно.

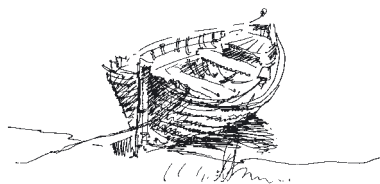
ПАЛОМНИЧЕСТВО НА СОЛОВКИ

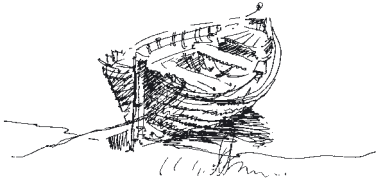
В прежние времена путешествия к святым местам были неотъемлемой частью жизненного уклада жителей России. В этом видится стремление удалиться от грешного к святому, приобщиться к иному миру, другому измерению жизненного пространства. Так, в Соловецкой обители усматривали реальное воплощение “преображенного града”, и образ “островов спасения” занимал значимое место в народном сознании. Трудности пути в “крайсветную обитель” придавали паломничеству особую глубину, напряженность и драматизм.

Главными центрами сбора богомольцев были Архангельск, Онега, Сумской посад и Кемь. Оттуда паломники со всей России на “партикулярных” или монастырских парусниках отправлялись на поклонение преподобным. Во второй половине XIX в. Соловецкий монастырь приобрел несколько пароходов и организовал регулярное сообщение с основными портами Белого моря. Прибыв на Соловки, “за труд, благочестие и усердие к монастырю” посетители на три дня бесплатно обеспечивались жильем и питанием.

Соловецкое богомолье, в общих чертах схожее с паломничеством в другие российские монастыри, имело важные особенности. Наблюдательный публицист прошлого века, побывавший на Соловках, отмечал:

“В России не найдется ни одного монастыря, в котором было бы такое ничтожное количество посетителей не из-за религиозных потребностей... Здесь туристы — явление редкое, еще реже простые любители дальних прогулок, то есть люди праздные и индифферентные, едущие ради приятного времяпрепровождения. Сюда едут почитатели святынь или по обету, или из благочестия, или во имя знания и патриотизма. Русскому мыслящему человеку здесь есть на что посмотреть и что вспомнить”.

Большую часть приезжавших составляли крестьяне, поэтому основной поток богомольцев приходился на первую половину лета. Для паломников было построено несколько гостиниц: народ попроще размещался в гостинице Архангельской, публика почище — в Преображенской, почетные богомольцы — в Петербургской.

После расселения, которым руководили “отцы-гостинщики”, происходило “цельбоносное купание” в Святом озере, затем шли на службу в Преображенский собор к мощам преподобных Зосимы и Савватия, после чего отправлялись в трапезную. В монастыре их было три: нижняя трапезная для простого народа, братская при Успенской церкви, где обедали с монахами приглашенные богомольцы, и отдельная женская трапезная. Дополнительно к общему кушанью можно было купить хлеб, булки, соленую рыбу, заказать пирог. После обеда желающие могли под руководством ризничего осмотреть ризницу и другие достопримечательности. Оказавшиеся поблизости монахи охотно рассказывали о них посетителям. При желании можно было взять специального сопровождающего.

На следующий день после утрени, которая начиналась в 3 часа ночи, паломники могли посетить скиты, платили повсюду одинаково — 1 рубль с человека в “оба пути”. Основными маршрутами были:

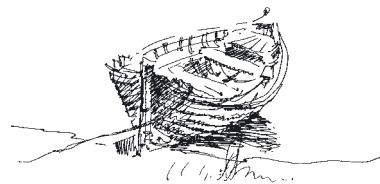
- Вознесенский скит на Секирной горе и Савватиево;
- остров Анзер: до тони Реболда доезжали на лошадях, а там переправлялись на карбасах через пролив; на острове поклонялись мощам преподобных Елеазара и Иова в Троицком и Голгофо-Распятском скитах;
- остров Муксалма, где осматривали молочное заведение монастыря и знаменитую дамбу через морской пролив, связавшую этот остров с Большим Соловецким.

Нельзя сказать, что Соловки посещали только простые люди. Здесь побывали многие российские писатели, ученые и государственные деятели. Неоднократно бывали в монастыре и члены царской семьи. Дважды, в 1694 и 1702 гг., здесь побывал Петр I, в 1844 г. — великий князь Константин Николаевич, чьи потомки являются ныне наследниками британской и испанской корон. В 1858 г. на Соловки приезжал император Александр II, в 1870 г. — великий князь Алексей Александрович, в 1885 г. — великий князь Владимир Александрович. В год трехсотлетия царствования дома Романовых (1913 г.) монастырь посетила великая княгиня Елизавета Федоровна, принявшая в 1918 г. мученическую кончину и затем прославленная Церковью как святая.

Богомольцы обязаны были придерживаться заведенных в монастыре довольно строгих порядков. Например, великому князю Влади-

миру Александровичу не разрешили поохотиться на островах. Всем посетителям, особенно женщинам, ни под каким видом не позволялось посещать монашеские кельи и вообще без дела бродить по монастырю. Приехавшие на богомолье могли заказать молебен, поминовение близких, приобрести иконы и жития подвижников благочестия, альбомы фотографий и гравюры с видами монастыря, резные ложки, кресты, четки и пр. Почетные богомольцы получали на дорогу бочонок знаменитой соловецкой сельди “архимандричьего” посола, а простые паломники — замечательный соловецкий хлеб. В среднем каждый посетитель обители приносил монастырю до 10 рублей дохода. Некоторые оставались по обету бесплатно работать на обитель, становились трудниками. Многие северяне, осмысляя прожитые годы, вслед за крестьянином И. С. Карповым, в юности потрудившимся на Соловках, могли сказать о себе: “Направление в мой жизненный путь дал мне Соловецкий монастырь”. Так или иначе, паломничество на Соловки было для наших предков памятным, ярким и запоминающимся событием всей жизни.

МОНАСТЫРЬ И ПРИРОДА

Сохранилось сказание последнего оптинского старца, отца Нектария, о соловецком подвижнике преподобном Елеазаре Анзерском: “Вышел преподобный как-то ночью из кельи, глянул на красоту и безмолвие окружающей скит природы, озаренной светом северного сияния, умилился до слез и из сердца его, растворенного Божественной любовью, вырвался молитвенный вздох: «О Господи, что за красота создания Твоего! Чем и как мне, червю презренному, благодарить Тебя за великие милости Твои?!»”.

Природа не только органически входила в ритм монашеского делания пустынников Северной Фиваиды, она укрывала их от мирской суеты и неправды. На безлюдных просторах Севера подвижники благочестия обретали свободу, необходимую для создания духовного блага, которое они несли миру. Из одиноких скитов вырастали населенные обители, активно осваивавшие Беломорье, и хозяйствование монастырей являлось продолжением духовного творчества иноков.

Выбор Соловков в качестве места для иноческого поселения мотивировался и рациональными, и религиозными соображениями. На архипелаге можно было выжить, только найдя принципиально иной, нежели в Центральной Руси, способ хозяйствования. Даже традиционные промыслы Беломорья нуждались в значительной перестройке, а иногда оказывались и вовсе неприемлемыми для Соловков. Так, например, сберегая леса, монахи очень рано прекратили солеварение на островах, для крупномасштабных построек завозили лес с материка и т.д. Даже такую меру, как взимание монастырем десятой доли с промыслов, производящихся на Соловках жителями Большой земли, можно рассматривать как природоохранное мероприятие. Соловецкие иноки считали всю землю архипелага святой и остро ощущали уязвимость его природы.

Природоохранная деятельность Соловецкого монастыря распространялась и на его материковые вотчины. Например, в игуменство святого Филиппа было запрещено в соловецких владениях заготавливать впрок дрова для соляных варниц. Активное вмешательство в природную среду обычно всесторонне взвешивалось и продумывалось. Например, соединение озер Большого Соловецкого острова направляло сток вод к стенам монастыря и ставило расход воды под контроль, позволяя накапливать ее на случай засухи.

Большое внимание уделялось восполнению природных ресурсов: очень рано в лесах занялись выращиванием лиственницы, завезли на острова оленей, начали опыты по разведению рыбы и ее «хранению» в живом виде.

Природа вошла и в литературное наследие Соловецкого монастыря. Житие преподобных Зосимы и Савватия наполнено описаниями природных явлений; игумен Филипп, став митрополитом Московским, в своей полемике с Иваном Грозным пользуется морскими образами; «своеручные» описания видений в сочинениях преподобного Елеазара Анзерского органически переплетаются с природными явлениями. В творчестве его современника, соловецкого инокa Сергея Шелонина, содержатся красочные описания водной стихии. В «Соловецком Патерике» прямо говорится о значении природы для духовного воспитания человека: рассказывая о монастырских трудниках XVI в. святых Иоанне и Лонгине, автор их Жития пишет:

«Хотя они были люди не книжные, но наставленные в первоначальных истинах христианства, из созерцания величественной природы почерпали важные уроки для своего простого ума и чистого сердца».

В XVIII – XIX вв. с упадком монастырской культуры часть традиций природопользования была утрачена, но принцип благоговейного отношения к богоданным благам оставался руководящим. Например, существовал строжайший запрет ружейной охоты, лишь для монастыря морских зверей и оленей ловили сетями. Столь же безусловным был запрет на возведение каких-либо частных построек на Соловецких островах, хотя монастырские промыслы иногда сдавались в аренду частным лицам.

Интересным фактом соловецкой истории является деятельность на островах биостанции, организованной Петербургским обществом естествоиспытателей, почетным членом которого был архимандрит Мелетий. Один из сотрудников биостанции, П. Хохлов, принял в обители монашеский постриг.

Особый пример взаимосвязи духовной и хозяйственной деятельности монастыря — соловецкие скиты и пустыни, расположившиеся в лесах, на берегах моря и озер. Среди них особое место занимает Макарьевская пустынь, где были акклиматизированы десятки видов растений, не привычных для Севера.

Достижение устойчивого равновесия между человеческой деятельностью и природой является несомненной исторической заслугой Соловецкого монастыря.

БОТАНИЧЕСКИЙ САД НА ХУТОРЕ ГОРКА В МАКАРЬЕВСКОЙ ПУСТЫНИ

В 1822 г. настоятель монастыря архимандрит Макарий в трех верстах от обители на берегу Перт-озера поставил кельи для иноков, искавших уединения, и основал пустынь, получившую затем его имя. Макарий происходил из простых валаамских монахов, он был любим братией и много сделал для пользы монастыря. Его настоятельство памятно постройкой каменной церкви на братском кладбище и увеличением денежных доходов обители: он стал помещать деньги в банк. Когда дела не задерживали Макария в обители, он удалялся в свою пустыньку для безмолвия.

Макарий выбрал место исключительно удачно: небольшая долина, закрытая от холода ветров лесистыми холмами, скоро полюбилась инокам. Последующие настоятели продолжали благоустройство Макарьевской пустыни: архимандрит Александр на одном из холмов поставил часовню, архимандрит Порфирий сделал пустынь своей летней резиденцией и построил здесь дачу из выращенной на Соловках лиственницы. В центре пустыни были устроены оранжереи с подземным подогревом почвы, что позволяло выращивать арбузы, дыни и персики. Тепло поступало от воскобелильного заводика, поставленного здесь же. На дальних холмах появились высокие поклонные кресты, завершавшие рукотворный ландшафт пустыни-сада.

Немаловажной особенностью Макарьевской пустыни являются открывающиеся с ее холмов виды на монастырь, леса, озера и морские просторы. Паломники прошлого столетия отмечали, что на

Соловках встречаются пейзажи, по своей красоте не уступающие Швейцарии. Растительность — основная достопримечательность этого удивительного места. Коллекция Соловецкого ботанического сада складывалась с середины XIX в. Первыми посадками стали лекарственные растения и плодово-ягодные кустарники, которые выращивали в небольшом количестве, главным образом для показа. Во второй половине века в Макарьевской пустыни высаживают декоративные и полезные виды, а также растения, имеющие символическое значение: яблони, которые напоминали об утраченном Рае; шиповник, перекликающийся с образом Богородицы; кедры, воплощающие идею верности Христу.

С превращением пустыни в летнюю дачу настоятелей появляются и декоративные растения. “Оранжереи с цветами прелестны. В оформлении клумб обнаруживается вкус и знание дела”, — писал о Макарьевской пустыни В. И. Немирович-Данченко, популярный беллетрист прошлого века.

В лагерное время в саду на Хуторе Горка (как тогда стала называться пустынь) разместилась резиденция зам. начальника лагерей. “Чудные гобелены, персидские ковры, стильная мебель”, — так описывали интерьер бывшей дачи архимандрита тогдашние посетители. Тем не менее ботанические опыты здесь продолжались, коллекция растений возросла более чем вдвое, главным образом за счет посадок, перспективных в отношении практической пользы. В 1933 г. высадили аллею лиственниц...

Пришедший в упадок во времена Учебного отряда, Хутор Горка после войны был возрожден учениками соловецкой средней школы, а с созданием на архипелаге музея-заповедника здесь организовали ботанический сад, коллекции которого постоянно пополняются. Акклиматизация видов, не характерных для Севера, позволяет раскрывать потенциальные возможности Соловков, демонстрировать удивительные возможности Макарьевской пустыни, обогащать генофонд островных видов.

Макарьевская пустынь, безусловно, самое замечательное и “благодатное” место Большого Соловецкого острова. С мая по октябрь здесь всегда что-нибудь цветет. Даже при ненастной погоде тепло и уютно. Ныне на Хуторе вам предложат настой из целебных трав. Соловецкая живность тоже любит этот уголок: зайцы, белки, дрозды, синицы, снегири и даже залетные кедровки — частые гости ботанического сада, а летучие мыши давно обосновались в старых постройках.

Макарьевская пустынь, в истории которой сочетались терпеливый труд и целеустремленная духовность, является своеобразным символом желаемого будущего нашего архипелага. Это зримый образ того, чем может стать наш холодный и жестокий мир при любовном и вдумчивом к нему отношении.

ЗАЙЧИКИ

Так ласково называют соловецкие жители Большой и Малый Заяцкие острова, расположенные в 5 км к юго-западу от гавани Благополучия. Большой Заяцкий — это маленький островок площадью не более 2 кв. км. Он уверенно держит первенство на архипелаге по количеству и разнообразию находящихся на нем достопримечательностей. Здесь расположен самый крупный на европейском Севере России комплекс культовых и погребальных сооружений II – I тысячелетий до н.э. В него входят полтора десятка лабиринтов и около 1000 других каменных выкладок, тут находится и крупнейший в мире лабиринт диаметром свыше 25 м. Недалеко от этих памятников, назначение которых до конца не разгадано, обнаружена стоянка первобытных людей эпохи раннего железа. Много позднее рядом с древними “вавилонами”, как называли лабиринты монахи, появились выложенные из валунов кресты. Осуществлялся своеобразный “диалог” между языческой и христианской культурами, благодаря которому, быть может, и сохранились на Соловках эти таинственные сооружения, уничтоженные в других местах.

Другую группу достопримечательностей Большого Заяцкого острова составляют монастырские постройки XVI – XVIII вв. Во времена святого Филиппа в середине XVI в. здесь была построена каменная гавань, приспособленная и для ремонта судов. В старинном описании Соловков о ней говорится: “Гавань сия не есть дело натуры, но устройство вымысла и приложения человеческого. Сказывают, выстроил ее один монастырский отшельник, который, как видно по устройению, при трудолюбии и силе обладал натуральною механикою”. Это легенда. Летописец же сообщает, что пристанище и палаты строили “люди

монастырские, да игуменовы наймиты”. Некогда здесь можно было видеть крест игумена Филиппа с надписью:

“Аще кого принесет в сие становище всякого православного христианина и вы бы Спаса ради и Пречистой Богородицы и преподобных отец Зосимы и Савватия и своего ради Спасения для покоя в становище сем тужалися по силе Бога, камения носили бы на западную сторону становища на угол от моря для того, чтобы волнами морскими не располоскало...”

Из-за сложного входа в гавань Благополучия крупные суда без особой надобности редко подходили к стенам монастыря. “Мореходцы”, если не имели времени или возможности помолиться в обители, заходили на Зайчики и ставили поклонные кресты. Таких крестов только на Большом Заяцком острове насчитывалось в былые времена около двух с половиной тысяч.

Вместе с гаванью на острове была построена каменная палата, перестроенная позднее. Рядом располагается деревянная церковь святого Андрея Первозванного, возведенная, по преданию, при личном участии государя в 1702 г. во время второго посещения Соловков Петром Великим. Облик Андреевской церкви не совсем обычен для Русского Севера и напоминает посадские храмы средней России: приземистая клеть под четырехскатной кровлей венчается небольшой главкой. С востока к клету прирублен пятигранный алтарь, с запада — небольшая трапезная. С севера и с юга во всю длину храма раньше шла крытая галерея.

Официально на Большом Заяцком острове скита не числилось, но здесь находились покои архимандрита — “домик для приезда начальников”, гостиница, погреб, поварня, конюшня — целая улица небольших хозяйственных построек. В XVIII в. здесь располагалась “карантинная застава” для борьбы с контрабандной торговлей вином.

В 1854 – 1855 гг. Зайчики пострадали от англичан, без видимого успеха обстреливавших монастырь. Тогда здесь жил монах Мемнон со стадом из 12 монастырских баранов и одного козла. Бараны сразу пали жертвой аппетита “просвещенных мореплавателей”, но козла неприятели пощадили “за ласковое с ними его обращение”.

В обычае направляющихся из монастыря на Заяцкие острова было поднимать по прибытии флаг на Сигнальной горе. Это означало, что дошли благополучно, а с моря видели, что в ските кто-то есть.

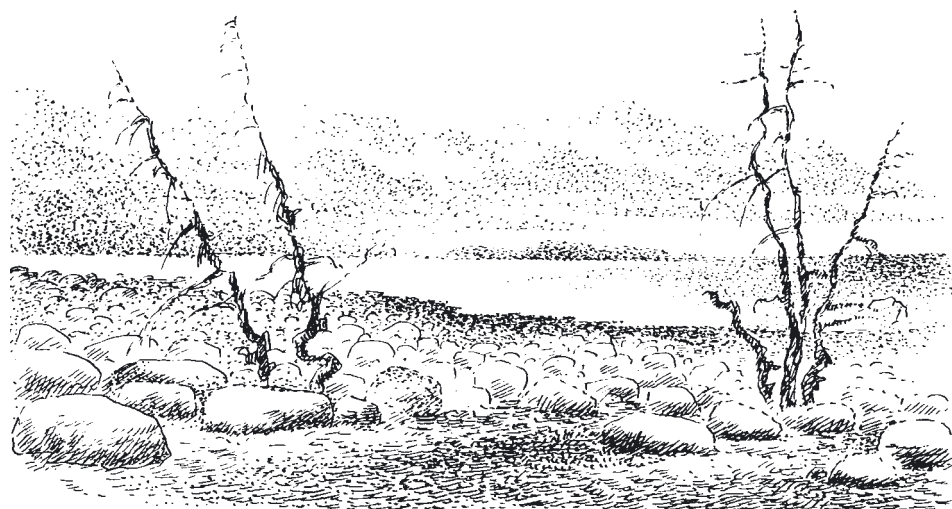
В лагерное время на Зайчиках был организован женский штрафной изолятор с суровым режимом, в который попадали, главным образом, беременные — за “половую распущенность”. Лагерная газета

“Новые Соловки” в 1925 г. писала о Зайчиках: “Попав сюда раз, стараются больше не попадать”. А. И. Солженицын приводит свидетельство о Малом Заяцком острове: в 1930 г. туда без пищи вывезли несколько десятков сектанток, все они умерли от голода...

На Малом Заяцком острове располагается крупная колония морских ласточек — полярных крачек, удивительно смелых и симпатичных обитательниц холодных морей. Оба острова оправдывают свое название — зайцев на них очень много, хотя некоторые считают, что острова получили его из-за того, что полюбились морским зайцам — лахтакам.

ОСТРОВ АНЗЕР

Это, безусловно, самый замечательный и таинственный из Соловецких островов. С ним связано множество легенд и сказаний, зачастую основанных на реальных исторических событиях. Говорят, например, что именно здесь похоронен разбойник Колга, которого на Руси именовали Кудеяром. Об анзерской горе Голгофе рассказывают не меньше ужасов, чем о знаменитой Секирке...

По меньшей мере с XVI в. остров Анзер был облюбован соловецкими отшельниками, почувствовавшими особость острова и его природы. Остров Анзер относительно малодоступен: хотя он отделен от Большого Соловецкого острова нешироким проливом, переправа через него нередко сопряжена не только с трудностями, но и опасностями. Длина острова около 17 км, ширина не превышает 7,5 км; ландшафты удивительно разнообразны: луга соседствуют с тайгой, крутые холмы, покрытые лесом, — с болотами и тундрой. Живописная местность органически включает в себя скиты в глубине острова и хозяйственные постройки на побережье, в тундровые ландшафты вписались святилища на мысе лабиринтов у Капорской губы и на Колгуевом наволоке.

В монастырских документах остров Анзер упоминается с XV в. Житие преподобных повествует о некоем разбойнике Василии, который обрел раскаяние на острове Анзер. В то время Троицкая губа использовалась для стоянки судов и морских промыслов, а позднее, в XVI столетии, на острове были заведены соляные варницы. В 1583 г. сюда перенесли из монастырского кремля деревянную Никольскую церковь, и игумен Иаков желал устроить на острове Анзер отдельный монастырь. Это намерение было осуществлено только в следующем столетии соловецким подвижником преподобным Елеазаром Анзерским. После уединенных подвигов на пустынном острове он основал скит Святой Троицы, в котором принял постриг будущий патриарх

Никон. Преподобный Елеазар прославился многими чудесами и духовными подвигами. Старообрядцы считают, что именно прозорливый Елеазар первым постиг “сатанинскую” сущность будущего церковного реформатора. Постройки елеазарова времени не сохранились, но место его уединения недалеко от горы Голгофы известно.

Преподобный Елеазар как бы замыкает ряд святых Древней Руси, заканчивая традицию древнего подвижничества допетровского времени. Другой знаменитый анзерский пустынножитель — блаженный Иов (в схиме Иисус), бывший духовник царской семьи, попал на Соловки невольно, будучи замешан в дело об объявлении государя Петра Алексеевича антихристом. Выбрав остров Анзер для подвигов уединения, он основал Распятский скит на горе Голгофе. Царь Петр в 1702 г. встречался с пустынником, в невинности которого убедился. На “морском” холме у берега, недалеко от мыса Лабиринтов, до 1930-х гг. сохранялся памятный крест, поставленный в честь посещения государя.

После смерти Иова Распятский скит запустел, но был возобновлен архимандритом Досифеем в 1820-х гг. Голгофо-Распятский скит отличался исключительно строгим уставом: здесь служили только панихиды, было установлено непрерывное чтение Псалтири.

С вершины анзерской Голгофы открывается захватывающий вид на суровые пространства морских вод, холмистых лесов и задумчивых озер...

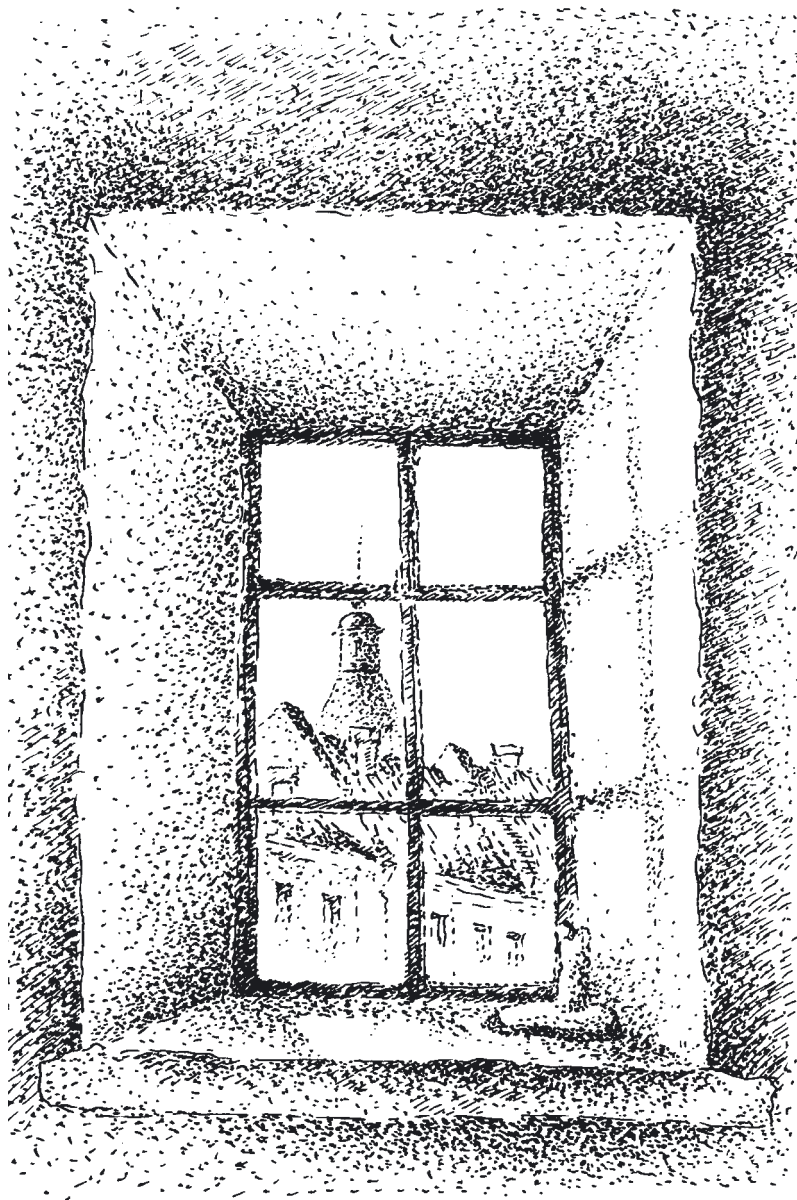
Сохранившиеся на острове постройки датируются XIX в. Это скитские ансамбли, остатки монастырской спасательной станции у входа в Троицкую губу, развалины Кирилловской тони на северном побережье и некоторые другие. Есть на острове и невольный памятник Великой Октябрьской социалистической революции — крест у святого источника по дороге на Спасательную станцию, поставленный иеромонахом Ефремом за день до большевистского переворота 24 октября (6 ноября) 1917 г.

В лагерное время остров Анзер стал особым отделением СЛОНа (соловецкие лагеря особого назначения). Первоначально здесь содержали “политиков” — меньшевиков, анархистов и эсеров, противников большевиков. Затем остров был превращен в штрафной изолятор, где находились уголовники-рецидивисты, “звери в образе человеческом”, которых боялась даже охрана. Сюда попадали просто неугодные начальству узники. Одно время здесь содержали “мамок” — заключенных женщин с грудными детьми. В 1929 г. на остров вывезли большую часть содержавшегося на Соловках православного и католического духовенства... Вообще Голгофа оправдала чудесное предсказание

Иову: “Сия гора убиелась страданиями неисчислимыми”. Для множества мучеников чудесный вид с горы был последним, что они видели в этом мире...

В настоящее время на острове Анзер ведутся реставрационные работы. Недавнее возобновление монашеского жительства на нем стало значимым событием в истории православия нашего времени.

СОЛОВКИ В 1920 – 1939 гг.

Идея создания концентрационного лагеря на Соловках возникла весной 1920 г., фактически одновременно с установлением на архипелаге Советской власти. Новая власть прекратила деятельность Соловецкого монастыря, его руководство было сослано, а оставшиеся на острове монахи и трудники стали работниками совхоза. Первые заключенные прибыли на остров в том же году и работали в совхозе.

Официально “Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения” (СЛОИ) был сформирован 13 октября 1923 г., но тысячи заключенных начали прибывать на архипелаг уже летом. В документах сохранились наименования СЛАГ, Северные концентрационные лагеря и др. О соловецкой истории XV – XIX вв. мы знаем подчас больше, чем о событиях 1920 – 1930-х гг. Свидетелей почти не осталось, а многие документы утрачены безвозвратно. Так, одним из первых документов, с которым удалось познакомиться, когда приоткрыли архивы, был акт об уничтожении полутора тысяч мешков с делами Соловецких лагерей...

Первым начальником Управления лагерями был А. Ногтев, которого сменил Ф. Эйхманс (до 1929 г.). В состав Соловецких лагерей в разное время входили Вишерские и Свирские лагеря, в 1931 г. на базе материковых отделений СЛОИа был создан Беломоро-Балтийский ИТА, а в 1933 г. Соловки оказались его штрафным отделением. Ворота лагерных Соловков был знаменитый Кемский пересыльный пункт в Рабочеостровске, в то время — Острове Революции.

Численность заключенных на островах не была постоянной и колебалась от 3 до 16 тысяч. В литературе можно встретить и более значительные цифры, но они включают “соловецких” заключенных на материке. Так, в марте 1930 г. в системе УСЛОИ томилось 57 325 человек, из них на Соловках — 15 834.

Первоначально большая часть заключенных была занята на работах по самообеспечению лагеря, но с середины 1920-х гг. начинаются попытки создания рентабельных производств: лесозаготовок на Соловках и в Карелии, торфоразработок, кирпичного завода, добычи и переработки продуктов морских промыслов, дорожного строительства. В лагерном поселке работали механический, кожевенный, гончарный и смолокурный “заводы”. Было проложено несколько веток узкоколейной железной дороги. Вскоре к прежним производствам прибавились обслуживание лесозаводов на материке, работы на Мурманской железной дороге, производство ширпотреба — “Кустпром”, “Пушхоз”, сортоиспытательная станция, “Йодпром” и пр. Соловецкие заключенные строили дороги на материке, основывали новые лагерные системы (Вайгач, УхтПечЛаг, БелБалтЛаг и др.).

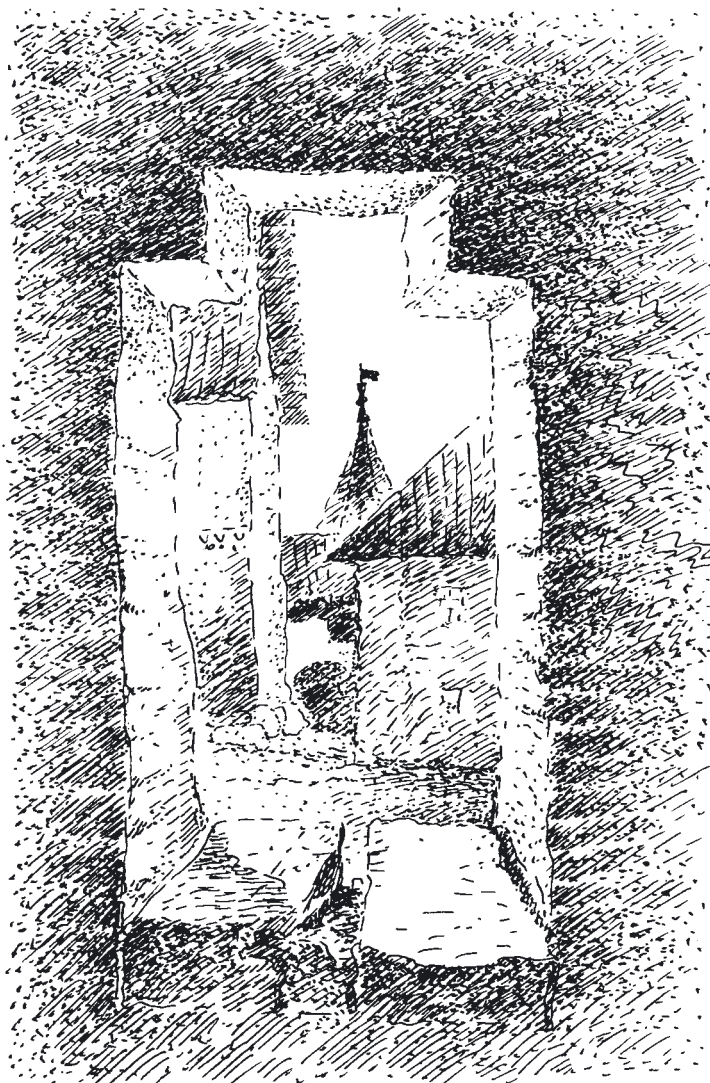
Соловецкие лагеря имели до конца 20-х гг. особый статус; они не платили государственных или местных налогов и сборов, имели собственные денежные знаки, собственную прессу и т.п. На “особом значении” Соловков во многом строился лагерный произвол, система издевательств над людьми и использование принудительного труда.

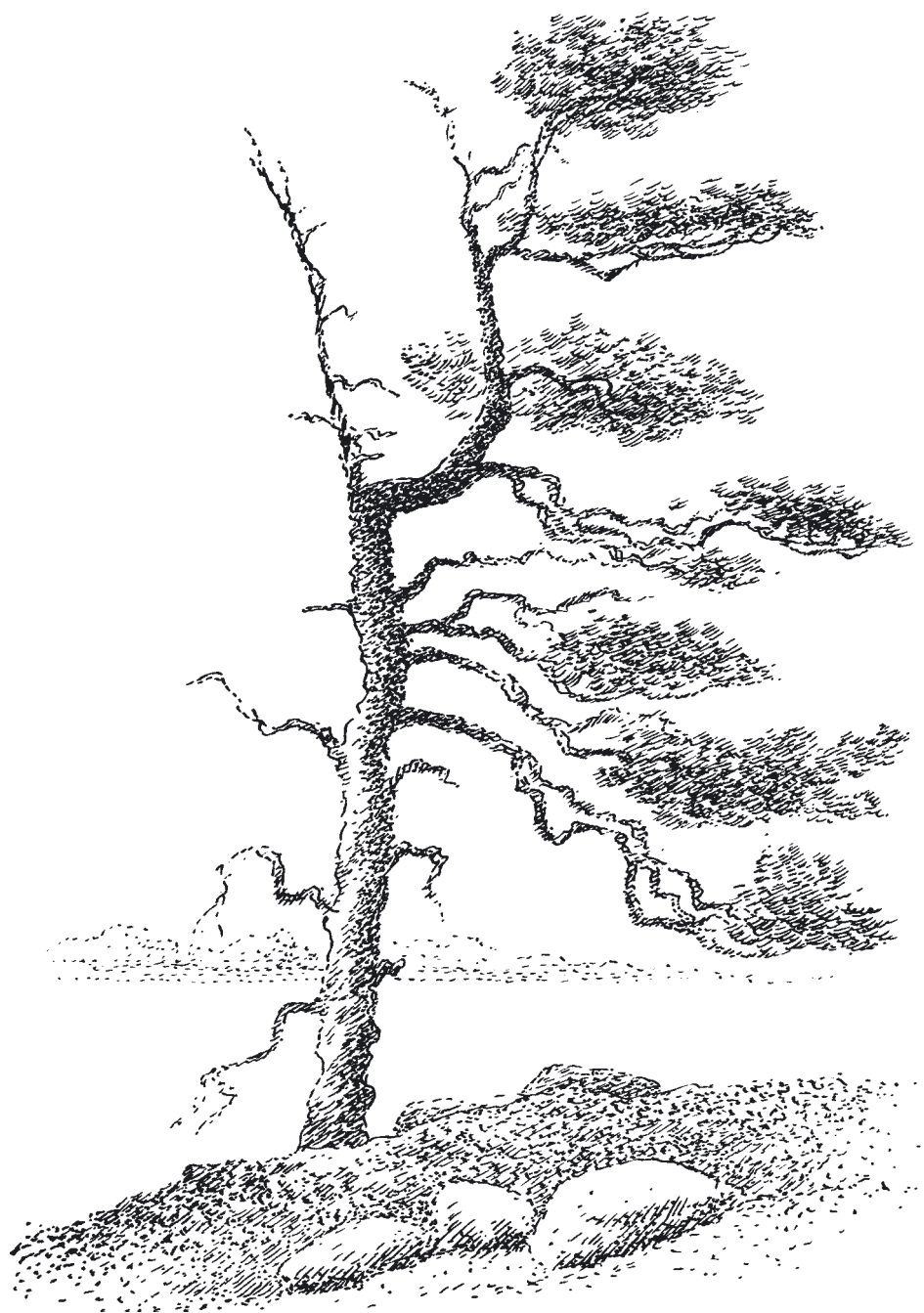
Удачных побегов с Соловков было мало, но все же информация о беломорских лагерях попала за границу. В Европе началась кампания против поставок северного леса, из Италии вызвали А. М. Горького, чтобы он “написал правду о Соловках”... Она осталась на его совести.

Соловки быстро приобрели славу одного из самых жестоких лагерей, хотя последующие времена дали примеры гораздо более страшные.

В 1937 г. на базе лагерей была организована Соловецкая тюрьма ГУГБ, просуществовавшая до 1939 г., когда все заключенные с Соловков были разосланы по другим изоляторам, а острова переданы Северному флоту.

История Соловецких лагерей полна легенд, часть которых имеет реальное основание. Однако многое из того, что рассказывают о Соловках, лишено достоверности. Даже сами заключенные нередко не знали правды и пользовались “парашей”, т.е. слухами, иногда намеренно распространявшимися начальством лагеря. Тем не менее подлинную картину произвола и жестокости, возведенных в систему, разум иногда просто отказывался воспринимать. Соловецкие лагеря сделали устрашающим символом мученических путей России в XX в.

ВОЗРОЖДЕНИЕ МОНАСТЫРЯ

Монастырь возобновил свою деятельность через 70 лет после закрытия — в 1990 г. Первоначально обязанности настоятеля исполнял игумен Герман, в помощь которому позднее был направлен иеромонах Зосима. Церковные службы начались в часовне святителя Филиппа, затем под монастырский домовый храм Всех Святых передали помещение на втором этаже гостиничного корпуса в северном дворе кремля. Рядом, в Наместническом корпусе, разместились братские кельи и служебные помещения обители.

Вскоре монастырь возглавил сам Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, в 1992 г. по его указу управлять монастырем в чине наместника был поставлен игумен (ныне архимандрит) Иосиф.

20 августа 1992 г. на Соловки торжественно возвратили мощи преподобных основателей монастыря. В перенесении мощей принял участие Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

К 1993 г. численность братии достигла 30 человек, примерно такой она остается и поныне. Около половины монашествующих постоянно живут на Соловках, остальные трудятся на монастырских подворьях в Москве, Архангельске и Кеми. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея II в 1995 г. возрожденной обители было дано полное официальное название «Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный¹ мужской монастырь».

Все памятники истории и культуры на Соловках являются собственностью государства, но некоторые здания переданы безвозмездно Соловецкому монастырю, как, впрочем, и часть церковной утвари из музейных фондов.

Работы у братии много: ремонт и реставрация зданий, благоустройство территории, восстановление убранства храмов, заготовка

¹ Ставропигиальные (букв. «крестовоздвиженские») монастыри подчиняются центральному церковному управлению, а не местным архиереям.

дров... У каждого инока свое послушание: в храме, на кухне, на скотном дворе, в мастерских. Посильную помощь оказывают и паломники: собирают грибы и ягоды для монастырской трапезы, трудятся на огородах и сенокосах. Доставляет богомольцев на Соловки монастырский катер “Святитель Николай”, приведенный в порядок благочестивыми трудниками.

Возобновленная обитель продолжает шестое столетие истории славного монастыря. И каждое лето множится число богомольцев, желающих поклониться соловецким святыням.

Самый праздничный месяц на Соловках — август. 12 августа — память преподобного Германа Соловецкого. Праздник престольный: в монастыре есть церковь, освященная в честь этого первого соловецкого подвижника. Через неделю, 19 августа, — главный престольный праздник монастыря — Преображение Господне. Праздничная служба в этот день совершается в Преображенском соборе. После Божественной литургии — крестный ход вокруг монастыря с водосвятным молебном на Святом озере. Такие крестные ходы совершаются в каждый престольный праздник, а летом — почти каждый воскресный день.

В Преображенском соборе богослужения продолжают в течение нескольких дней. Вслед за Преображением наступает не менее значимый для обители праздник первого и второго перенесений мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа (21 августа). К этому дню в Преображенский собор из Благовещенского храма переносят гробницы преподобных, и праздничные службы совершаются при открытых мощах. Следующий день опять праздничный — Собор соловецких святых (22 августа). Многие иноки в этот день празднуют свое тезоименитство².

Завершает августовский праздничный круг любимый всеми праздник — Успение Пресвятой Богородицы, служба которому совершается в ночь на 28 августа в Успенском храме. После Успения большая часть паломников покидает Соловецкий остров до следующего лета.

Храмов на Соловках много, поэтому много и престольных праздников³. Престол Пресвятой Троицы есть и в самом монастыре, и на острове Анзер — в Свято-Троицком ските. К Троицыну дню часть монастырской братии отправляется на остров Анзер для совершения праздничного богослужения. На Секирной горе находится Свято-Вознесенский скит, и в праздник Вознесения Господня там тоже совершается Божественная литургия.

На острове Большая Муксалма расположен скит преподобного Сергия Радонежского; на Большом Заяцком острове — деревянный

² В 2000 г. был установлен еще один общецерковный праздник, имеющий прямое отношение к Соловкам, — Собор новомучеников и исповедников соловецких (23 августа). — *Прим. ред.*

³ В августе 2001 г. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II была освящена отреставрированная церковь святого Филиппа, служившая до закрытия монастыря больничным храмом. Память святого Филиппа совершается 9/22 января, 31 мая/13 июня и 3/16 июля. — *Прим. ред.*

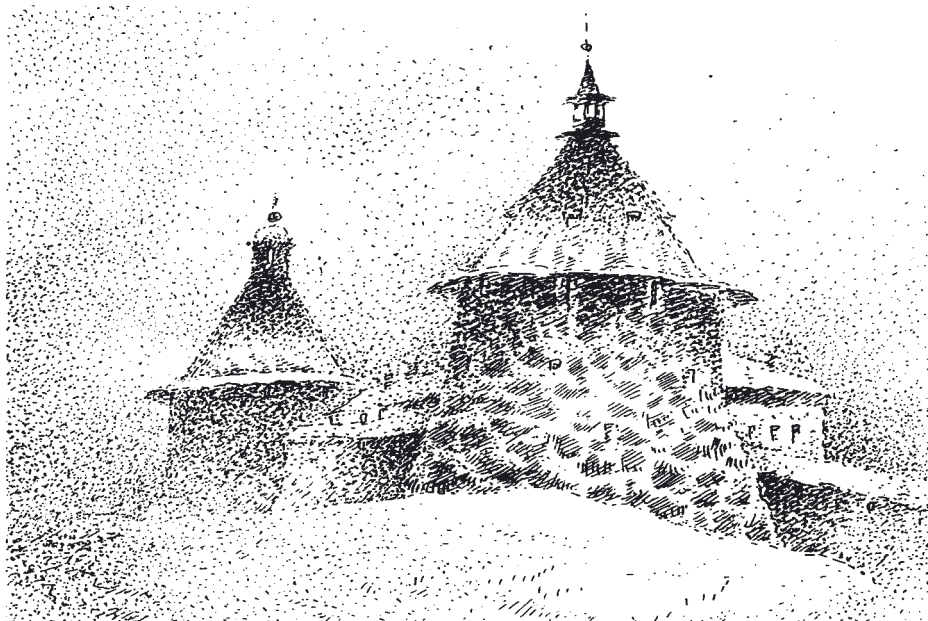
храм апостола Андрея Первозванного. В 1994 г., 13 июля, в день празднования собора 12-ти апостолов, ближайших учеников Христовых, там была совершена первая за много лет Божественная литургия.

Не случайно озеро, подступающее с востока к стенам монастыря, называется Святым. Сколько раз в год в нем освящается вода во время водосвятных молебнов! Но самое главное — великое освящение воды — совершается в праздник Крещения (Богоявления). Во льду Святого озера выпиливается прорубь в виде большого восьмиконечного креста. К этому кресту и направляется крестным ходом братия и миряне после литургии в Крещенский сочельник (18 января) и в сам день праздника (19 января) для совершения великого водоосвящения. После Всенощной к празднику Крещения вся братия монастыря идет на “иордань”, чтобы искупаться в освященной воде. Соловецкую крещенскую воду паломники увозят домой, чтобы поделиться ею с теми, кто не смог побывать на Соловках в эти праздничные дни.

Братией монастыря к настоящему времени на Соловках установлено несколько поклонных крестов. Первый из них был поставлен под Секирной горой 21 августа 1992 г. и освящен Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Еще один поклонный крест установили 3 июля 1994 г. у подножия горы Голгофы на острове Анзер в память о пострадавших в лагерное время православных иерархах. 13 сентября 1998 г. крест был воздвигнут в Филипповой пустыни на месте бывшего храма в честь иконы Божией Матери “Животворящий источник”.

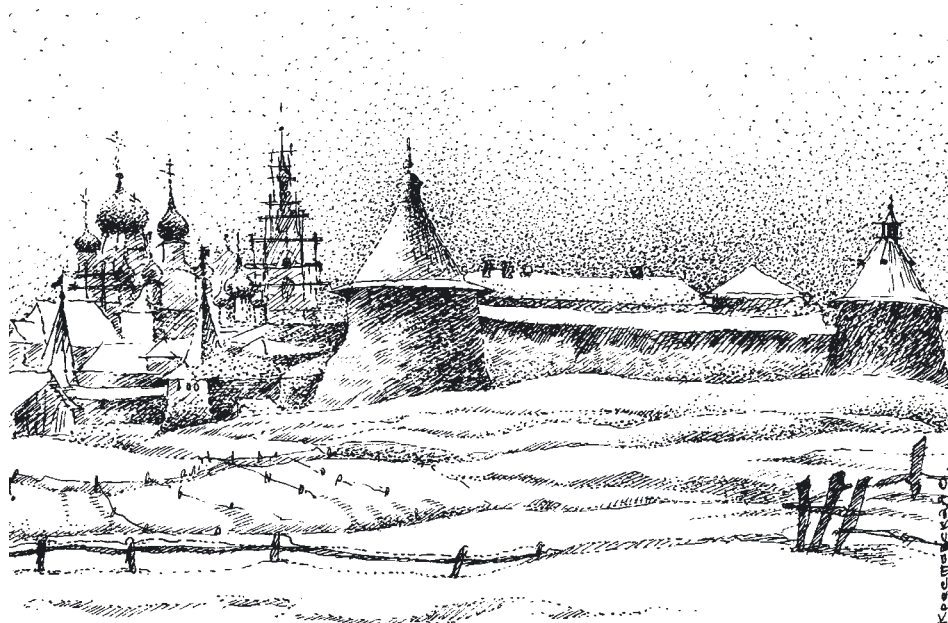
В православии монастыри — животворящие источники, питающие иссыхающие пустыни мирской жизни. Сегодня уже невозможно представить себе Соловки без иноков.

ДУХОВНАЯ ТВЕРДЫНЯ БЕЛОМОРЬЯ

НА РУБЕЖЕ СЕВЕРНОЙ ФИВАИДЫ

У истока движения русского монашества на Север стоял святой Сергей Радонежский († 1391 г.). В нем гармонически сочетались просветленное умное делание, самоуглубленное богомыслие и служение миру. Высоты христианского подвижничества, мистицизм и политика соединились в преподобном чудесно, непротиворечиво и органично. В благодатной полноте его духовного бытия совместились созерцание и служение, решимость и мудрость. Весь северо-восток Руси стал “школой преподобного Сергия” и в XV столетии пополнился обителями, основанными его учениками и последователями.

Особняком стоит фигура другого святого того же столетия — Стефана Пермского. Прославившийся своими миссионерскими трудами среди зырян, для которых составил азбуку, преподобный Стефан, как можно полагать, смело и широко мыслил о духовном освоении огромного края к востоку от европейских рубежей.

В XIV – XV вв. на Русском Севере было основано не менее ста монастырей. Это уникальное явление русской духовной жизни получило название “Северная Фиваида”.

Историки обычно различают два типа монастырей: городской (пригородный) и пустынный. Последние основывались в необжитой или малонаселенной местности, нередко на островах. Если в XIV в., по данным В. О. Ключевского, были основаны 42 пустынные обители и столько же городских, то в следующем столетии стремление к пустынножительству усиливается — появляются еще 57 пустынных монастырей и только 27 городских. Три четверти пустынных обителей основывались выходцами из таких же удаленных от мира монастырей и скитов¹. При этом новообразованная обитель не была в строгом

¹ Ключевский В. О.
Курс русской истории.
М., 1957. Ч. 2. С. 247.

смысле “колонией”, хотя признавала и чтит связь с “монастырем-метрополией”.

Для большинства будущих отшельников и киновитов дорога на Север начиналась либо в Троице-Сергиевом монастыре под Москвой (чаще же — же в его многочисленных «колониях»), либо в земле Великого Новгорода. “Московский” поток колонизации был представлен десятками новых северных монастырей, из которых наиболее значимы основанные в конце XIV в. — Кирилло-Белозерский и Спасо-Прилуцкий. Об этом направлении монастырской колонизации Русского Севера сказано и написано немало. Заинителем традиция считат преподобного Кирилла Белозерского, “собеседника” преподобного Сергия Радонежского и одного из самых выдающихся святых Северной Фиваиды. Это справедливо, но лишь отчасти. Движение на Север происходило и до преподобного Кирилла. Многие северные монастыри, особенно “новгородские”, оказываются вне прямой связи с кирилловской традицией. Так, к Новгороду “тянут” Валаамский (возник, вероятно, в XIV в.), Палеостровский (XIV в.), Муромский (XIV в.), Свирский (начало XVI в.) и другие обители. Нередко два названные направления переплетались между собой, примером этому может служить Соловецкая обитель.

Преподобный Савватий Соловецкий, выходец из Кирилло-Белозерского монастыря, пришел на Соловки с Валаама, а преподобный Зосима Соловецкий в одной из поздних редакций Жития называется постриженником Палеостровской обители. Угодья всех названных монастырей к началу XV в. имелись на Беломорье, кроме того, хозяйственную деятельность здесь развивали и другие монастыри, прежде всего Вяжецкий Никольский и Муромский. Валаам, Соловки, Паль-остров и Николо-Карельский монастырь находились на северном рубеже русской Фиваиды и случилось так, что первенствующее значение среди них приобрели Соловки, где иноческое поселение пребывало в наименее благоприятных условиях.

“Движение на Север” было столько же социально-экономическим, сколько и духовным явлением. Одни шли в иноки, “взыска града Небесного”, другие — “чтобы есть свой хлеб в покое”.

“Первоначальное накопление” духовных сил, которое сделало возможным монастырское освоение Беломорья в XIV – XV вв., происходило, вероятно, в Приладжье и на острове *Валаам*.

Валаамское предание относит основание обители на Ладоге ко временам апостольским, однако сопоставление различного рода письменных источников, а также данные археологических раскопок позволяют датировать возникновение Валаамского монастыря XIV в. Одной из возможных дат называют 1329 г. Утрата монастырского

архива в результате нескольких разорений обители делает Жития северных святых и немногочисленные летописные известия почти единственными источниками ее начальной истории. По монастырскому преданию, с самого начала на Валааме был общежительный устав. В источниках подчеркивается древность традиции аскетизма и строгость порядков, заведенных основателями обители преподобными Сергием и Германом. Это косвенно подтверждается позднейшими письменными источниками. О населенности монастыря говорится в Житии преподобного Арсения Коневского, который нашел на Валааме в 1393 г. смутившее его “многочисленное братство”. По преданию, в середине XV в. в монастыре насчитывалось едва ли не 600 иноков. В это трудно поверить, но другие данные в источниках отсутствуют. В 1500 г., кроме владений в Приладожье, обители принадлежали промысловые угодья и соляная варница на Белом море. По обширности владений Валаам занимал 12 место среди новгородских монастырей. Писцовые книги не дают сведений о монашествующих, но, судя по записям в монастырских синодиках, в конце XVI в. их было более 200. Как и Соловки, после присоединения новгородских земель к Московскому государству Валаам сохранил свои владения и получил новые льготы от Василия III.

В XV столетии Валаамский монастырь был значительным центром книжности Русского Севера и вел широкую миссионерскую и “колонизаторскую” деятельность. Если верить монастырской традиции, в те времена в северо-западном Приладожье было 12 скитов, основанных выходцами с Валаама. Пришедший на Валаам инок Арсений получил благословение на основание нового монастыря на острове Конев, валаамский инок Александр основал Троицкую пустынь — будущий Свирский монастырь его имени; основатель Палеостровского монастыря преподобный Корнилий перед уходом на Онегу, по преданию, как и преподобный Савватий, провел некоторое время на Валааме.

На Севере бытовала пословица: “Есть Спас и за Сухоной”. Валаамский монастырь, как и многие другие островные обители, — Спасо-Преображенский. Островное богомыслие православного иночества было тесно связано с идеей Преображения. Образ Преображения, по мнению современных исследователей, является центральным символом-иконой исторического движения русского народа в “полночные страны”. По своей глубинной сущности это движение было религиозным исканием “нового неба и новой земли”, изображенных в апокалиптических пророчествах Иоанна Богослова. Движение на Север — прорыв к тому, что будет по ту сторону истории, когда завершится земное странствие человечества².

² Терехин Н. М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 41 – 42.

³ Савич А. А. Главнейшие моменты монастырской колонизации Русского Севера. Архив СГИАПМЗ. С. 14 – 17.

⁴ Словарь исторический о святых. М., 1991. С. 140.

⁵ Материалы по истории Карелии. Петрозаводск, 1941. С. 99.

Историк *Палеостровской обители* Е. Барсов, с доверием относящийся к монастырским преданиям, датировал возникновение монастыря на Паль-острове XII в. А. А. Савич аргументированно доказал, что монастырь был основан не ранее 1375 г.³ Его основателем считается преподобный Корнилий, уроженец Пскова, пришедший на Онежское озеро после долгих странствий по другим монастырям. “Красота местоположения острова и благочестивая жизнь отшельника привлекли к нему многих посетителей, из которых некоторые поселились на острове. Преподобный устроил им кельи и построил храм Богоматери. Это было началом Палеостровского Рождественского монастыря. Преподобный Корнилий, управляя обителью, часто уходил для уединенного моления в устроенную самою природой пещеру, у подошвы горы на том же острове. Нося тяжелые вериги, в молитве и посте кончил он свои дни. По причине пожаров и опустошений Палеостровской обители нет достоверных сведений ни о времени преставления сего угодника, ни о времени пришествия его на остров”.⁴

Известна новгородская данная грамота Палеостровскому монастырю, где упомянуты почти два десятка “скотников и помужников Толвуйской земли”, в том числе и новгородский тысяцкий Дмитрий Васильевич, известный по соловецким актам.⁵ Документ, датированный 1415 – 1421 гг., напоминает жалованную грамоту, которая обычно давалась вновь образованной обители, хотя следует помнить, что между основанием монастыря и пожалованием ему угодий могло пройти несколько десятилетий. Грамота ценна тем, что, вероятно, была составлена уже при жизни преподобного Зосимы Соловецкого, происходившего из семьи толвуйских новгородцев. В ней перечислены его старшие современники, а возможно, и родственники. В поздней традиции, как уже говорилось, преподобный прямо называется постриженным Палеостровского монастыря. Как бы то ни было, определенная связь между знаменитым Онежским монастырем и Соловками, видимо, существовала.

Первое упоминание о *Николо-Карельском монастыре* относится к 1419 г., когда мурманы повоевали усть-двинские поселения, “а христиан и чернецов всех посекали”. По преданию, монастырь был основан Евфимием Карельским († 1435 г.) незадолго до этих трагических событий. Многие связывают расцвет монастыря с именем Марфы Борецкой — знаменитой Марфы-посадницы. Согласно этой версии, она отправила своих сыновей Антония и Феликса осмотреть поморские владения Великого Новгорода и укрепить их на случай возможного вторжения московских ратей. Лодья, на которой шли братья Борецкие, при возвращении с Соловков попала в шторм и затонула (в 1471 г.). Тела погибших сыновей Марфы были погребены в мона-

стыре, “что навсегда связало Борецких с дальней северной обителью и послужило причиной начального ее обогащения”.⁶ Впрочем, по другой, более правдоподобной версии, утонувшие не имели никакого отношения к Марфе-посаднице, а являлись сыновьями другой Марфы — жены новгородского боярина Филиппа Григорьева, жившего в начале XV в. Осматривая свои владения, братья утонули в районе устья Северной Двины. Сохранилась духовная грамота Марфы, в которой она указывает, что поставила церковь на могиле своих детей, Антония и Феликса, и завещает в монастырь ряд земельных владений:

*“Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се аз раба Божия Марфа списа сие рукописание при своем животе, поставила есми церковь храм святого Николы в Корельском, на гробех детей своих Антона и да Феликса, а дала есми в дом святого Николы куплю мужа своего...”*⁷

Некогда существовало местное почитание памяти Антония и Феликса, и тут мы имеем дело с одной из первых попыток прославления русских “морских” святых, погибших во время хождения по водам. Схожая ситуация сложилась в XVI в., когда начали почитать соловецких подвижников благочестия Иоанна и Лонгина Яренгских, а также Вассиана и Ионы Пертоминских, также погибших во время бури.

Никольский монастырь в двинском устье никогда не был многочисленным, число иноков при игумене Евфимии (Ефреме) Карельском не превышало 25, в последующие два столетия — 60. Монастырь владел небольшими угодьями в устье Двины и на берегах Белого моря, в том числе и Варзуге. С самого начала в обители было, по меньшей мере, две церкви: Успенская и Никольская.⁸

Образ святого Николая Чудотворца так “заткан агиографическими узорами”, что почти невозможно найти род деятельности русского человека, в котором этот святой не являл бы своего покровительства. Но особенно этот угодник Божий почитался моряками. Беломорский “дом святого Николая” — единственное на Руси начала XV в. морское монашеское поселение. Никольский рукав двинского устья имеет глубину до 9 м, а на бере у острова Ягра — 2,5 м в малую воду. В древности по нему могли ходить крупные суда. Местоположение у одного из важнейших беломорских морских путей сулило обители немалые выгоды во всех отношениях. Отправляясь в море или возвращаясь домой, благочестивые беломорцы молились об удачном плавании, благополучном возвращении, давали обеты. И все же, со второй половины XV столетия, сообщая об успешном морском походе, летописцы не забывают упомянуть, что возвратились корабли “мимо Соловецкого монастыря”, а воеводы жертвуют трофеи не в обитель на двинском устье, а на Соловки.

⁶ Суфун М. Н., Зафучевская Е. Б. Дом святого Николая // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 134.

⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 128, 129.

⁸ Лаушкин А. В. Антон и Феликс. (Рукопись.) Архив Товарищества Северного Мореходства; Суфун М. Н., Зафучевская Е. Б. “Дом святого Николая”. С. 137; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 32 – 34.

Какими бы годами ни датировали возникновение обителей на Валааме, Паль-острове и на Никольском рукаве двинского устья, эти монастыри уже существовали во времена основания иноческого поселения на Соловках и владели угодьями на Белом море. При этом Валаамский и Палеостровский монастыри имели отношение к становлению Соловецкой обители. Соседство угодий, сходство условий существования и источников доходов, общность книжных интересов, несомненно, приводили к контактам соловецких иноков и с Николо-Карельским монастырем.

В документах XV в. Соловецкий монастырь именуется по-разному: “дом Божий святого Спаса”, “дом святого Спаса и святого Николы”, “дом Божий святого Спаса и святой Богородицы”.⁹ Первые соловецкие храмы Успения Пресвятой Богородицы, Спасо-Преображения и святителя Николая явились первообразами новой обители. Их посвящение как бы связало обитель с теми монастырями, которые должны были оказывать наибольшее влияние на ее становление — с *Успенским Кирилло-Белозерским*, *Преображенским Валаамским* и *Никольским Карельским*.

Среди этих соловецких первообразов явно выделен образ Богоматери. Он пронизывает всю историю Соловков. По преданию, икону Богоматери Одигитрии (Путеводительницы) принес на Соловки преподобный Савватий. Не раз иконы Пресвятой Богородицы чудесно являлись соловчанам: например, “запечная икона”, явленная будущему митрополиту Филиппу, чудесно явленная Сосновская икона и т.д. Незримое присутствие Богородицы ощущается на всем пространстве архипелага, проявляясь в посвящении церквей и часовен (храмы Благовещения и Успения в монастырских стенах, церковь Смоленской иконы Божией Матери в Савватиево, Покровская и Знаменская часовни на острове Анзер).

Приведем данные о новгородских храмах, упомянутых в Новгородской первой летописи. Из 160 церквей — 10 Никольских, 8 в честь Спаса и 20(!) посвящены Богородице, из которых 5 — Ее Рождеству и 5 — Успению.¹⁰

Успение Богородицы несет в себе “крайсветные” эсхатологические мотивы: для тех, кто умер при жизни, претерпел *преображение*, смерть — это *успение*. Смысл монашеского подвига на “острове мертвых” заключается в попрании смерти, в подготовке себя к успению. Это возможно лишь при условии выхода за пределы человеческого жизненного пространства и достижения “обетованной” земли, локализованной в ином измерении. Именно такой землей, расположенной в “самом пекле” потусторонней реальности, и является остров, превращающийся в сакральный центр Северной Фиваиды.¹¹

⁹ Акты Соловецкого монастыря 1472 – 1584 гг. Л., 1988. С. 16 – 56.

¹⁰ Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950. С. 596 – 624.

¹¹ Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера. С. 35.

Итак, на морском рубеже Северной Фиваиды основались Николо-Карельский и Соловецкий монастыри. Перед этими обителями вставала новая для русского православия задача — освящение морского труда. Погибшие на море, но морем возвращенные, прославлялись как праведники, хотя умерли они смертью, страшною для христиан — без покаяния, не “вкусив Святых Тайн”. Такое прославление имело огромное значение для устранения страха перед морем и для воспитания “морского сознания”.

То, что образы Преображения, Успения и Николы освятили ключевую обитель рубежа Северной Фиваиды, имеет важное значение в метафизике Соловков. На краю света, в условиях, неизмеримо более экстремальных, нежели в лесах Русского Севера, соединились образы, в наибольшей степени отвечающие ощущениям конечного предела, с одной стороны, и надежды на спасение, с другой. Там, на материке, богомыслие более локально и конкретно, на островах же, в чудесном Студеном море, в холодном просторе, сознание требовало опоры, пронизывающей всю глубину христианских представлений и надежд. Пользуясь военной терминологией (а монашество — это духовное воинство), сознание порубежных иноков, нацеленное на духовное освоение нового пространства, более стратегично. Море — это поле надежды, пространство непосредственной встречи Бога и человека. Соловецкие иноки перешагнули некую черту и вошли в новое духовное измерение, где антиномии русской святости разрешались иначе, чем на материке. Валаам — озерный монастырь, он расположен в 40 верстах от берега, но пролив замерзает, и Валаам как бы не отделяется от материка полностью, да и сам ладожский архипелаг слишком мал, чтобы быть самодостаточным в духовно-пространственном отношении. Соловки находятся в 60 верстах от берега Северной Карелии, но разделяет их *Студеное*, “колдовское” море, через которое шесть месяцев в году ходить почти невозможно, и поселение на Соловках было решительным шагом к освоению нового пространства. С основанием Соловецкого монастыря Северная Фиваида, образно говоря, “вышла из леса”. По замечанию Н. М. Теребихина, лес представлял собой чуждое “русскому духу” замкнутое, мертвое, сонное пространство, выход из которого был возможен лишь на путях духовного подвига. Но, в то же время, лес для Северной Фиваиды — пространство духовной глубины, однако море — пространство духовной свободы. “Водная (морская) стихия, выражающая всю полноту “русскости”, содержит в себе и всю беспредельную широту “степного” и предельную глубину “лесного”. Море для русского человека есть тот “божественный мрак”, который открывает путь к познанию последних вопросов бытия”.¹²

¹² Теребихин Н. М. Богословие русской земли или геософия русской души. Архангельск, 1997. Вып. 2.

“ДРУГИМ МОНАСТЫРЯМ НЕ В ОБРАЗЕЦ”

*“Обитель Соловецкая во внешнем постепенном распространении и возвышении, по споспешеству молитв Чудотворцев Зосимы и Савватия обязана особенному покровительству Российских Самодержцев, жаловавших оную многими вотчинами, денежными вкладами и другими вещами, а сему благочестивому примеру подражали и прочие знаменитые особы и христолюбцы... Впоследствии же не токмо одно благочестие побуждало Государей благодетельствовать обители Соловецкой, но и близкое расстояние оной от шведских и датских владений...”*¹

Не надо думать, что покровительство российских самодержцев Соловецкому монастырю было чем-то исключительным. Разного рода льготами и преимуществами пользовались и другие монастыри, в том числе и те, что имели владения на Белом море, например Кирилло-Белозерский, Палеостровский, Вяжецкий. Очень многие духовные вотчинники сумели исхлопотать себе своего рода “конституционные свободы” в виде жалованных и несудимых грамот, подчиняясь только центральной власти. Но положение Соловецкого монастыря в этой запутанной системе было действительно исключительным, поскольку фактическое значение тех или иных актов зависело от целого ряда обстоятельств и отношений, складывавшихся на Беломорье в XV – XVII вв.

Во второй половине XV в. возвышению Соловецкого монастыря способствовали процессы перераспределения собственности в новгородском Севере: скупка карельских земель новгородцами и позднее переход новгородских владений под власть Москвы. Жалованная

¹ Архимандрит Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. С. 208 – 209.

грамота Ивана III, фактически повторявшая новгородскую грамоту середины XV в., была подтверждена в 1507 г. великим князем Василием III. С именем этого государя связано начало реального возвышения Соловецкого монастыря, развитое деятельностью святого Филиппа и упроченное грамотами Ивана IV. В жалованной грамоте, выданной от имени последнего в 1541 г., содержится изложение “погоревшей” грамоты Василия III, на основании которой его юный сын Иван предоставляет Соловецкому монастырю многочисленные льготы и преимущества. Пожар в монастыре был в 1538 г. Если верить соловецким старцам, грамота великого князя Василия Ивановича освобождала обитель, ее слуг и крестьян от суда наместников и волостей новгородских, двинских, выгорецких и иных. Право суда по искам к монастырю передавалось великому князю или его боярину. Освобождались от “мыта, тамги, явки, побережного, весчего, померного, гостинного, искунного и других некоторых пошлин” грузы двух лодий монастырских летом и 18 обозов зимой. Запрещалось брать подводы у монастыря и его крестьян “опричь ратного дела” и “имать десятую рубу” на монастырских тонях. В актах преемников Василия III в XVI – XVII вв. эти льготы частично расширились и уточнялись, частично ликвидировались. Таково было начало особого статуса Соловецкого монастыря.

Судьба соловецкой вотчины подробно прослежена А. А. Савичем. Рассматриваемые им акты схожи с документами других монастырей. Если же выделять самобытные моменты становления и развития “обители Пантократоровой на море окияне Белом Соловецком”, то следует указать, прежде всего, на ее роль в духовном освоении Русского Севера, на ключевые позиции монастыря в экономике региона и на значение Соловков в обороне Беломорья.

Не следует забывать, что серьезное столкновение с иноплеменниками на Руси всегда переносилось в плоскость защиты веры, и военно-организационные мероприятия центральной власти на Беломорье опирались и на духовный авторитет обители. Точкой отсчета военной истории Соловков обычно устанавливают 1571 г. — появление на Белом море шведских военных кораблей. По нашему мнению, эту дату следует перенести в XV столетие, когда в обитель в 1479 г. был пожертвован “каянский колокол” после удачного похода в Скандинавию. Этот сохранившийся поныне трофей, древнейший в русской морской истории, подарен обители, вероятно, в знак признания и в

благодарность за определенную помощь, оказанную иноками русскому войску.²

Роль Соловецкого монастыря в обороне Беломорья высоко оценена советскими историками. Несомненной и выдающейся следует признать заслугу обители в сохранении для России выхода в мировой океан: в Смутное время благодаря усилиям соловецких стрельцов, беломорских крестьян, взвешенной дипломатии соловецкого игумена Антония “поморские городы” сохранились в составе Московского государства. Военное значение Соловков было основанием для многочисленных льгот и преимуществ, предоставленных монастырю в конце XV — первой половине XVII вв., часто вопреки общей секуляризационной политике государей, “другим монастырям не в пример”. Кроме того, со второй половины XVI в. началась традиция крупных царских вкладов в Соловецкий монастырь. Иван Грозный в разное время пожаловал обители только деньгами 4 тысячи тогдашних рублей. Общий объем таких вкладов, включая церковную утварь, различные вещи и вооружение, был настолько велик, что иностранцы подозревали московских государей в переправке своих сокровищ на Соловки.³ Вероятно, именно государевы вклады и явились тем мощным толчком, который окончательно выделил Соловецкую обитель среди других северных монастырей. Две главных постройки XVI в. — Спасо-Преображенский собор и крепость, сформировавшие духовно-пространственный образ Соловков, — возведены они были не в последнюю очередь на государевы деньги.

Огромный документальный материал по хозяйственной истории Беломорья XVII в. издавна привлекал внимание историков. Благодаря их усилиям сейчас можно представить более или менее целостную картину господства Соловецкого монастыря в западном Беломорье. Оно опиралось на огромный финансовый потенциал обители, основой которого была соляная торговля и проникновение монастыря во все отрасли тогдашней экономики Севера. Можно с уверенностью сказать, что не было ни одного крупного поселения на карельском и мурманском Севере, где не чувствовалась бы рука соловецких старцев. Другие монастыри владели здесь варницами и угодьями, нередко более значительными, чем соловецкие, однако влияние Соловков было почти всесторонним и поэтому исключительным. Все духовные вотчинники использовали примерно одинаковые способы хозяйствования, но, вероятно, соловецкие старцы превзошли других качеством, оперативностью и динамичностью своей деятельности, опиравшейся

² Морозов С. В.
На Белом море,
на Соловецких островах.
СПб., 1998. С. 17.

³ Россия XV — XVII вв.
глазами иностранцев.
Л., 1987. С. 327, 165.

на доминирующее положение Соловков в транспортной системе Беломорья. Можно предположить, что морская специфика монастыря во многом способствовала исключительному успеху его деятельности, а монастырский флот сделал Беломорье Соловецким.

Вырисовывается поразительная картина положения Соловков в составе Московского государства. Иноки содержали свою армию, строили крепости, с 1637 г. в Сумской острог воевод не посылали, оборону Беломорья возглавил соловецкий игумен. Московский государь извещает Соловецкую обитель о вероятных нападениях неприятелей, о своих военных предприятиях, берет на них у монастыря деньги. В Москве монастырь имеет своего официального представителя — строителя соловецкого подворья. Патриарх Никон (1652 – 1658) ставил благосостояние Соловецкой обители на третье место после Троице-Сергиевской лавры и Кириллова монастыря.

Однако уже со времен Ивана Грозного монастырь несвободен от государевых податей и пошлин. Точным исчислением их историки не занимались, сосредоточившись на подсчетах доходов обители, да и сделать это довольно трудно из-за многоступенчатости, сложности и неясности налоговой системы XVI – XVII вв. К примеру, известны по меньшей мере подюжины грамот о получении налогов и оброков с монастырских угодий только за 1571 – 1574 гг. Позднее монастырские старцы сумели устроить дело так, что обитель стала платить в казну пошлин и оброков общим счетом 658 рублей 33 алтына 1,5 деньги. Сумма по сравнению с настоящими пошлинами ничтожная. В 1648 г. царь Алексей Михайлович повелел брать с тарханщиков обычные пошлины, и Соловецкому монастырю пришлось уплатить за 130 пудов соли 3900 рублей налогов только за один год. Архимандрит Варфоломей подал челобитную, где говорилось, что Соловецкий монастырь “не в образец другим монастырям” всегда был тарханщиком, строит три крепости, покупает боеприпасы, содержит войско. Ввиду этого царь “иным монастырям не в образец” велел вести дела по-прежнему, т.е. обитель должна была платить те же 658 с небольшим рублей.

Еще раньше, в 1618 г., царь Михаил Федорович вздумал “порудить” тарханные грамоты. По этому поводу строитель соловецкого подворья писал на Соловки следующее: “А в то время, как государевы тарханные грамоты велено порудить, и яз государю и боярам и дякам бил челом, чтобы отверстали Соловецкий монастырь..., и в то время моего челобитья не послушали, и после того бил я челом государыне старице Марфе Ивановне, не в одно время, со слезами, неот-

ступно...” Государыня пожаловала обитель и велела дать просимую грамоту. “А грамота сия, — продолжает старец Моисей, — броднею и челобитием перед иными грамотами не легка стала...”⁴

Значительную часть поступлений в государеву казну от Соловецкого монастыря составляли единовременные суммы, посылаемые из обители по просьбе или по прямому требованию царя. Только с 1610 по 1655 гг. в Москву было отослано таких денег более 55 тысяч рублей. Царь Алексей Михайлович просто посылал на Соловки своих бояр, которые изымали из монастырской казны “лишние” деньги. Так, в 1655 г. из 20 тысяч монастырской наличности в Москву отправились 13 тысяч. Справедливости ради отметим, что не меньшие суммы должны были отсылать в казну и другие монастыри, а также дом Строгановых. Своеобразие ситуации с Соловками состоит в том, что, посылая царям деньги на жалование ратным людям, воевавшим вдали от Белого моря, монастырь нес обязанности по обороне Севера.

Таким образом монастырь выполняет “великое государево дело” по обороне страны на Севере и участвует в решении общегосударственных задач. Но при этом в условиях неурегулированности общих отношений церкви и государства, при наличии многочисленных льгот, исключений и противоречий в действующих, прежде бывших и вновь издаваемых актах, Соловецкий монастырь вел с Москвой сложную игру, отстаивая собственные интересы. На первых порах, вероятно, было менее накладно выплачивать государю изредка крупную сумму в обмен на новые угодья и льготы, нежели платить ежегодно на общих основаниях. Разумеется, такое положение вещей не могло длиться долго, и оно было прекращено Уложением 1649 г. и трагическими событиями 1667 – 1676 гг. Творцы Уложения на деле осуществили принцип единовластия государства над всей территорией. Как собственник территории государство контролирует ее в соответствии с общей пользой. Монастырский приказ призван был ведать государственными сборами с церковных вотчин, описями владений и осуществлять полицейские меры по делам церковных имуществ. Другой идеей Уложения был единый для всех суд. Такие нововведения встретили сопротивление и провели их в жизнь с трудом. Только при сохранении традиционного уклада монастырь мог сохранить свое властное, полунезависимое от Москвы положение на Севере и пользоваться безраздельным духовным авторитетом.

Статус Соловецкого монастыря внутри Русской Церкви был также предметом особого внимания историков обители. (Особое ее положе-

⁴ Сырцов И. Я. Соловецкий монастырь перед возмущением монахов-старообрядцев в XVII столетии // Православный собеседник. 1879. Вып. 2. С. 180 – 181.

ние в Церкви называлось даже одной из причин возмущения соловецких иноков.) В 1629 г. по благословию патриарха Филарета царь Михаил Федорович повелел избирать келарей и казначеев из соловецкой братии всем черным собором. В 1632 г. монастырю предоставляется право обращения по всем делам в Приказ Большого дворца, минуя новгородского владыку. В 1643 г. новгородскому митрополиту запретили требовать кого-либо из Соловецкого монастыря без царского указа, а в 1651 г. соловецкий настоятель был повышен в чине: вместо игумена стал архимандритом. Даже Петр I при общей его нелюбви к иночеству удивительно благоволил к обители на Белом море. Это может быть объяснено не только ее статусом важного военного пункта, но, вероятно, и ее морскими и трудовыми традициями. Великий реформатор пожаловал соловецкому настоятелю чин архиерейского богослужения по примеру Чудова монастыря. Эта честь ценилась на Соловках едва ли не более позднейшего ставропигиального статуса обители.

Церковные историки весьма неутешительно оценивают ситуацию, сложившуюся между Соловецким монастырем и центральной властью во второй половине XVII в. И. Я. Сырцов, автор исследования о соловецком восстании XVII в., писал: “Вообще, при внимательном и беспристрастном обозрении внешней стороны жизни соловецких монахов XVII в., т.е. их отношений к окружающему миру, нельзя не убедиться, что эти отношения всегда имели за собой заднюю мысль, были проникнуты эгоистическими и корыстными интересами. Вся деятельность монахов за стенами монастыря была направлена к одной главной цели, именно к приобретению материальных выгод и независимости”. Суровость этого приговора объясняется, конечно, стремлением дискредитировать соловецкое иночество, осмелившееся возмутиться против государя и церковных властей. “Достигнув богатых средств к жизни, — заключает И. Я. Сырцов, — монахи достигли и свободы. В первой половине XVII в. они не знали над собой никакой власти, кроме царя и патриарха, слишком благоволившим к ним и не имевшим ни желания, ни возможности контролировать их”.⁵ Это суждение, слишком однозначное и не совсем справедливое, все же во многом отражает реальную ситуацию, сложившуюся в период наивысшего расцвета благосостояния Соловецкого монастыря.

Все изложенное характеризует внешнюю сторону жизни монастыря во второй половине XVII в. И тут закономерен вопрос: не повлияла ли исключительность Соловков на качество иноческого

⁵ Сырцов И. Я. Соловецкий монастырь перед возмущением монахов-старообрядцев в XVII столетии. С. 202, 204.

делания, дала ли она некие особые черты подвижничеству на Белом море? По нашему мнению, многообразие связей обители с миром явилось причиной отсутствия на Соловках самобытной школы иноческого делания. Соловецкое иночество проявило лишь некоторые самобытные черты, выделявшие его среди других. Эти черты не получили глубокого развития, хотя и не угасли окончательно после катастрофы 1676 г., когда в результате подавления монашеского бунта братия Соловецкого монастыря была частично истреблена, частично разослана по другим монастырям...

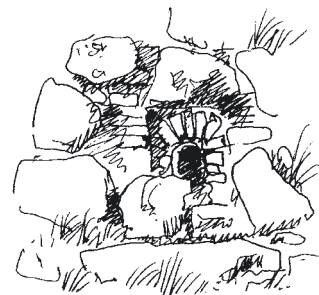
СОЛОВЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ

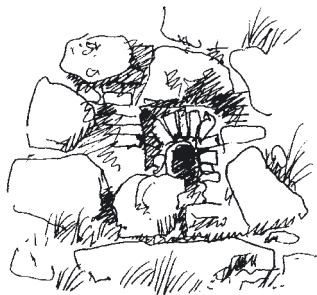
...Шведы в течение двух столетий
как непримиримые враги России,
часто покушаясь разорить достославную обитель,
не осмеливались даже приступить к стенам ее...

Архимандрит Досифей

Ограда вокруг Соловецкого монастыря появилась рано — еще в те времена, когда все постройки обители были деревянными. Добротная стена из бревен и валунов заключала в себе не только храмы, но и некоторые хозяйственные сооружения. Можно предположить, что ее построили по способу, хорошо известному на Севере: она состояла из последовательных секций двух рядов бревен, между которыми лежали валуны. Такие ограды обычно бывали невысоки и укреплениями от неприятельского нападения практически не являлись. Но был важен сам факт их возведения как границы обиталища иноков, людей иного мира, из дольного мира ушедших и от него отгородившихся.

Общий замысел соловецкой крепости, возможно, принадлежал святителю Филиппу, хотя воплощен он был в 1596 г., через 30 лет после того, как этот замечательный человек покинул Соловки. Каменные строения, возведенные при нем, их расположение и масштаб задали логику последующего строительства на столетие вперед. Величественный центральный храмовый комплекс требовал мощной наружной стены, что, в свою очередь, диктовало необходимость возведения в XVII в. первых каменных келейных корпусов и объемных хозяйственных построек. О том, что игумен Филипп продумывал планировку наружных стен, свидетельствует создание подземных каналов и увеличение размеров Святого озера, что, без сомнения, должно было стать элементами сложной фортификационной системы. Уже став митрополитом, Филипп напоминает братии и игумену Паисию о

завершении прежде начатых работ (была сделана плотина) и шлет на это свои деньги. “Филиппово строение” распланировали таким образом, что северный фланг будущей крепости должен был неизбежно опираться на естественное возвышение, а южный — приходится на узкий перешеек между озером и морской гаванью, который может быть перекрыт рвом. С востока и запада (после увеличения Святого озера) к стенам обители подходила вода. Острог, построенный в 70-е гг. XVI в. первым соловецким воеводой Михаилом Озеровым, вероятно, представлял собой начальный — деревянный — вариант воплощения этого замысла.

Стена любого монастыря сакральна. Мощь монастырской крепости символизирует славу обители, и соловецкая твердыня изумляла прибывших на “крайсветный” остров не меньше, чем величественные храмы или благоустроенное монастырское хозяйство. Крепость вполне соответствовала представлениям соловецких иноков о высоком предназначении обители на морском рубеже Северной Фиваиды. Впрочем, это не мешало ей быть и военным объектом.

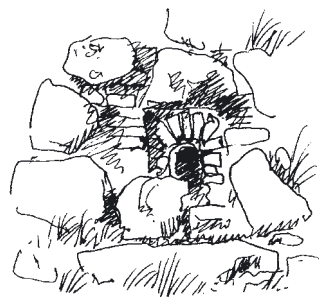
После длительного перерыва русско-шведское противостояние на Беломорье возобновилось в 70-х гг. XVI в. В 1571 г. у Соловков появляется эскадра военных кораблей Швеции, Гамбурга и Голландии. Особого ущерба неприятель не причинил, но угроза была обозначена и заставила начать строительство крепостей на Севере. В 1578 г. на Соловках строится острог с башнями, которые должны были защищать 90 стрельцов и 5 “затинщиков”. В следующем году “каянские немцы”, вторгшиеся в Кемскую волость, нанесли поражение отряду соловецкого воеводы Михаила Озерова. В декабре 1580 г. воинские люди Киприана Оничкова выдержали осаду от шведов в Ринозерском остроге, построенном для защиты Кемских пределов. Таким образом, к началу 1580-х гг. общая схема борьбы на Беломорье повторяла события XV в., поэтому посылаемым на Соловки воеводам предписывалось летом охранять монастырь, а зимовать на материке, защищая поморские селения. В 1582 – 1583 гг. был построен острог в Суме. В 1580 г. начато строительство каменной крепости на Соловках, а в 1590-х — построены остроги в Коле и Кеми, несколько укреплены были Сорока и Кереть. Как и в XV столетии, противники обменивались ударами в Южной Карелии и Западном Беломорье. Подробное описание боевых действий 1591 г. нам осталось в ранней редакции Соловецкого летописца:

“Сентября в 20 день Божиим поущением грехов ради наших приходили немецкие свийские люди к морю на поморские места Ке-

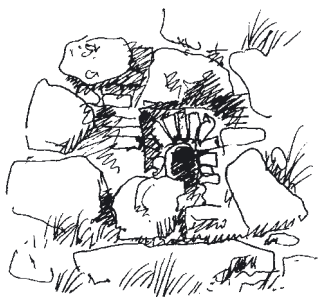
мью рекою в малых судах, воеводка Мавнус Лаврин да Ганус Иверстен, а с ними заморских и каинских немец 700 человек. И пришед немцы в волость Кемь и пошли изгоном к Сумскому острогу, и приступили к острогу того же месяцы в 23 день от второго часа дни и до 10 часа, и приметом зажигали острог. И Божиим милосердием и государевым счастьем из Сумского острогу осадные люди в приступ из наряду и на волосах немецких людей побили многих и многих ранили, и убили у них воеводку Гануса Иверстина, и языки и них поимали. И того же дни немцы от острогу побежали и, идучи от Сумского острогу, повоевали волость Шую Карельскую да Соловецкого монастыря волостки Вирму да Сухой Наволок, да Кемь, и под Ужеем дворы и варницы пожгли, живот поимали и побежали назад тою же рекою Кемью. А в остроге было в осаде пятидесятник Семёновы сотни Юренева Иван Збитень, а с ним московских 20 человек стрельцов да Соловецкого монастыря слуг 30 человек, да 10 человек пушкарей и затинщиков, и волостных людей 150 человек. И всего было в остроге в осаде людей 200 человек. А в Сумском остроге — убили немецкие люди защитника Ивана Зехнова да ранили волостного человека Олешу Хворостова”.⁶

В январе 1592 г. царские воеводы были отправлены воевать “в свейские немцы к Выборгу”. Одновременно на Севере 3000 воинских людей ходили с Рун-озера “в каянские немцы и Божию милостию и государевым счастьем” повоевали там пять волостей.

К началу 1590-х гг. в Карельском Поморье были сосредоточены следующие воинские силы: в Кемской волости московских стрельцов 100 человек, детей боярских и “панов” 22 человека, Кириллова монастыря слуг 40 человек и каргопольцев 150 человек. В Сумском остроге 100 человек: московских стрельцов 50, Соловецкого монастыря слуг 30, Ошевенского монастыря слуг 20. Летний гарнизон на Соловках состоял из 396 воинских людей. Как видно из этой росписи, в обороне Севера принимали участие монастыри, имевшие владения на Беломорье, и каргопольцы, заинтересованные в беломорской торговле. В зимнем походе “в каянские немцы” 1592 г. кроме московских стрельцов, детей боярских и казаков, участвовали “паны и серояне”, холмогорские стрельцы, монастырские слуги шести обителей, устюжане, усольцы, каргопольцы, двиняне, заонежане и жители поморских волостей. Борьба со шведами потребовала собрать воинские силы со всего Русского Севера. Приведенные цифры дают представление о масштабах боевых действий на Беломорье в конце XVI в.

⁶ Соловецкий летописец второй половины XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 192 – 206.

Строительство соловецкой крепости было завершено уже после подписания Тявзинского мира (1595 г.), а новые столкновения со шведами начались в 1611 г., однако неудачный весенний поход шведов на Суму и малоудачная их вылазка в Заонежье не изменили расстановки сил на Беломорье. В начале 1614 г. Сумской острог выдержал нападение разбойных отрядов Барышбольца и Сидорки, но населению был нанесен значительный ущерб. В 1619 г. из Москвы поступило распоряжение делать около Соловецкого монастыря и Сумского острога “всякие крепости”: предполагалось нападение датских кораблей. В монастыре строятся каменные кельи, пристенок с двумя башнями, защищавший наиболее опасный участок у Никольских ворот. В 1640 – 1650 г. были отремонтированы и перестроены обветшавшие остроги в Суме и Кеми.

“Город или внешняя монастырская крепость взорам приезжающих представляет редкое и поражающее зрелище, и есть странное произведение грубой натуры, неправильного зодчества и естественной в высокой степени механики. Стены взгромождены из неотесанных серых камней, коих величина по взъему и положению их на место в людях, не знающих силы механизма, рождает удивление и останавливает всякое испытание, ибо видно в наружности несколько камней, в длину более трех маховых сажен, в вертикальную толщину от 6 до 7 пяденей, неизвестная ж их ширина воображается столь же огромною, как видимые два измерения. Они, правда, лежат от поверхности земли не высоко, но многие вверху камни по примерному положению содержат более 500 пудов. Камни все подобраны более ограненные, и поэтому плотно один на другом лежащие, при округленных же углах остающиеся полости замещены малыми камнями с известью. Поверхность стены или парапет с амбразурами выложена кирпичами и малыми камнями. Для прохода по всей стене вокруг настлан досчатой пол, и верх покрыт таковою ж кровлею. Амбразуры или бойницы по толстоте своей и узости кроме одноцельного направления не годятся ни для пушечного посредством их отбою, ни для смотрения из них. В башнях выложены подобные ж круглые бойницы в 3 и 4 яруса. И так внешний вид сей стены кажет шероховатую нарочитую гладкость, по которой, однако ж хотя не во многих местах, можно без лестницы добраться до верха, ступая с камня на камень.

Внутренняя с монастыря наружность сей стены состоит вся из сводных арок или бойниц, а на ней утверждены каменные столпы, поддерживающие крышечные стропила. По толстоте камней и по

пространству под башнею и стеною можно заключить, что строители старались наиболее о возможной прочности; ибо здание сие, хотя предпринято было без дальнейшего понятия о военных выгодах, но по прошествии 238 лет находится еще в неразрушимом состоянии. Наклонность лицевой стены и наклонность арок, самих в себя упирающихся и твердо стоящих на каменной почве, дают всем стенам, равно и башням, надежные связи и утверждение, а твердость самого камня — неразрушимую кроме внешних прикосновений прочность. Ныне, когда изобретены разнообразные действия пороховой силы, нельзя назвать сие строение военною крепостью: она может служить только памятником пришедшей уже в забвение древней без правильной архитектуры. Впрочем, здесь находилось на стенах, в башнях и бойницах около 70 древних железных, чугунных и медных пушек для обороны в случае нападения неприятельского”⁷.

Как видно из описания, составленного иноком Досифеем, который в юном возрасте попал на Соловки и, вероятно, сам лазил по стенам, в монастыре уважительно относились к своей крепости. Понятно, что с точки зрения фортификационной науки XIX в. соловецкая крепость была ниже всякой критики, но ведь в XVII столетии она играла заметную роль в обороне Беломорья и постоянно совершенствовалась: строились рвы, новые башни, укрепления, предполья и т.д. Она была военным объектом в полном смысле этого понятия, и ее мощь, учитывая вооружение и способы ведения боевых действий конца XVI — XVII вв., по нашему мнению, намного превышала нужды необходимой обороны Соловецкого монастыря и его реальные возможности как в тактическом, так и, возможно, в стратегическом (региональном) отношении. Впрочем, как верно замечают современные исследователи, именно эта мощь позволяла достичь важного эффекта — минимизировать число защитников крепости, необходимое для ее успешной обороны (что в полной мере проявилось во время восстания 1668 – 1676 гг.).

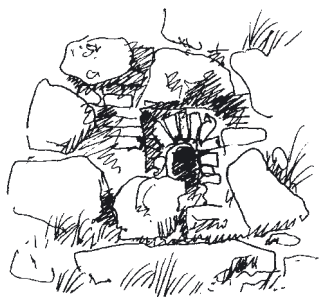
Значение Соловков как морской крепости было ограничено. Белое море — внутреннее море Российского государства, и в XVII в. военного флота на Севере, как, впрочем, и на других морях, у Руси не было. В качестве базы морских сил Соловки не использовали и в последующие времена, хотя наличие у монастыря значительного транспортного флота и средств его обеспечения имело потенциальное военное значение.

В крепости около 900 орудийных и пищальных бойниц. Понятно, что нет необходимости вооружать все: если, как это было организова-

⁷ Соловецкий летописец второй половины XVI в. С. 254.

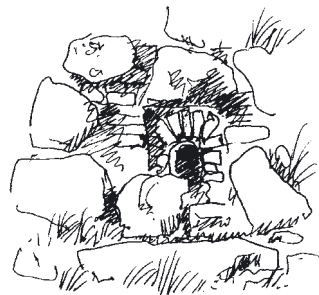
но на Соловках, перемещать орудия по мере необходимости в бойницы того или иного направления, то для обслуживания одной боевой единицы требуется 5 – 6 человек. Можно привести пример. Всем, побывавшим на Соловках, знакома Белая башня, замыкающая южный угол пятиугольника крепости. Туда водят экскурсантов, рассказывая о военной истории Соловецкой обители. Башня расположена на одном из самых уязвимых участков обороны монастыря и была вооружена тремя пушками-“хвостушками” и железной пушкой-“дробовкой”. Нужно видеть эту башню: четыре яруса боя, десятки бойниц, мощные стены, перекрытия из гигантских бревен и... несколько пушек. Справедливости ради отметим, что другие башни были вооружены несколько лучше, но на стенах нигде в то время орудий не было... По описи 1696 г. в монастыре числилось 57 больших и малых пушек. Для их полноценного обслуживания требовалось не менее 300 человек, а ведь нужны были еще и ратники на стены, вспомогательные силы, обслуга и пр. Кроме того, полноценная оборона такой крепости в XVII в. должна была включать и укрепления вне ее: не только рвы, но и редуты, где тоже нужны были люди и орудия. Общим счетом было необходимо 1 – 1,5 тысячи человек. При минимальном соотношении осажденных и осаждавших (1 : 3) для блокады и штурма соловецкой крепости было необходимо 3 – 5 тысяч человек. Чтобы доставить их на Соловки и обеспечить продовольствием и боеприпасами, необходим был такой флот, который ни одна морская держава в XVII в. не посчитала бы разумным выделить, несмотря на все богатства монастыря. При этом стратегические преимущества от приобретения крепости на Соловках в случае наступательных действий на Беломорье для нападавших были бы минимальны: она, скорее, сковала бы действия нападавших, чем способствовала их развитию. Противник вынужден был бы оставить там гарнизон, тем самым отвлекая силы от активных действий.

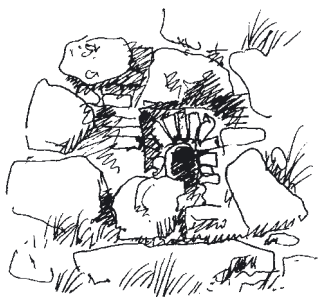
Соловецкая крепость никогда не изучалась как фортификационное сооружение — только как памятник архитектуры. Кропотливо описывали типологию бойниц, а углы обстрела оставались неизвестными; восхищались мудрым расположением на местности, совершенно игнорируя тактические характеристики соловецкой обороны; описывали события военной истории обители, но военное значение Соловецкой крепости для Беломорья не рассматривали.

Сравнив сценарии военных действий XV столетия, когда крепости на Соловках еще не было, со столкновениями XVI – XVII вв., выскажем предположение, что строительство каменного города на Солов-

ках мало повлияло на реальную расстановку сил на Беломорье. Главными целями нападавших по-прежнему оставались “поморские города” и Кола. Разумеется, монастырские богатства были бы весьма привлекательной добычей, но в перспективе захват Соловков почти ничего не давал, и основную тяжесть боевых действий логика войны возложила на Суму и Кемь. Мощь соловецкой крепости закономерным образом исключала ее из боевых действий. Находясь довольно далеко от материка, соловецкая крепость не могла укрыть население поморских городов в случае зимнего нападения, не могла она оказать и быструю помощь Суме и Кемь при нападении летом. Монастырские стены и башни защищали хозяйственно-распорядительный и духовный центр Беломорья. В качестве своеобразного символа они обороняли идею торжества православия на Беломорском Севере.

Случилось так, что самое главное в своей истории военное испытание соловецкая крепость выдержала не при нападении иноплемеников, а во время подавления соловецкого восстания правительственными войсками. Период мирного противостояния соловецких иноков “никонианским” нововведениям кончился в 1668 г. Материковые владения монастыря были “отписаны на государя”, а на мятежный архипелаг послали войска: 287 стрельцов и 130 пушкарей под началом стряпчего Волохова. Он пытался вести переговоры и воздерживался от активных действий. Стрельцы зимовали в Суме, а летом высаживались на Соловках. Так продолжалось до 1672 г. Такая “осада” не препятствовала инокам сноситься с материком и пополнять свои запасы. Сменивший Волохова стрелецкий голова Иевлев привел с собой новых воинов, число которых возросло до 720 человек. Он разорил островное хозяйство, построил осадные укрепления и... ушел зимовать на материк. В сентябре 1673 г. осадой монастыря назначили руководить воеводу Ивана Мещеринова. К 1674 г. соотношение сил было таково: у правительственных войск 16 орудий и 699 стрельцов; в монастыре 400 человек, вооруженных мушкетами и карабинами, 90 пушек и пищалей. Осажденные возвели укрепления у монастыря, и летом 1674 г. бои велись на подступах к стенам. На зиму Мещеринов, как и его предшественники, увел своих людей на материк, чем вызвал крайнее раздражение властей в Москве. В 1675 г. осаждавшие получили дополнительные войска и вооружение. Теперь у Мещеринова находилось в распоряжении свыше 1000 стрельцов, в том числе 47 стрельцов из Вологды с полковыми пушками. Было получено также продовольствие для зимней осады и построено 13 осадных укреплений, причем некоторые раскаты были вровень со стенами. Осада производилась по

всем правилам военной науки того времени: делались подкопы, приступы и т.д.

В декабре 1675 г. был предпринят штурм, отбитый осажденными, погибло 36 стрельцов и ротмистр Потапов. Всего же потери царских войск составили в тот год 113 человек. Участь монастыря решило предательство: монах-перебежчик Феокист указал тайный ход в обитель, и 22 января 1676 г. мятежная крепость пала. К этому времени монастырь далеко не полностью исчерпал средства обороны. Победители обнаружили огромные запасы продовольствия и военного снаряжения: 4279 ядер, 423 пуда пороха, 24 пуда свинцовых пуль, 3355 четвертей ржаной муки и множество других припасов.

Анализ военных событий показывает, что длительная осада соловецкой крепости была почти невозможна, даже ее блокада представлялась весьма затруднительной. В 1676 г. осажденные и осаждавшие оказались в патовой ситуации: восставшие не могли деблокировать монастырь, осаждавшим явно не хватало сил для решительного штурма и средств для длительной осады. Правительство, посылая подкрепления, сознавало, что на всем Русском Севере нет достаточного количества войск для взятия мятежного монастыря, тем не менее, учитывая значение обители на Беломорье, ее необходимо было взять. Хотя среди осажденных и началась цинга, неизвестно, как развивались бы события, если бы не предательство.

Взять монастырь нужно было прежде всего потому, что его пример мог оказаться соблазнительным для других областей Русского государства. Царским войскам нужно было овладеть не столько военным пунктом, сколько влиятельным духовным и распорядительным центром Беломорья. Осажденные же не могли решить дело миром не из страха казни, а потому что это означало, по их мнению, безвозвратную духовную гибель. Восстав против церковных реформ, противопоставив себя центральной власти, соловецкие иноки защищали коренные устои православного царства...

“Духовная твердыня Беломорья” — такой образ был найден в XIX в. при осмыслении исторического пути Соловков. Зримой основой этого образа была, без сомнения, крепость. В целостности архитектурного ансамбля, в композиционном единстве храмов, стен и башен виделось материальное воплощение духовного облика обители, “средоточия духовных и материальных устремлений” обителей Беломорья.

Неприступность крепости, ее “чудесная” военная история, украшенная в XIX в. неудачной попыткой англо-французского флота

силой взять монастырь, придавали этому образу напряженность и драматизм.

В заключение попытаемся суммировать наши предположения о различных аспектах сакральности соловецкой крепости:

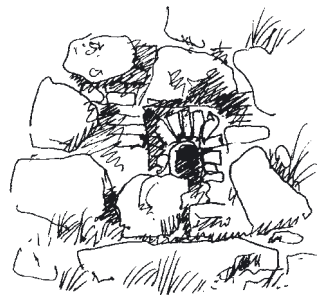
— архитектура крепостной стены была задана не только военными установками, но, главным образом, пространственным решением и архитектурой главного храмового комплекса обители, с которым оборонительные сооружения составляют единое целое;

— крепость на Соловках делала возможной длительную оборону обители при минимальных усилиях ее защитников;

— крепость защищала, прежде всего, не военный пункт, а духовный и хозяйственно-административный центр Беломорья;

— островное положение крепости не позволяло ей оказывать действенное влияние на расстановку сил на Беломорье;

— значение соловецкой крепости намного шире собственно военных установок. Образ крепости символизировал духовную мощь иноческой твердыни, военное значение Соловков было производным от их сакрального назначения.

СОЛОВКИ – БРИТАНИЯ – ПЕТЕРБУРГ (“ЗАЯЦКИЕ” ВЕРСИИ)

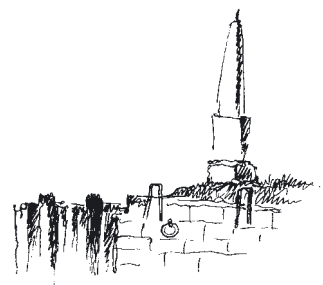
1. К андреевской символике Соловков

Храмы освящают пространство обитания, их посвящения придают ему особый смысл, в котором читается “сокровенное богомыслие” обитателей. Образы святых или праздников, в честь которых воздвигнуты храмы, создают своеобразную сакраментальную топографию “места сего”. Точно так же эти образы, включенные в сплетения событий, освящают пространство истории, обнаруживая в ней новые связи, смыслы и загадки.

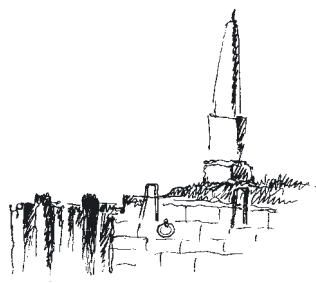
Апостол Андрей, галилейский рыбак, брат апостола Петра, в греческом предании “первозванный” — один из первых учеников Христа. Он проповедовал христианство “скифам” и, по сказаниям русских летописей, доходил до Новгорода. Существует также легенда о его пребывании на Ладогe. По возвращении в Средиземноморье апостол Андрей был распят в Патрах. Предание о его казни на “косом” (X-образном) кресте имеет весьма позднее происхождение.¹ Особый круг сказаний приписывал этому апостолу участие в крещении скандинавов и шотландцев. “До поры до времени обе традиции бытовали относительно независимо, но с продолжением пути от Балтийского моря к Черному они встретились и подлежали согласованию. Что же было естественнее, чем предположить, что апостол прошел этим путем и благословил его?”² Россия и Шотландия почитают апостола Андрея своим покровителем и в обеих странах были учреждены Андреевские ордена. Несомненна и связь российского военно-морского и шотлан-

¹ Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 81.

² Спивак Д. А. Северная столица. Метафизика Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 282.

³ Ф. Лефорт сопровождал Петра в его поездках на Белое море в 1693 и 1694 гг. В 1696 г. Ф. Лефорта “облекли в достоинство адмирала”. После Азовских походов царь пожаловал ему звание “вице-короля великого герцогства Новгородского”, дал несколько деревень и 200 крестьян, золотую медаль, соболью шубу, каменный дом и пр. Великое посольство официально возглавлялось тремя “великими послами” — Ф. Лефортом, Ф. Головиным и П. Вознициним, но главная роль отводилась “первому послу” Францу Яковлевичу Лефорту. После его смерти в 1699 г. Петр сказал: “Он был единственный человек, который был мне верен”.

⁴ Федор Алексеевич Головин (1650 – 1706 гг.) с 1698 г. возглавлял Приказ воинского морского флота, весной 1699 г. пожалован орденом Андрея Первозванного и чином адмирала. В 1702 г. вместе с государем посетил Архангельск и Соловецкий монастырь, участвовал в осаде Шлиссельбурга и в ноябре 1703 г. первым из россиян был возведен в графское достоинство. В следующем году Ф. Головин, как старший кавалер, передал государю знаки ордена Андрея Первозванного “за оказанную им храбрость при взятии нескольких судов шведских близ устья Невы”.

⁵ Карпов Г. М. Великое посольство. Калининград, 1997. С. 3.

дского национального флага: в первом случае — синий крест на белом поле, во втором — белый крест на синем поле.

Преподобный Савватий, один из основателей иноческого жительства на Соловках, пришел на Белое море из Валаамского монастыря. Местное предание относит преподобного Сергия, основателя этой обители, к ученикам апостола Андрея, но это — явный вымысел, так как монастырь возник около 1329 г. Тем не менее русское религиозное сознание хотело верить этой легенде. Преданию о посещении апостолом новгородского Севера доверял даже такой вдумчивый и образованный церковный деятель XIX в., как Игнатий Брянчанинов.

Соловецкая легенда связывает освящение Андреевского флага со “вторым пришествием” на Соловки государя Петра I в 1702 г. и возведением Андреевской церкви на Большом Заяцком острове. Тогда Петр, задумав бросок из Белого моря на Ладогу, явился в Соловецкий монастырь в сопровождении эскадры из 13 кораблей. Во время стоянки у Большого Заяцкого острова в августе 1702 г. была построена упомянутая церковь, но об “освящении флага” монастырские источники молчат. Впрочем, выбор окончательного варианта Андреевского флага относится именно к 1702 г.

Вообще андреевская символика прочно прижилась в Московской Руси, но особенное почитание апостола Андрея начинается со времен юности Петра I. Прежде чем учредить Андреевский военно-морской флаг, он испробовал несколько вариантов и сочетаний. Из всех был выбран самый простой — “обратный” шотландскому. В эти же годы на рубеже столетий происходит и становление российского ордена Андрея Первозванного. Изучение его истории выявляет ряд интересных связей и смыслов, помогающих проследить “движение образов в душе великого государя”.

В годы Азовских походов (1695 – 1696 гг.) несколько вариантов Андреевского флага уже использовались. Тогда же, видимо, родилась идея ордена Андрея Первозванного, так как первым его кавалером был “герой турецкой войны” Франц Лефорт.³ Хотя статут ордена был утвержден только в 1720 г., первые достоверные известия о нем относятся к 1698 – 1699 гг., а официальный список его пожалований начинается с Ф. А. Головина.⁴

Ф. Лефорт и Ф. Головин возглавляли Великое посольство 1697 – 1698 гг., ставшее “поворотным событием и для Петра, и для России, и для Европы”.⁵

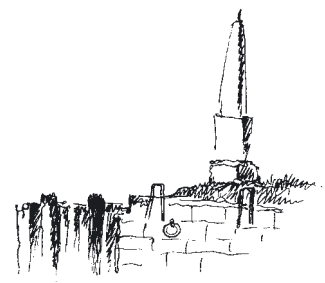
Общепризнанным является мнение, что идея ордена апостола Андрея была заимствована из Англии, однако Г. В. Вилинбахов высказал обоснованное предположение об учреждении этого ордена

либо во время Азовских походов, либо даже перед их началом.⁶ Известно, что английский король Вильгельм III в 1698 г. просил Петра “оказать честь ордену Подвязки” и вступить в его ряды, но царь уклонился от предложения, объясняя это тем, что он намерен создать у себя подобный же орден.⁷ Таким образом, идея ордена уже существовала во время поездки в Европу, и есть данные, что Ф. Лефорт и Ф. Головин имели к тому времени Андреевские орденские знаки. Между тем, в Англии произошло то, что окончательно определило проект ордена. При посещении Виндзорского дворца Петр проявил явный интерес к статутам и традициям европейских орденов. Наиболее древним в Европе был орден святого Константина. По преданию, равноапостольный царь Константин в 312 г., перед решающей битвой с Максентием, увидел знамение в виде креста с надписью “Сим победишь”. Предсказание сбылось, и в память об этом был учрежден орден, названный “Орденом ангела Золотого Константиновского Святого Георгия” или орденом Константина. Общехристианская эмблематика этого ордена, безусловно, привлекла внимание Петра, так как она включала монограмму Христа, похожую на “андреевский крест” и изображение Георгия Победоносца, входившее в герб Российского государства. В связи с этим, вероятно, некоторые петровские знамена рубежа XVIII столетия несут эмблему и девиз Константиновского ордена.

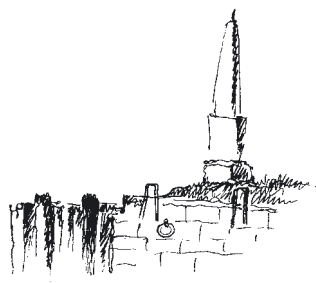
“Константинопольская мечта”, идея “Третьего Рима” — излюбленные образы Московского царства — нашли выражение в ордене Андрея Первозванного, первого ордена империи.

...Летом 1702 г. от царской эскадры, прибывшей к Заяцким островам в Белом море, отделились два фрегата, их волоком перетащили по “Государевой дороге” в Онежское озеро, а затем они перешли в Ладугу. Осенью того же года была взята шведская крепость Нотебург у истока Невы, весной 1703 г. пал Ниеншанц в среднем течении реки, а в мае на острове Заячьем в невоской дельте была заложена Петропавловская крепость, которая дала начало Санкт-Петербургу. Незадолго перед этим у Заячьего острова была одержана “небываемая” морская победа над шведскими кораблями эскадры Нумерса. В связи с этим государь “изволил возложить на себя знаки ордена Андрея Первозванного” — единственного ордена, которому он “оказал честь”. Соловецкое летописание не уставало подчеркивать, что все это происходило ровно через девять месяцев после посещения государем монастыря на Белом море. Вполне закономерно и то, что эти события освятил образ апостола Андрея Первозванного. В XVIII столетии появилось анонимное сказание “О зачатии и здании царствующего града

⁶ Вилинбахов Г. В.
К истории учреждения
ордена Андрея Первозванного // Культура и искусство
Петровского времени.
Л., 1987. С. 144 – 155.

⁷ Там же. С. 146.

⁸ Синдаловский Н. А.
История Санкт-Петербурга
в преданиях и легендах.
СПб., 1997. С. 9.

Санкт-Петербурга”, где говорится: *“Святой апостол Андрей Первозванный на пустых Киевских горах, где ныне град Киев, водрузил святой крест и предвестил о здании града Киева и о благочестии, а по прошествии в великий Славенск (Новгород), от великого Славенска святой апостол, следуя к стране Санкт-Петербургской, имел шесть рекую Волховом и озером Невом (Ладогой), и рекою Невую сквозь места царствующего града Санкт-Петербурга в Варяжское (Балтийское) море, и оные места не без благословения его апостольского были. Ибо издревле на оных местах многожды видимо было сияние света”*.⁸

Таким образом, маленькая церковь на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага, воздвигнутая в 1702 г. в честь святого Андрея Первозванного, оказалась в ряду событий и образов, определивших судьбы петровской России.

Через 300 лет после описанных событий андреевская символика Соловков получила неожиданное продолжение. В 1998 г. орден Андрея Первозванного решили восстановить и первым наградили бывшего соловецкого заключенного академика Д. С. Лихачева. Впрочем, это был не единственный соловецкий узник, награжденный высочайшей российской наградой — в 1727 г. на Соловки был сослан один из первых андреевских кавалеров, видный сподвижник Петра граф Петр Андреевич Толстой...

2. Отражения островов

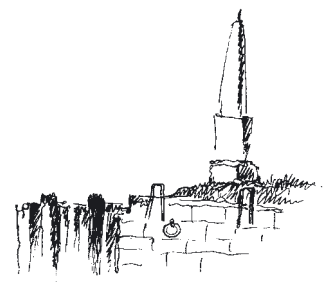
В начале XVIII в. на территории будущей Северной Пальмиры было около 80 финских деревушек и хуторов, а также несколько шведских поместий. Есть упоминания и о языческих святилищах в дельте Невы, которые почитались даже после основания северной столицы. В сакральной географии остров, даже речной, — пограничная территория по отношению к иному миру. Существует версия, что местоположение того или иного острова определяет “напряженность его сакрального поля”: наибольшей напряженностью обладают “отоки” на “росстанях”, перекрестках и т.д. Так, Большой Заяцкий остров, крайний с запада в Соловецком архипелаге, находится у наиболее широкого места Соловецкой салмы (пролива), около него пролегают все

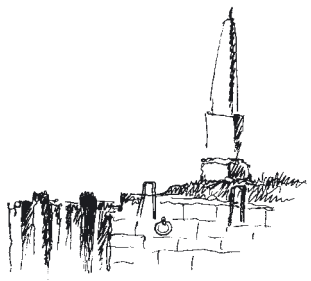
основные морские пути западного Беломорья. Если мы посмотрим на карту невской дельты, то обнаружим, что из всех ее островов наибольшую сакральную значимость должен иметь остров Люстеланд или Янисаари, т.е. Заячий, лежащий у восточного края системы невских островов. Река здесь достигает наибольшей ширины и разделяется на рукава. Особое сакральное значение Заячьего острова подтверждается его третьим наименованием — Тойфельсгольм (Чертов остров). Напомним, что действие одной из самых темных рун “Калевалы” приурочено к устью Невы.

Известно, что в христианское время языческие святилища “поменили знак”: прежние священные места язычества связали с нечистой силой. Косвенным подтверждением этой связи может служить основное наименование “главного” острова Петербурга — заяц во многих верованиях считается оборотнем и связан с нечистой силой. В истории выбора Заячьего острова для основания крепости можно видеть некое отображение диалога христианских и языческих верований, характерного и для Большого Заяцкого острова на Соловках.

Весной 1703 г., 28 апреля, за два дня до падения шведской крепости Ниеншанц, Петр в первый раз осматривал дельту Невы. 1 мая Ниеншанц был взят, 6 мая два шведских военных судна, шнява “Астрид” и галиот “Гедан”, вошли в Неву и стали напротив Заячьего острова. Утром следующего дня они были атакованы со шлюпок под командованием Петра и Меншикова. На военном совете, состоявшемся позднее, Ниеншанц был признан негодным для обороны, и для строительства новой крепости был выбран остров Заячий. Всю береговую линию этого вытянутого участка суши длиной 750 м можно было занять стенами и расстреливать суда, вошедшие в реку, почти в упор. Недаром еще шведы хотели перенести сюда Ниеншанц. Известно, что идею основания города-крепости в устье Невы подал Петру Ф. Головин. Этот общительный и хлебосольный приближенный государя отличался основательностью суждений и поступков. Английский посол Витворт извещал свое правительство, что Ф. Головин пользуется репутацией самого рассудительного и опытного государственного деятеля петровской Москвы. Для нас важно, что Головин сопровождал Петра в его поездке на Соловки в 1702 г.

Хотя первые легенды об основании города на Неве имели, скорее, официальное, чем народное происхождение, они, тем не менее, тоже отражают движение образов в “явлении Санкт-Петербурга”. Уже цитированное апокрифическое сказание об основании новой столицы рассказывает: “По прибытии на остров Люстеланд (Заяцкий) и по освящении воды, и по прочтении молитвы на основание града, и

⁹ Синдаловский Н. А.
История Санкт-Петербурга
в преданиях и легендах.
С. 20.

¹⁰ Вспомним “яйцо в утке,
утка — в зайце” и т.д.
Есть версия, что на соловец-
кие Заяцкие острова отпра-
влялись за яйцами птиц.

по окроплении святою водою, взяв заступ, (Царь) начал копать ров. Тогда орел с великим шумом парения крыл от высоты опустился и парил над оным островом. Царское величество, отошед мало, вырезал три дерна и изволил принести к означенному месту. В то время зачатого рва выкопано было земли около двух аршин глубины, и в нем поставлен четверугольный ящик, высеченный из камня, и по окроплении того ящика святою водою изволил поставить в этот ящик ковчег золотой, в нем мощи святого апостола Андрея Первозванного, и покрыть каменною накрышкою...”⁹ В этом описании можно видеть отражение освящения Заяцкого острова Соловецкого архипелага: там возносится к небу церковь апостола Андрея, здесь в землю погружаются его мощи. Те, кто видел саму Андреевскую церковь, добавляют, что образ ящика в ящике¹⁰ напоминает ее конструкцию: клеть, обнесенная “галереей”.

Город нарекли в честь апостола Петра, который, как известно, владеет ключами от Рая. Раем, “парадизом”, стало и любимое детище Петра. В этом символическом ряду занял свое место и взятый у шведов осенью 1702 г. Нотебург, переименованный в Шлиссельбург — “Ключ-город”.

Одним из первых архитекторов Петербурга был Доменико Трезини, которого в России называли Андреем Трезинным. Он перестраивал первоначальную Петропавловскую крепость: ее знаменитый собор и Петровские ворота — его творения. В Петровских воротах “эпоха как бы запечатлела себя, возвышая свои образы до победных символов”. Сюжет барельефов этого замечательного произведения взят из Нового Завета: апостол Петр силою молитвы низвергает с небес попавшего туда силою колдовства волхва Симона. Потомки увидели в этом предсказание о поражении Карла XII в Северной войне. Вот как описывает сценарий Петровских ворот С. П. Заварихин:

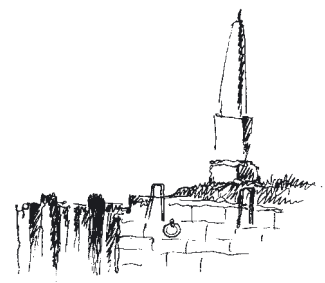
*“Над темным таинственным проемом арки, узким ущельем прорезающим толщу стены, парит громадный двуглавый орел, как бы несущий на своих распахнутых крыльях всю верхнюю часть ворот. Там, наверху, из «поднебесья» лучкового фронтона почти вываливается на зрителя горельефное изображение Бога Савваофа. А еще выше, над ним — большая фигура Петра с двумя ангелами. Обозначенную фигурами вертикаль поддерживает композиция сюжетного барельефа: по главной оси головой вниз падает свергнутый с небес колдун, внизу изображен символ города в виде храма, увенчанного куполом и шпилем, а среди действующих лиц барельефа — царь Петр в облике римского императора”.*¹¹

¹¹ Заварихин С. П.
Явление Санкт-Петербурга.
СПб., 1996. С. 67 – 68.

Замысел ворот, по некоторым данным, принадлежит самому Петру и поэтому наряду с явной идеей ниспровержения язычества, он намекает на основание Константинополя, “Второго Рима”. Заманчиво увидеть и тут перекличку с Большим Заяцким островом, сплошь покрытым языческими святилищами, которые оказались попораны, в том числе и Андреевским храмом. Впрочем, утверждать, что Петр уловил эту связь, мы не можем.

Теперь для полноты картины нам не хватает нового появления английской темы, и услужливая история нам это предоставляет. Как и в случае с Петровскими воротами, нельзя исключать участия царя и в проектировании Петропавловского собора. Во время Великого посольства он видел шпилевые церкви Европы, в Лондоне познакомился с творчеством строителя собора святого Павла — Кристофера Рена (1632 – 1723 гг.), построившего свыше пятидесяти зданий со шпилями. Возможно, Петр велел переделать проект Петропавловского собора 1712 г., взяв за образец лондонскую церковь святого Мартина, созданную К. Реном в 1677 — 1684 гг.¹² Осуществленный вариант очень похож на эту церковь.

Возможно, остров казался Петру воплощением лучшего устройства земного бытия. Покидая Англию, он “изволил говорить, что оной остров — лучший, красивейший и счастливейший есть из всего света”.¹³ Чувствуется симпатия царя, вообще не любившего монахов и монастыри, и к островному Соловецкому монастырю. И дело здесь, вероятно, не только в военном значении обители для обороны Беломорья и “морском”, трудовом, характере подвижничества на Соловках, что не могло не найти отклика в душе великого государя. Благоустроенное островное поселение “на краю света” среди студеного моря само по себе должно было произвести сильное впечатление на сознание великого реформатора.

¹² Завадрихин С. П.
Явление Санкт-Петербурха.
С. 90.

¹³ Павленко Н. И.
Петр Великий. М., 1994. С. 77.

СОЛОВЕЦКАЯ СИМФОНИЯ

“Преподобный Зосима, Чудотворец Соловецкий, первый соградитель сея Святыя обители, во всех начинаниях своих Богом руководимый, и еще при жизни своей уверившийся о последующем великолении оной через небесное откровение, воспользовался при создании монастыря своего всеми выгодами местоположения, сколько красивого, сколько и удобного. С западной стороны острова, где монастырь сооружен, от моря до самых стен обители, почти на две версты во внутренность острова простирается морская гавань или залив, загражденный с моря лудами или малыми островками, поросшими кустарниками и мелким почищенным березняком в виде маленьких роушиц, кои отменную придают красоте монастырской окружности. Вход в оный залив для водоходных судов ознаменован с моря с обеих сторон большими деревянными крестами, водруженными на каменных насыпях, а на мелких коргах или островках, вблизи берегов находящихся, по обыкновению здешних мореходцев, останавливающихся за противными ветрами, поставлены также разной величины кресты.

За 10 верст Соловецкий монастырь начинает показываться плывущим к нему из города Архангельского по Белому морю. Он представляет множество белых зданий, церковных и колоколенных остроконечных строений и башенных верхов, украшенных шпиками. Все сие, смежась вместе, образует в отдаленном взоре, хотя не обширный, но довольно обзаведенный строением город. Приближаясь более к сему монастырю, при первом общем взгляде на его наружность смешанно приемлешь чувства приятного, странного и величественного...”

Так начинается фундаментальное “Описание Соловецкого монастыря”, изданное архимандритом Досифеем.¹ Действительно, в документах XIX в. часто можно встретить “городское” именование монашеского поселения на Соловках — Соловецк. Разумеется, в этом

¹ Архимандрит Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. С. 6 – 7.

можно видеть обмирщение деятельности Соловецкой обители, дань развитию монастырского хозяйства и т.д. Однако молитвенное и любовное осмысление такого именованья обнаруживает обращенность обители к миру, осознание целостности всего того, что видели богомольцы у гавани Благополучия.

Структура комплекса у гавани чрезвычайно сложна и помимо храмового центра с келейными корпусами, окруженными крепостной стеной, включает периферийные здания: церкви, часовни, жилые и хозяйственные постройки — то, что и стало именоваться *Соловецком*, и в конечном итоге определяло и освящало все пространство архипелага.

Выяснить, почему тот или иной храм освящен именно так, а не иначе, плодотворно во многих отношениях. Посвящение храма устанавливает связь с основными идеями христианства, историческими событиями, принципами христианской государственности. Оно сочетается и с положением храма на местности — например, естественные возвышенности задали образы Вознесения и Распятия храмам на горах Секирной и анзерской Голгофе.

В зависимости от установок исследования можно построить несколько вариантов классификаций посвящений соловецких храмов, но все они будут неполны и несовершенны, как любая попытка систематизировать “сокровенное богомыслие”. Например, весь храмовый комплекс Соловецкого архипелага можно представить в виде “мысленного” иконостаса с особым набором образов, которые в таком понимании обнаруживают определенную иерархию. Однако воплощение храма в архитектурных формах, его реальное значение в жизни монастыря и в пространственной организации архипелага будут создавать свои системы, способные стать предметом специального рассмотрения.

Попробуем представить один из вариантов классификации, составленный по иерархическому принципу:

ряд Господень — Преображение, Распятие, Воскресение, Вознесение, Троица;

Богородичный ряд — Благовещение, Успение, Знамение, Покров; архангельский ряд — архангел Михаил;

апостольский ряд — Усекновение главы Иоанна Предтечи, 12 апостолов, 70 апостолов, апостол Андрей, апостолы Петр и Павел, равноапостольный царь Константин и мать его Елена;

святительский ряд — святители Николай Чудотворец и Филипп, митрополит Московский;

преподобнический (святотрапезнический) ряд — преподобные Савватий, Зосима, Герман, Елеазар и Иринарх Соловецкие, Печерские чудотворцы, преподобные Онурфрий Великий, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский;

мученический ряд — святая мученица Варвара.

Отдельную группу, по верному наблюдению археолога и знатока соловецкой истории В. А. Букова, можно выявить исходя из иного принципа — не иерархического, а “политического”. Это своего рода “государственный” ряд святых покровителей государей и их сыновей. Так появились престолы, освященные во имя святых Иоанна Предтечи, Иоанна Лествичника, Димитрия Солунского, Федора Стратилата, Михаила Малеина и др.

Рассматривая воплощение рядов на архипелаге, мы обнаружим, что системообразующими функциями обладают, прежде всего, посвящения первого, Господского, ряда. Храм Преображения, Троицкая и Распятская церкви на острове Анзер, Вознесенская церковь на горе Секирной — опорные точки всего пространства архипелага. При этом “система” наполняется и поддерживается храмами других рядов, достигая наибольшей “напряженности” у гавани Благополучия.

Иногда в ней можно различить большую меру исторической конкретности. Так, посвящение двух приделов Спасо-Преображенского собора соответственно 12 и 70 апостолам нужно, без сомнения, поставить в связь с довольно интенсивной миссионерской (апостольской) деятельностью обители. Достаточно вспомнить, к примеру, соловецкого инок Феодорита Кольского, “просветителя лопарей”.

Особая значимость преподобного Елеазара Анзерского для царской семьи хорошо известна. На Соловках хорошо помнили, что этот выдающийся подвижник предсказал царю Михаилу Федоровичу рождение наследника, “вымолил его”, так что особые милости дома Романовых, оказанные Анзерскому скиту, были увековечены приделом святого Михаила Малеина — небесного покровителя царя.² Такое посвящение было особенно знаменательным, поскольку преподобный Михаил Малеин являлся игуменом одной из Афонских обителей, а связь анзерского подвижничества с афонскими идеями несомненна.

Взятие монастыря после возмущения соловецких старообрядцев в 1676 г. было отмечено строительством “Таборской” часовни, освященной в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Это исключительно важный, сложный и емкий символ: усеченная глава Предтечи в русском православии символизировала обличение мучителя после казни. У часовни похоронены стрельцы, погибшие в боях у стен монастыря, а смерть за правду, жертва в основание царства — один из

² В Энциклопедии Брокгауза и Эфрона рождение царя Михаила датируется июнем, а в Советской исторической энциклопедии — 12 июля, т.е. днем памяти преподобного Михаила Малеина.

³ Плюханова М. Б.
Сюжеты и символы
Московского царства.
СПб., 1995. С. 147 – 157.

⁴ Борисов Н. С.
Русские полководцы
XIII – XVI вв.
М., 1993. С. 6.

самых излюбленных символов Московского государства.³ Тем не менее, с нашей точки зрения, этот образ обличения неправды после казни в контексте соловецких событий приобретает некоторую двойственность.

Державный ряд мемориальных памятников продолжили Петровская часовня, построенная в честь двукратного посещения монастыря Петром I, Константиновская часовня, поставленная в память паломничества на Соловки великого князя Константина Николаевича в 1844 г., и часовня Александра Невского, святого покровителя императора Александра II, побывавшего на Соловках в 1858 г. Равноапостольный император Константин Великий символизировал для России не только господство на Босфоре, но и напоминал об идее “Третьего Рима”. Историк XVIII в. В. Н. Татищев сообщает, что благоверный князь Александр родился в субботу 30 мая 1220 г., т.е. в тот же день, что и царь Петр в 1672 г.⁴ Все престольные праздники этих часовен приходятся на период навигации и, следует думать, что они связывались с летним паломничеством на Соловки. Поклонение общей святыне некоторым образом сближало народ и императорское самодержавие, в обычной жизни находившихся как бы в разных мирах.

Храмы, связанные с образом святого Филиппа, занимают особое место в общей системе. Филипповская часовня, построенная на берегу бухты на месте расставания иноков с мощами этого святого, напоминает о роли, которую он сыграл в истории Московского государства. Филипповская церковь в стенах монастыря символизирует, прежде всего, образ игумена-строителя обители. Церковь в Филипповской пустыни — образ инока, преданного “умному деланию”, уединенному богомыслию. Смысл этих храмов раскрывается в контексте событий, с ними связанных, и в расположении относительно других памятников.

В храмовую композицию органически вписана кладбищенская церковь Онуфрия Великого — преподобного, подвизавшегося в Фиваидской пустыни около 400 г.

В отдалении от монастыря находились часовни преподобных Зосимы и Германа, выстроенные там, где располагались кельи преподобных в начале их жизни на Соловках. Это были любимые места поклонения паломников. В некотором отдалении от обители, у Долгой губы, была поставлена Варваринская часовня. Великомученица Варвара почиталась спасительницей от “напрасныя смерти”: от огня на суше и от бури на море. Последнее, вероятно, оказалось определяющим при освящении часовни у пристани для перевоза в дальние скиты на островах Анзер и Муксалма. В ее позднейшей истории, учитывая всегдашнюю пожароопасность соловецких лесов, небезын-

интересным покажется размещение здесь в 1920-е гг. управления лагерного лесхоза.

Мы бегло осмотрели основной круг храмов. Идеи и образы, заложенные при их освящении, неоднократно служили предметами рассмотрения и “переосмысления”. Укажем лишь на работы Т. С. Ереминой и Н. М. Терехихина, в которых содержится соответствующая библиография.⁵ Круг образов этих храмов обладает на Соловках определенной спецификой и в смысловом, и в архитектурном отношении, требуя специального рассмотрения в целом, и каждого храма в частности.

Вокруг центрального храмового комплекса, сакрального ядра обители, располагается периметр келейных корпусов, главные из них именовались по близлежащим храмам: Благовещенский, Святительский, Никольский. Крепостная стена в виде правильного пятиугольника, ось которого проходит примерно по линии фасадов главных храмов, замыкает весь комплекс строений. Башни крепости зачастую также назывались по храмовым ориентирам: Успенская, Никольская, Стратилатовская (Архангельская).

Теперь попытаемся кратко описать освященное пространство у гавани Благополучия. Сделать это довольно сложно из-за многоплановости и большого числа памятников. Весь комплекс развернут на западную сторону, к паломникам. Его границы обозначались поклонными крестами на малых островках — лудах — уже на подходе к гавани. Отметим одну особенность: Никольская церковь, заслоненная в монастырском кремле другими храмами, “читается” только издали, лишь с моря видна ее значимость в центральном храмовом комплексе и выявляются подлинные архитектурные достоинства. Любопытно, что то же самое происходит и внутри храма: вошедшего неожиданно поражает “глубина” интерьера, устремленного вверх.

Анализируя изменения общего контура обители, видимого с моря, можно уловить усложнение на протяжении столетий его мелодики без утраты целостности. После перестроек и возведения новых зданий значимость отдельных храмов и общий ритм не терялись, наоборот, усложнение композиции придавало им дополнительное, нередко еще более мощное и глубокое звучание.

За крестами открывались главы отдельных часовен и приделов. Благочестивые богомольцы, уже побывавшие на Соловках, вспоминали их посвящения, начиналось литургическое действо богомолья...

Традиционные маршруты паломников предполагали посещение главных храмов, а также основных святых мест архипелага: священное пространство, как и при молитве, и при богослужении, каждый

⁵ Терехихин Н. М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993; Еремина Т. С. Мир русских икон и монастырей. История и предания. М., 1995.

раз осваивалось заново. Особенностью этого пространства была его развернутость во времени и “в глубину”. На осмыслении Жития преподобных строятся службы соловецким чудотворцам; напоминанием об исторических и религиозных событиях являлись памятники истории и мемориальные храмы. Наличие часовен в память о посещении монастыря государями возвышало значение паломничества для простых богомольцев. Общее впечатление от открывавшегося с моря монастырского поселения было захватывающим, запоминающимся и глубоким.

Пытаясь определить созданное в Монастырской губе (гавани Благополучия), мы можем сказать, что это — литургическая пространственно-смысловая структура, развернутая во времени. Наши предки называли ее воплощением сокровенного богомыслия. В таком прочтении видимое и осмысляемое у гавани Благополучия необходимо определить как *симфонию*. Говоря об откровении двух миров в русской иконописи и переходя к архитектуре, Е. Н. Трубецкой писал о смешанном чувстве, “в котором великая радость сочетается с глубокой душевной болью”.⁶ Это поразительным образом напоминает указание дирижера, советовавшего исполнителям “играть радостно, очень радостно, так, чтобы хотелось плакать”. Именно такое драматическое впечатление должен был оставлять образ обители в гавани Благополучия.

Мы понимаем уязвимость *симфонического* определения такого рода комплекса, но привычные термины ансамбля, соборности, полифоничности здесь оказываются недостаточными. Архитектуру недаром называют “застывшей музыкой”, имея в виду, прежде всего, глубину и мощь впечатления, производимого ее лучшими творениями. Комплекс зданий у монастырской гавани можно уподобить огромному симфоническому оркестру, причем “дирижер” и “слушатель” располагаются на востоке. Богомольцы как бы приглашаются принять участие в исполнении, что вполне соответствует христианскому определению всякой деятельности как *свидетельствованию перед Богом*. Монастырь, действительно, обращен к миру, но эта обращенность к миру — призыв к мирянам обратиться к Богу, вознести Ему хвалу.

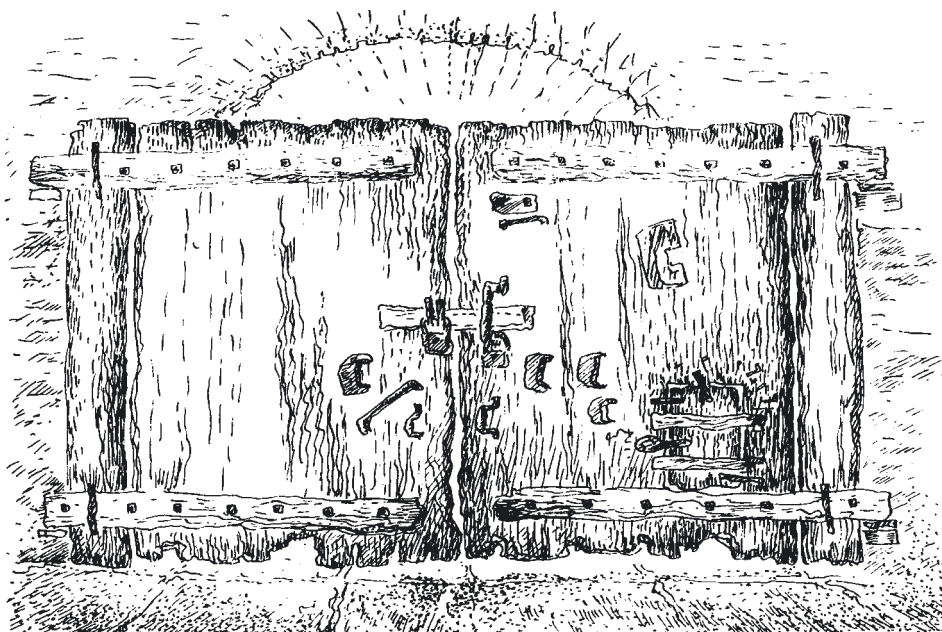
В исполнении чудесного “музыкального произведения” под названием “У гавани Благополучия” удивительным образом принимают участие и средства обеспечения — хозяйственные постройки, гостиницы, причалы. По своим параметрам они соизмеримы с монастырским кремлем, но распределены так, что только поддерживают “исполнение”, не заслоняя течение главного действия.

⁶ Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. М., 1993. С. 240 – 241.

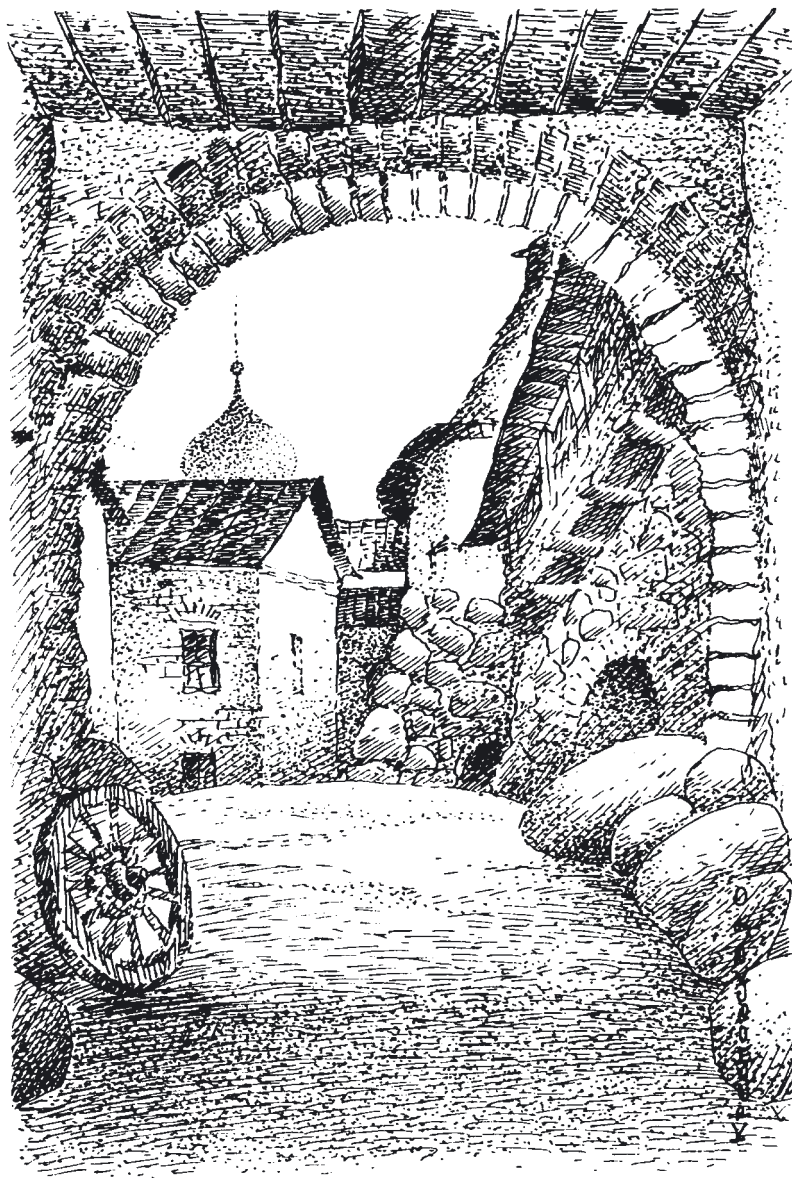
“Соловецкая симфония” создавалась интуитивно, почти бессознательно на протяжении нескольких поколений иноков. Вопреки всему она сохраняла благозвучие и не теряла согласованности. Нам простительно любовное отношение к своему монастырю, но зададимся вопросом, насколько оригинально наше описание и определение? По сути, оно приложимо практически к любому крупному монастырскому поселению. Это в идеале. А в действительности очень немногие монастырские ансамбли России отличаются такой целостностью. Самым знаменитым из них нельзя отказать в полифоничности и особой выразительности, но *симфоничностью* обладает, по нашему мнению, только Соловецкий монастырь. Море, островное положение обители, соединенные с иноческим подвигом, синтезировали удивительно мощную формулу литургического действия — *соловецкого богослужения*, понимаемого не только как паломничество, но как обращение человеческой души к Создателю. Уникальными в соловецкой гавани являются “замысел”, “партитура”, “аранжировка”, “исполнение”. На каждом из этих уровней были достигнуты выдающиеся результаты. Замысел святого Филиппа, не до конца воплощенный самим автором, был понят и развит, а обитель у гавани стала зримым воплощением “умного монастырского делания”, выдающимся памятником духовной жизни России.

**МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ
СОЛОВКОВ
XIX – XX вв.**

П. Ф. Федоров¹

ТРЕХДНЕВНЫЕ БОГОМОЛЬЦЫ²

Есть еще масса людей, которые приезжают в монастырь во время навигации всего на три дня; это в собственном смысле богомольцы, паломники обоего пола и всех возрастов. С приездом их жизнь монастыря во всех отношениях сильно оживляется и вместе с тем количество соблазнов для иноков сильно увеличивается. Только теперь (во время навигации) монахи видят женщин, которых совсем нет на Соловках зимой (в продолжение 7 – 8 месяцев). До нынешнего столетия существовал даже обычай совсем не позволять женщинам-богомолкам оставаться ночевать на Соловецком острове, а бывать только в храмах при богослужении. Остальное время они должны были проводить в женской гостинице на особом небольшом острове, известном до сих пор под названием “Бабьего” и находящемся при входе в гавань Благополучия. На этом острове до сих пор заметны следы старого здания. В настоящее время паломники размещаются вместе с паломницами не только в одних зданиях, но даже и в одних комнатах.

Трехдневные богомольцы съезжаются со всех концов православной Руси, но больше всего из тех же губерний, откуда и сами монашеские; что же касается до количества пилигримов, то в последние 20 лет оно довольно прочно установилось, именно не опускается ниже 11 000 и не поднимается выше 15 000, а чаще всего держится около 12 000 (для некоторых средних вычислений, приводимых ниже, я буду брать последнюю сумму).

По своему происхождению паломники принадлежат к тем же сословиям, к каким и даровые трудники, т.е., главным образом, к крестьянскому, причем это преобладание крестьянства в разные месяцы

¹ П. Ф. Федоров — судовой врач. В 80-е гг. XIX в. совершил поездку в Соловецкий монастырь, впечатления от которой описал в книге “Соловки” (опубликована в 1889 г.).

² Печатается по изданию: Федоров П. Ф. Соловки. Кронштадт, 1889.

навигации бывает неодинаково. В первую половину, продолжающуюся числа до 15 июля, паломники, можно сказать, исключительно простой серый деревенский люд, в первые рейсы обыкновенно битком, сверх положенного числа, наполняющий соловецкие пароходы; в некоторые дни богомольцев одновременно накапливается в монастыре до 2000 чел., а всех перебивает в эту половину навигации не менее 4/5 всего количества.

Котомка или мешок за плечами, зипун или полушубок, лапти, реже сапоги, простые, сосредоточенные, смиренные, большей частью худые, лица — вот самый чистый вид соловецкого богомольца первой половины навигации. Этот богомалец обыкновенно дальний: из Вятской, Вологодской, Пермской, Новгородской, Псковской губ., из самых дальних закоулков Архангельской и Олонецкой губ. и т. д. Ему хочется ранней весной “побывать у Преподобных”, чтобы поскорее возвратиться домой к летним работам. Главная волна богомольцев направляется в Соловки через г. Архангельск (с севера и северо-востока России), между этим городом и монастырем совершает рейсы пароход “Соловецкий”, самый большой и самый лучший из всех трех пароходов, принадлежащих монастырю. Гораздо меньшее число богомольцев идет с северо-запада России через посад Суму и г. Онегу, от которых ходит пароход “Вера”.

В весеннюю распутицу богомалец или богомолка бросает свою семью, хозяйство, идет пешком сотни, иногда тысячи верст до какого-либо притока Северной Двины, по которой спускается вниз то на груженных барках, буксируемых пароходами, то на соминах, то просто на больших лодках или плотах. Всюду, где только возможно, он старается уменьшить плату за провоз личным трудом, приберегая запасенные деньги для Преподобных в обители. Плывая по реке, он живет обыкновенно под открытым небом, питаясь чем Бог послал, чаще всего одним хлебом с водою, терпя всевозможнейшие лишения, сильно страдая от холода, так как в это время на северных реках еще очень холодно — по утрам нередко бывают морозы, температура воды около 0, часто дуют холодные северные ветра. И такое путешествие длится обыкновенно неделями.

По прибытии в г. Архангельск богомалец помещается в Соловецком подворье в двухэтажной гостинице, в нижнем этаже которой находит самую неприхотливую обстановку: в обширных комнатах имеются только простые некрашеные нары, 1 или 2 стола и столько же скамеек, и больше ничего. Но серая публика и этому рада: по крайней мере, здесь тепло, каждый свободно может лечь и растянуться как ему угодно; за постой ничего не платят, так как помещение

даром от монастыря, только кормиться нужно на свой счет. В ожидании первого парохода, приходящего из Соловков значительно позже вскрытия реки Северной Двины, публики скопляется на подворье все больше и больше. Богомольцу тогда приходится жить на подворье дней 10 и при таких условиях ему нелегко здесь “прохарчиться”; редкий пришлый богомалец может найти в городе какую-либо работу: своих, городских, рабочих довольно. Волей-неволей такому богомольцу иногда приходится просить милостыню, хотя бы у него при себе и оставалось несколько рублей — “не с пустыми же руками ему явиться к Преподобным”.

Но вот публика оживилась, встрепенулась — пришел “Соловецкий”. Особый иеромонах начал раздавать билеты на проезд — близ конторки теснится масса народа. Сначала подходят наиболее состоятельные из серого люда и без всяких лишних разговоров степенно берут билеты 3 класса, а затем смиренно приближаются те, кто победнее, и начинается торговля, просьбы о сбавке с установленной стоимости билета, мольбы, слезы и даже земные поклоны. Смотря по обстоятельствам, иеромонах более или менее снисходителен к просьбам, одним сбавляет (билет стоит по таксе 4 руб.) 1 руб., другим 2 руб., иным — три, и только исключительные счастливы-бедняки успевают выпросить себе даровой билет, причем только в том случае, если платных пассажиров не чересчур много, а это бывает редко в первую половину навигации. Каждый билет дает право прибыть в обитель, прожить там три дня, пользуясь даровым помещением и пищей, и возвратиться обратно в г. Архангельск. За провоз богомольцев в течение всей навигации монастырь ежегодно выручает в среднем выводе 25 000 руб., иначе сказать, по 2 р. 8 к. с каждого богомольца.

За час до отхода позволяется публике устремиться на пароход, долженствующий, по положению, вмещать во всех классах не свыше 750 чел. Но в первые рейсы в одном 3 классе число пассажиров нередко превышает 900 чел. — они набиваются, как сельди в бочку.

3 класс устроен под палубой в трюме, причем пространство между дном трюма и верхней палубой разделяется еще 2-мя горизонтальными перегородками, как бы вторичными палубами, так что пассажиры размещаются в четыре этажа или пласта... из середины верхней палубы через люк спускается лестница на все перегородки до дна трюма. Весь 3 класс не имеет ни одного стола, ни табурета, ни скамейки — все палубы совершенно пусты, и пассажиры располагаются наипростейшим образом: в виде беспорядочно сваленных кулей муки — кто стоит, кто сидит, кто лежит, и в первые рейсы настолько тесно, насколько позволяют законы непроницаемости. Нелегко богомоль-

цам 3 класса переплыть море, особенно весною, когда редкий рейс обходится без качки и когда на море бывает страшно холодно (хотя пароход имеет все приспособления для отопления, но им не пользуются). Значительная часть публики, пришедшей в первый раз из не приморских местностей, имеет смутное представление о морской качке и невыразимо мучается, как от страха смерти, так и от неудержимой “перевертывающей все внутренности” рвоты. Духота, вонь от чрезмерной скученности и рвотных извержений, темнота, стоны, крики, оханья, всевозможные причитанья, разные слезные молитвенные обращения к Богу и его святым, рвотный кашель, а на верхней палубе пронизывающий холод и ужас при виде бушующего моря — вот в истинном смысле тот тернистый трудный путь, который ведет к обители. И такие мучения длятся иногда 10 – 15 часов...

Во сколько-нибудь значительную качку делается денежный сбор для молебна Преподобным о подании тишины и благополучном плавании. Почин в этом деле обыкновенно принадлежит не монахам, находящимся на пароходе в качестве служащих, а самим богомольцам; ими же проводится и сбор, и только результаты его отдаются эконому или опускаются в кружку, прибитую на видном месте судна под иконою Преподобных Зосимы и Савватия. Молебен служит в обители по прибытии. Многие под влиянием страха смерти, сознания своей греховности и желания умиловить Преподобных, отдают все деньги, которые имеют, и иногда бывали примеры, что такие пассажиры перед обратным возвращением в г. Архангельск со слезами просили монастырское начальство возвратить им хотя бы часть денег, так как им “не с чем ехать домой”.

Но вот страдания кончаются, цель долгого странствования близка. Пароход повернул за Заяцкие острова и дал малый ход, осторожно идя между мелями и маленькими островками, находящимися перед входом в гавань Благополучия. Качки нет. Монастырь со своими главами, церковью и башнями виден ясно, как на ладони, обрамленный зеленью леса. Измученная публика высыпает на верхнюю палубу, осеняя себя крестным знаменем, устремляя радостные умиленные взгляды на открывшуюся обитель, и после долгих невзгод суши и холодного пустынного моря эта обитель кажется ей каким-то удивительным, чудесным уголком, мирной пристанью, манящей к себе своим покоем и красотой. Чем-то таинственным, загадочно-священным веет для богомольца от этой массы церковей, окруженных громадными стенами. “Чудное дело! Далеко же забрались эти монашки — на самый край света!”

Машина застопорила и по инерции входит в гавань Благополучия, все пассажиры стремятся на верх, на палубу, а поместиться там всем нет никакой возможности; давка страшная. На палубе становится так тесно, что в собственном смысле яблоку негде упасть. И несмотря на то, что многих прижимают до боли, все стоят мирно, в благоговейной тишине, проникаясь святостью места и выражая свое удивление на все виденное.

Пароход стал, с берега на него переброшены сходни, дверца борта отворена, выход открыт. Напор публики достиг крайнего предела. Как вода, которую не мог сдерживать шлюз и отскочил от сильного давления, все стремительным потоком бросаются к узкому выходу, мешая, нажимая друг на друга, корча физиономии от боли и все-таки ничем не нарушая благоговейно-серьезного выражения, даже движения ног мало слышно. Вся масса на палубе представляет плотно сжатый ком, от которого с большим трудом, с большими усилиями отрывается к выходу по маленькому комочку; эти комочки усыпают весь берег, удивляя своей многочисленностью и тою степенью сжатия, сцепления, которому они подверглись на пароходе, занимая там такое небольшое по объему место.

Первое дело пилигримов, только что ступивших на землю Соловецкую, — молитва; кто просто с чувством крестится, кто кланяется в пояс, кто в землю, некоторые даже целуют землю; иногда видишь на глазах женщин слезы. В воздухе слышится шепот благодарственной молитвы: “Слава Тебе, Господи, привел Господь к Святым угодникам!” Дорожные невзгоды и страдания забыты. Все физиономии просветляются чувством благоговейной радости и с умилением обращаются на храмы Соловецкие. Это настроение всей массы в унисон производит сильное впечатление, уменьшающееся к концу навигации, когда публики мало и состав ее другой. И нельзя не видеть, что эта серая публика в данный момент счастлива, радость высшего порядка наполняет ее душу.

Сотворивши молитву, масса стоит в нерешительности, оглядываясь по сторонам, поражаясь видом своеобразных громадных стен и кучи церквей и не зная, что делать, куда идти. Только люди бывалые и юркие бегут в гостиницу занять получше местечко и таким образом указывают путь незнающим; последним также помогают гостинщики, которые во главе с наместником монастыря встречают каждый пароход и размещают богомольцев по трем гостиницам, находящимся вне монастыря, близ его стен. Из них две деревянные, старые, запущенные, грязные. На одной из них, “Архангельской”, до сих пор остались следы бомбардировки англичан в 1854 г. Третья гостиница, “Преобра-

женская”, — каменная, трехэтажная, очень большая, имеющая до 70 номеров. Средний этаж этой гостиницы — самый лучший, комнаты высокие, чистые, с порядочной мебелировкой, 1 и 6 номера имеют по три комнаты с мягкой мебелью, зеркалами, диванами и т.д. Номера 3 этажа хуже, первого — еще хуже, но все же лучше комнат деревянных гостиниц. Комнаты последних представляют самую неприхотливую обстановку: в одних из них, больших, имеются только нары (в 2 комнатах в два этажа), стол, 1 или 2 скамьи; в других, маленьких, от 2 до 5 простых коек с голыми досками, стол с 1, 2 стульями — и больше ничего.

Таким образом, публику есть куда разместить, и в первую половину навигации этот процесс размещения не вызывает никаких затруднений и недоразумений: вся или почти вся серая крестьянская нетребовательная публика прямо отводится в деревянные гостиницы, где ее прежде всего размещают по нарным комнатам — человек по 40 – 50 обою пола в каждую комнату, так что все нары и даже полы бывают заняты вповалку; затем размещение идет в коечные комнаты, где почти всегда людей помещается больше числа коек, так что и здесь часть паломников спит опять-таки на полу. Хотя монахи и очень хорошо знают, что крестьяне доставляют весь доход монастыря, но все-таки они нисколько не церемонятся с ними: “Приехали молиться, так не взыщите, да и не стойте вы лучшего!” — вот внутренний смысл монашеских сношений к своим мирским собратам.

Каменная гостиница предназначается для богомольцев “почище”: средний этаж для купцов и лиц, власть имеющих, верхний — для разnochинцев, нижний для крестьян и мещан, кто побогаче. Гостиницки отлично умеют определять общественные и экономические градации по платью и выражению лица и соответственно с этим размещают.

Разместившись, наметивши себе углы для ночлега, несколько оправившись от путешествия, паломники прежде всего идут купаться в Святое озеро, каждый пол в особую купальню. В простом народе существует вера в чудесно-целительное действие воды этого озера от всех болезней; купанье в нем превратилось почти в религиозный обряд.

Таким образом, нужно сначала омыться, очиститься и через это омовение сделаться достойным вступления в “Святую обитель”, куда богомольцы входят, главным образом, через так называемые Святые ворота, находящиеся со стороны гавани.

Далее, в продолжение трех дней своего пребывания в Соловках паломники посещают все богослужения и исполняют другие обязанности благочестивых мирян; большая половина их исповедуется и

приобщается, строго соблюдая пост, не прерывающийся во все время пути.

В часы же, когда нет церковных служб, и отчасти во время богослужений богомольцы всюду — и в монастырях, и в скитах — рассматривают все священные достопримечательности, получая таким образом массу впечатлений почти исключительно религиозного характера.

Я останавлиюсь только на тех из этих впечатлений, которые для простого народа наиболее интересны, наиболее сильны или своеобразны и о которых поэтому может рассказать всякий сколько-нибудь наблюдательный простолюдин-паломник. Предварительно скажу несколько слов о впечатлениях от самих обитателей монастыря. Масса паломников обоего пола имеют между теми или другими членами монастырского населения родных, знакомых, односельчан, земляков. Монашествующие, встречаясь с ними, после обычных приветствий обыкновенно расспрашивают их о всех событиях и новостях в своей семье и деревне, а паломники чаще всего обращаются к монашествующим с просьбой указать и объяснить им разные примечательности монастыря. Далее паломники интересуются также и внутренней жизни иноков, и некоторые стороны этой жизни хорошо знают, так, например, всем известно, что монахи каждый день начинают и кончают молитвой и тем, что прикладываются к мощам Преподобных и подходят для благословения к настоятелю; что в продолжение года все монахи много раз исповедаются и приобщаются; что вся провизия, принесенная в монастырскую кухню на данный день, перед приготовлением всегда, не пропуская ни одного дня в году, через очередного священника окропляется святой водой и таким образом очищается от всякой “скверны”; что поминовение усопших по синодикам и помянникам производится монахами непрерывно и день и ночь в известной очереди, что смерть иеромонаха возвещается тремя ударами колокола, после чего все в обители в продолжение трех дней молятся об усопшем, и т.д. Весьма многие из богомольцев в каждом соловецком монахе, особенно в духовнике, склонны видеть святого высокой жизни, наставника, к которому относятся со всем уважением, которого называют не иначе, как “отец”, к которому обращаются за утешением и ободрением в своих несчастьях и неудачах. В таких случаях монахи неизменно ободряют указанием на милость и помощь Божию, и в особенности Преподобных Зосимы и Савватия, всегда заканчивая свой совет так: “Надейся и молись”. Пред интересующимися мирскими собратами монахи обыкновенно строго соблюдают пословицу: “Назвался грибом, так и полезай в кузов”, то есть насколько мо-

гут, показывают себя истыми монахами на высоте своего призвания, более или менее привлекательно изображая свою жизнь в обители и в то же время умалчивая о ее дурных или тяжелых сторонах.

Приближаясь к обители, паломники больше всего поражаются своеобразным видом огромных монастырских стен; стены эти сложены из необделанных валунов, из которых некоторые весят до 70 пуд. “Каким образом люди могли поднимать и нагромождать друг на друга такие большие камни? Видимо, не без помощи Божией и Преподобных Зосимы и Савватия!” — вот наиболее частые отзывы паломников. Влево, недалеко от вход в Святые ворота, паломники видят лавку с гончарными монастырскими изделиями, которых ежегодно продается на сумму от 200 до 500 руб. Изделия — крайне не разнообразны, главным образом, разных величин миски и кружки, впрочем, немного лучшего достоинства, чем на Архангельском рынке, но зато значительно дороже. Святые ворота устроены величественно. Это длинный, сажень в 6, в виде арки проход, или туннель, с гранитным полом; туннель такой длины не потому, что монастырская стена имеет 6 сажень ширины, а потому что устроен под церковью Благовещения Пресвятой Богородицы, в которой совершается поминовение крупных вкладчиков... Над самым входом в Святые ворота поставлен образ Нерукотворенного Спаса: “Он написан в 1624 г. при Преподобном Елеазаре, по особому ему о том откровению Божию, и с того времени постоянно стоит на открытом воздухе невредимым ни от здешнего воздуха, ни от других вредных стихий”. Внизу, на стене, по левую сторону этого образа, написано: “Сей образ Спаса и Господа нашего Иисуса Христа написан тщанием и усердием Основателя Анзерского скита Преподобного Елеозара Чудотворца; во время нападения на обитель англичан в 1854 г. сей образ перенесен и поставлен здесь под Святыми воротами в защищение и спасение обители от врагов видимых и невидимых”. По правую сторону образа внизу на стене — такая надпись: “По указу государя Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича построена вокруг монастыря доселе существующая каменная крепость для защиты обители от нападения иноплеменных в 1584 г. при 27 игумене Иакове на монастырскую сумму, собранную с береговых монастырских вотчин, по плану Соловецкого монаха Трифона; строение продолжалось 12 лет под смотрением воеводы Ивана Яхонтова”. В самых Святых воротах находятся две лавки, распложенные друг против друга: в одной продаются кресты, четки, вязаные и тканые пояса со священными надписями, раскрашенные ложки, из которых на одних на ручке вырезана рыба (треска или окунь), а на других благословляющая рука; на всех ложках написано “Благословение Соловецкой обители”; наконец, солонки, точеные перечницы и простые сосновые корзинки;

в другой лавке продаются: книги монастырского издания, картины, иконы, образки и помянники. От продажи всех этих предметов в Святых воротах каждую навигацию выручается 10 000 р., иначе сказать, каждый богомolec оставляет здесь 83 к. Внутренние стены ворот прежде были расписаны народными картинками, уже 10 лет замасанными, из них на одной был изображен монах, беседующий с женщиной, а бес в это время бегал вокруг них, опутывая веревкой.

Пройдя ворота, публика вступает в прямую аллею, выстланную гранитом и ведущую к группе храмов, расположенных посередине двора. С обеих сторон аллеи, за деревянными оградами, небольшие садики из рябины и черемухи.

Аллея упирается в крыльцо храма, под входной дверью которого помещена большая чудотворная икона Знамения Божией Матери; руки Богоматери как бы непрестанно осеняют и благословляют всех входящих в храм. По бокам входных дверей на гранитных досках вырезаны две надписи, относящиеся к иконе.

Наружная правая сторона храма вся испещрена черными кружками, обозначающими места удара ядер из английских пушек, а спереди, значительно выше иконы Божией Матери, с одной стороны изображен Преподобный Зосима, а с другой Савватий — оба с возде-
тыми к Богу лицами, в молитвенных позах, как бы молящиеся за всех входящих.

Влево, рядом с входным крыльцом храма, находится “просфорная” лавка, валовая выручка которой равняется 6000 руб., т.е. каждый богомolec покупает в среднем выводе на 50 коп. просфор. Цены просфор от 5 до 50 коп. за штуку (каждый, самый бедный паломник считает своей обязанностью взять одну просфору “за здоровье” и одну “за упокой”). Мне рассказывали про одного петрозаводского купца, который увез из Соловков 920 просфор, упакованных в 19 корзинах.

Поднявшись по входной лестнице крыльца, богомольцы вступают в весьма длинный светлый коридор (58 саж.), имеющий на концах расширения и представляющий чрезвычайно важный пункт. Из него можно попасть во все главные Соловецкие храмы, чуть не во все монашеские кельи, в ризницу, библиотеку, колокольню, трапезу, на стелу и т.д.

Весь коридор от начала до конца расписан картинами религиозного содержания и притом совершенно в народном духе.

В первом правом расширении коридора находятся двери в Троицко-Зосимо-Савватиевский и Преображенский соборы, а пред входом в первый — длинный прилавок; из левого конца коридора — двери в Успенский собор, в котором устроена трапеза для всех монашествующих и части богомольцев.

Троицко-Зосимо-Савватиевский собор — самый главный, священный, храм, в котором покоятся мощи Преподобных, в котором ежегодно, круглый год, совершаются все службы и в который устремляются все богомольцы. В первую половину навигации, особенно в начале каждого богослужения, пред входом в этот собор, близ длинного прилавка толпится обыкновенно масса народа. В одном месте за прилавком мальчики пишут желающим на приносимых ими просфорах имена за здоровье и упокой, кому славянским печатным шрифтом, кому рукописным русским, конечно, за известную плату. Недалеко от мальчиков сидит монах, записывающий в большую книгу имена умерших для поминовения,.. очевидно, в народной среде существует огромный спрос на монашескую молитву для поминовения усопших.

Далее монах продает билетки на молебны и панихиды... Наконец, на последнем месте прилавка продаются свечи.

Богомолец, запасшись всем, что нужно для благочестивого мирянина, и, кроме того, имея при себе некоторые дары натурой, вступает в священный храм и прежде всего стремится к ракам Преподобных Зосимы и Савватия. Гробы этих угодников, закрытые серебряными раками, поставлены в углублении южной стороны храма в арках, каждый гроб — в отдельной арке, так что между обеими арками остается промежуток, или перешеек, нетронутой стены. Над арками величественно высится дорогой резной золоченый балдахин, отчего самые гробы окружает таинственная священная полутьма. Богомольцы прикладываются только к живописным изображениям Преподобных, находящимся на верхней доске раки. Нетленные же мощи Преподобных всегда закрыты и только в Великий четверток Страстной недели омываются благовонной водой настоятелем с одним или двумя из избранных монахов. С балдахина спускаются три массивных серебряных лампы, из которых на одной неугасимо горит масло, а на остальные во время богослужений ставятся свечи. Перед лампадами на полу стоит большая железная кружка в виде кубического ящика в 5 четвертей вышины с надписью на одной стороне: “Преподобным Зосиме и Савватию в монастырскую казну”. Под балдахином на перешейке между двумя арками помещен образ Преподобных Зосимы и Савватия, а поперек образа натянута проволока, на которой повешена масса серебряных вещиц, изображающих более или менее грубо разные части человеческого тела: глаза, руки, ноги, голову; есть изображения всего человека, а также коров и лошадей. Нечего и говорить, какое странное впечатление производят на незнающего человека эти вещицы, которые представляют из себя не что иное, как дары Преподобным от болящих или болевших. Дары эти — то просьбы больных о выздоровлении, то благодарность за полученное исцеление. У кого что болит,

тот и приносит соответственное серебряное изображение к Преподобным или сам, или посылает вещь через знакомых, если сам не может идти в обитель. У многих существует уверенность, что такой способ просьбы самый действительный.

По правую сторону балдахина стоит шкаф, близ него широкая со спинкой скамья в виде дивана, по левую сторону балдахина — большой стол, весь уставленный склянками, из которых одна содержит масло от неугасимой лампы Преподобных, другие — Святую воду (крещенская освященная вода с примесью благовонной воды, употреблявшейся при омовении мощей угодников). И масло, и вода считаются целебными против всех болезней и хорошо раскупаются... каждая склянка имеет на одной стороне выпуклые изображения. В верхней части — Знаменской Божией Матери с благословляющими руками, по бокам — Преподобных Зосимы и Савватия, а внизу, между ними, Соловецкой обители. Такое же изображение имеет печать на просфорах.

Близ самих мощей стоит гуськом ряд богомольцев в ожидании очереди приложиться “к Преподобным”. С глубочайшим благоговением, с трепетным сердцем паломник кланяется в землю перед раками Преподобных и целует их изображения, совершая все это как бы пред самим Богом, и при той торжественной обстановке, которая окружает гробы Угодников, душа паломника бывает объята каким-то страхом, трепетом — он чувствует себя погруженным как бы в священную атмосферу благодати Божией. И почти каждый паломник, прося о какой-либо помощи или получив ее, сам непосредственно приносит от себя какой-нибудь дар Угодникам, кладя оный на раку их, близ ног. Всякий приносит “по силе возможности”, чем он богат; кто кладет платок, кто холст, кто варежки, рукавицы, рубашки, всевозможнейшие мотки ниток, полотенца, столешники (салфетки), женские платки и т.д.; раз при мне даже был такой случай: один зырянин из Печорского края поднес Преподобным лыжи, причем задки их стояли на полу, а носки упирались в самые раки. В большинстве случаев все эти дары — изделия самих дателей, и лежат на раках короткое время — около 5 минут, а затем убираются в близстоящий шкаф, а когда он наполнится (за одно богослужение), то на скамью или под нее, на пол.

Подходя к кубическому ящику, стоящему перед лампадами, паломник вытаскивает свою мошну, и на лице его нередко изображается нерешительность — сколько опустить? К таким иногда подходит монах и говорит: “Смотри, не утаиваешь ли чего? Опускай все, что тебе другие дали, а то Преподобные тебя накажут!”

И я видел сам несколько раз, как такие паломники — мужички, с виду очень бедные, — опускали от 5 до 50 рублей. Не всегда все опу-

щенные деньги свои собственные; часто большая или меньшая часть их получена от соседей-односельчан “для передачи Преподобным”.

Есть немалое количество больных богомольцев, которые приезжают в обитель с надеждою получить исцеление от Преподобных; в большинстве случаев это бесноватые, кликуши, икотницы, параличные и т.д. Трудно представить, сколько хлопот, лишений, неприятностей приходится иметь провожатым таких беспокойных или беспомощных больных, привозимых иногда за тысячи верст. Вступая в обитель, провожатые этих больных прежде всего преподносят дары Преподобным, а затем обращаются с просьбою к монаху, стоящему при мощах, дать пелену, которая покрывает раки. Пелена эта, по верованию народному, священна и обладает благодатной силой исцелять верующих от всех недугов. Больного или больную ставят перед мощами на колена, голову преклоняют до земли и всего покрывают священной пеленой — так повторяется каждое богослужение. Такой больной, распростертый в таинственном полумраке пред гробами Преподобных, с густою массою народа вокруг, народа, благоговейно стоящего, горячо молящегося, при огромном количестве горящих свеч на дорогих лампадах, при всей торжественной величественной обстановке храма производит глубокое впечатление на всякого новичка: глаза у всех блестят, воздух проникнут какой-то благодатной священной силой, все с напряжением смотрят на распростертого больного в ожидании чуда, вполне веря в его возможность... по словам богомольцев, редкое лето не бывает чуда. Рассказы о чудесах с разными дополнениями и вариациями, всевозможнейшие легенды разносятся по закоулкам православной Руси и сильно влияют на религиозное чувство и воображение набожных крестьян, возвышая в то же время славу обители. Хотя я и мало беседовал с паломниками, но все же слышал о нескольких чудесных исцелениях.

Великолепную, богатую обстановку [Троицкого Зосимо-Савватиевского собора — *прим. Сергея Морозова*] я считаю лишним описывать. Можно только, наверное, сказать, что жители Севера ничего подобного не видят не только в своих сельских храмах, но даже и в губернских городах, и стоят, изумленные “благолепием и красотою”. В конце обедни пред раками преподобных торжественно служит общий молебен; все иеромонахи монастыря, обыкновенно не менее 30 человек, в священных облачениях с клобуками на головах становятся в два ряда, во главе их архимандрит с драгоценной митрой на голове, пользующийся правами архиерейского служения, величественная обстановка всего храма, громогласное, стройное, простое (совершенно в народном духе) пение двух хоров, из которых в каждом около 25 человек, служение самим Преподобным и непосредственно перед

ними, в их святом месте — все это поражает, ошеломляет паломников, они как бы находятся на небе, отрешившись, забыв все земное, и испытывают высокое наслаждение, особенное какое-то душевное ликование, как бы чувствуя в себе Бога. Восторженность, высокий религиозный энтузиазм заметен в это время на многих лицах.

После обедни паломники через картинную галерею идут обедать — часть в Успенский собор, часть в особую богомольческую трапезу, а после обеда расходятся по разным местам обители; в первый же день своего пребывания чаще всего идут в рядом стоящий с Троицким Зосимо-Савватиевским собором — Преображенский собор, в котором служатся молебны желающим по отдельности. Служат часто до 30 иеромонахов одновременно, и притом каждый самостоятельно с одним или двумя послушниками или богомольцами, исполняющими роль псаломщиков-певцов. В одном месте поют молебен, в другом панихиду и т.д., и все это на разных голосах, отчего получается оригинальный беспорядочный шум. Некоторые дни большая половина иеромонахов служит молебны и панихиды с утра до вечера во время всех богослужений, отлучаясь в Троицкий собор только для общего молебна.

Преображенский собор великолепно отделан и имеет много святынь, из которых самая драгоценная — часть мощей Святителя Филиппа (одна лучевая кость правой руки), открыто лежащая на раке в арке южной стены и привлекающая массу поклонников. Посредине храма, близ столба, под особым балдахином помещается явленная чудотворная икона Божией Матери, называемая “Сосновская”, по преданию, она явилась в древние времена на сосне, в 14 верстах от обители, при морской губе. Близ царских врат, на аналое лежит образ, в середине которого вложен серебряный крест с Богородицею и Иоанном Богословом, вокруг распятия — тридцать одна частица мощей разных святых, в том числе нескольких апостолов и ветхозаветного пророка Даниила.

Под Успенским собором, рядом с монастырской хлебопекарней, устроена маленькая церковь Рождества Пресвятой Богородицы, в иконостасе этой церкви находится чудотворная явленная икона Божией Матери, именуемая “Запечной” или “Хлебенной”. Икона эта, как гласит предание, явилась Святителю Филиппу во время его молитвы за печкой, когда он нес в обители послушание простого хлебопека.

В нижнем этаже под Преображенским собором устроен небольшой храм во имя Преподобного Германа Соловецкого чудотворца; в этом храме покоятся нетленные мощи его под спудом, т.е. в земле, не открытые, и только над могилой посредине храма возвышается “среб-

ропозлащенная” рака. Близ этого храма, в часовне, тоже под спудом, хранятся святые мощи Преподобного Иринарха, игумена Соловецкого, а рядом с этой часовней, прямо под алтарем Преображенского собора, находится усыпальница, в которой покоилось тело Преподобного Зосимы до открытия его мощей. Здесь есть крест, сделанный из весьма толстых сосновых брусьев и, по верованию народа, обладающий целебным действием против зубных болей. Нужно только с верою, после предварительной молитвы, своими собственными зубами погрызть этот крест; он так усердно грызется страждущими паломниками, что в одном месте совсем перегрызен, и верхняя часть стоит отдельно, приставленная к стене. Несомненно, не одна сотня тысяч людей грызла этот крест и не одна тысяча получала исцеление! Многие, желая запастись целящим деревом, стараются отгрызть его как можно больше, прячут в бумажки отгрызенные куски и по приезду домой по доброте душевной дают болящим соседям.

В богатую монастырскую ризницу, которая открывается в день всего один раз, и то часа на 1,5, заглядывает сравнительно мало простого люда, отчасти потому, что не все знают время открытия ризницы, бывающее не в один и тот же час, а отчасти потому, что здесь для него мало впечатлений: древние (за последние пять столетий) дорогие Евангелия, кресты, иконы, священно-церковные сосуды и облачения (в которых золото и серебро должно считать пудами) поражают простую публику только своим богатством. Чтобы дорожить драгоценностями, составляющими дары царей и бояр, начиная с Иоанна III, нужно хоть немного знать историю своей родины. Что, например, простолюдину сможет сказать палаш князя Михаила Васильевича Шуйского-Скопина и сабля князя Дмитрия Пожарского, выставленные наряду со священными сосудами? Если простая публика и посещает ризницу, то, насколько я мог заметить, главным образом из-за вериг, железных поясов и железных парамантов, вызывающих в ней высокую степень удивления и благоговения. Эти мучительные орудия умерщвления плоти носились под бельем непосредственно на теле святыми подвижниками; нельзя не удивляться, как люди могли постоянно носить такие страшные пояса, и простолюдину ужасно хочется хоть на минуту испытать то иго, которое терпеливо, во имя Бога, носили подвижники многие годы. Вот старичок-крестьянин стал опоясываться толстым железным поясом, пояс не сходится: “В прошлом году больше не сходился; нужно еще попоститься, помолиться да сбавить грехов, авось и сойдется!”

За стариком молодая женщина надевает тот же пояс, без всякого труда застегивает его, с чувством делает три земных поклона и затем молчаливо уходит. Многие берут вериги только в руки, потряхивают

их, желая определить их тяжесть и делая такие замечания: “Да, брат, вот люди-то как спасались!”

Вне монастыря, саженьях в 20 от входа в Святые ворота, стоит “Чудопросфорная” часовня, в которой помещена большая икона Преподобных Зосимы и Савватия. Внизу этой иконы, между обоими святителями, изображена просфора, от которой исходит красное пламя. Небольшая, приблизительно только в два раза больше просфоры, собака (которую еле-еле можно признать за таковую, скорее кошка, чем собака) хочет схватить просфору, но пламя мешает ей это сделать. В стороне от икон на стене надпись [объясняющая смысл изображения — *прим. Сергея Морозова*].

В 2-х верстах от обители, в живописной местности, находится Иисусова пустынь, которую посещают все богомольцы и в которой построена церковь во имя Пресвятой Богородицы Живоносного источника. В церкви, позади правого клироса, стоит высокий четырехугольный ящик — “сень” с отсутствующей передней стенкой. Вместо передней стенки по бокам ящика две шелковые занавески, в ящике на возвышении сидит человек естественной величины, сделанный из дерева, с голубыми глазами и черной небольшой бородкой и усами. На голове его терновый венок со впившимися в кожу головы терниями, а сверх него еще венок из разноцветных шерстей. От впившихся терний струится кровь (в виде красных пятен) по лицу, по рукам, открытой груди и босым ногам. Лицо, обращенное к выходу из храма, выражает страдание и смиренную покорную скорбь. Тыльная поверхность стопы и пальцев ног носит следы поцелуев. Руки и ноги скованы железною цепью. Нижняя часть туловища и ноги до середины голеней закрыты покрывалом, чрез шею протянут шнур, на котором навешана масса крестиков и таких же серебряных выпуклых изображений, как и на образе при раках Преподобных. На коленях сидящего человека лежат другие пожертвования: мотки ниток, полотенца, платки и т.д., а близ ног, на помосте, деньги. Пред сидящим, изображающим собою Христа Спасителя, горит неугасимая лампада. На стене храма, недалеко от ящика, надпись крупными буквами (о видении игумена Филиппа перед поставлением в митрополиты Христа в темнице и возникновении на месте видения чудотворного источника).

Перед этой надписью на столике лежит камень весом около пуда с вырезанной надписью: “Сие возглавие Святителя Филиппа”, т.е. этот камень заменял Святителю подушку. В простом народе укоренилась вера, что этот камень обладает целебной силой против головных болей; нужно только с верою и молитвою, держа на голове, обнести его вокруг всего храма. При многолюдстве, особенно между женщинами,

часто происходят крупные ссоры, чуть не драка, кому первой нести священный камень.

Посреди самого храма находится колодезь со срубам, вода которого целебна против всех болезней. Весьма много берут эту воду или в склянки, или, что бывает гораздо чаще, покупают их в этом же храме; и здесь на склянках такие же выпуклые изображения, как и в Троицком Зосимо-Савватиевском соборе. Склянка стоит от 10 до 15 коп.

Ряд впечатлений, настраивающих богомольцев на глубокое религиозное почитание обители, убеждающих их в святости места Преподобных, продолжается и за ее стенами, всюду на материке; на картинах, просфорных печатях, иконах, маленьких образках, склянках, разносимых не только по Северу, но отчасти и по всей православной Руси, с маленькими вариациями повторяется такое изображение: вверху сам Христос Спаситель или образ Нерукотворенного Спаса, или Знаменская Божия Мать, под Ним или под Нею — по одну сторону Преподобный Зосима, по другую Савватий, оба с обращенными к Богу лицами, молящиеся о Соловецкой обители, изображенной между ними внизу. От Спасителя или Его Матери идут лучи света — благодати — как к Преподобным, так и к обители.

Смысл всех таких изображений и картин всегда один и тот же и вполне ясен: Преподобные, основав обитель и стоя близко к Богу за свою праведную жизнь, заботятся о своей обители как хозяева, непрестанно молятся о ней, оттого благодать Божия обильно почит на ней, оттого это место свято и молитва здесь особенно могущественна, скорее доходит к Преподобным.

Самое монастырское богатство, всюду и всем бьющее в глаза, всеми богомольцами воспринимается за видимое благословение Божие, за явную милость Преподобных, неусыпно заботящихся о благоустройстве и всяческом изобилии своего избранного места. По народным воззрениям, все, что есть в монастыре, принадлежит Преподобным, все, что жертвовалось, делалось и делается — все это для Преподобных: “пришел к Преподобным”, “дал Преподобным”, “обещал Преподобным”, “поработал на Преподобных”, “принес Преподобным”, “у Преподобных всего много”, “у Преподобных денег довольно” и т.д. Вот выражения, которые постоянно слышишь из уст как богомольцев, так и монахов.

Вся совокупность впечатлений внутри и вне монастыря убеждает богомольцев, а через них, а также через книги, картины и т.д., все православное крестьянство в том, что Соловецкая обитель — Святое благодатное место, озаменованное особым благоволением Божиим, благодаря подвигам великих угодников, главным образом, Зосимы и

Савватия, а также Германа, Филиппа, Иринарха и т.д., место, прославленное чудотворными явленными иконами, явленными мощами, целебными источниками, чудесами, совершающимися по вере и доньне и т.д. — убеждает, наконец, в том, что молитва на этом святом месте, обильно осеменном Благодатию Божией, особенно действительна, успешна.

Таким образом, идея святости места, а следовательно, силы своих молитв и вообще молитв, приносимых здесь кем бы то ни было пред Преподобными, непосредственными хозяевами этой обители, — вот самая главная идея, которую всевозможнейшими способами прививает Соловецкий монастырь своим богомольцам, а через них — и всей России.

И эта идея давным-давно крепко привилась к народу. В старинные времена люди всех классов, а главным образом, высших, начиная с царя, дорожили молитвами Святой обители и старались заручиться ими, не жалея средств, делая добродетельные даяния всевозможными способами — землей, скотом, деньгами, священными вещами. Ряд пожертвований начинается с самого основания монастыря... цари 17 столетия называли монастырь “наше царское богомолье”, а монахи сами себя в челобитных к царю — “твои Государевы богомольцы и сироты”. Во 2-й половине 17 столетия у Соловецких монахов было до 5000 душ крепостных крестьян одного мужского пола; им принадлежал весь западный берег Белого моря — от реки Онеги до Колы, значительная, лучшая, часть южного берега — одним словом, все, что было хорошего, выгодного на Белом море, составляло собственность монахов, так что *de facto* они были владельцами всего Белого поморья. И все это было жертвованное и жертвовалось из одного желания заручиться могущественной молитвой Соловецких иноков в их святом месте, конечно, с глубокой верой в силу, спасительность их молитвы.

Все имена жертвователей записывались в синодики для вечного поминовения. Рассматривая их, видишь, что люди всех классов общества — от царя до последнего простолюдина — вносили свои имена в эти синодики, которые все росли и растут в толщину, положительно поражающую взор, а между тем, их имеются целые десятки. Уже одна необычайная толщина этих синодиков свидетельствует о том, что православный русский народ издавна чтит Соловецкую обитель, верил в ее святость, дорожил молитвами ее иноков, делал в нее значительные вклады как необходимое средство к тому, чтобы обязать ее вечно молиться за себя и за своих близких.

Правда, в настоящем столетии в привилегированных классах значительно оскудела вера вообще и в частности вера в святость Соловецкого монастыря и значение его молитв перед Богом — соот-

ветственно с этим поубавилась и струя пожертвований от этих классов, а последние два десятка лет, можно сказать, совсем иссякла (маленькое исключение представляют только купцы Севера России), но в крестьянстве доверие к монастырю, его популярность росли почти непрерывно с самого начала его существования до 70 годов этого столетия [XIX в. — *прим. Сергея Морозова*]. В последние 15 — 20 лет популярность его находится *in statu quo*, как будто в народе окончательно выработался в этом направлении определенный спрос, допускающий ничтожные колебания. В эти 15 — 20 лет народ высылал из своей среды определенное количество даровых богомольцев (около 600 чел.) и трехдневных богомольцев (около 12 000 чел.), а из своих карманов — определенное количество денег (около 110 — 120 тысяч). В самом начале этого столетия [XIX в. — *прим. Сергея Морозова*] монастырь посещало всего от 2 до 3 тысяч богомольцев, в пятидесятых годах до Крымской войны — от 7 до 8 тысяч. После этой войны, особенно в начале шестидесятых годов, по словам монахов, “народ повалил десятками тысяч”. Очевидно, слава, популярность монастыря сильно увеличилась в простонародье после войны. Монастырь представлялся тогда народу, окруженным ореолом мученичества, несправедливо пострадавшим от нехристей англичан, чудесно избавленным милостью Божией. “Видимо, был перст Божий на святой обители, так чудесно спасенной от вражеского нападения”. Народ шел посмотреть уважаемую обитель, желая как бы непосредственно осязать сами раны, полученные ею в борьбе с неприятелем. Придя в обитель, он видел раненую икону Божией Матери, полуразрушенную гостиницу, массу ядер и т.д., все это поражало его, в особенности же то обстоятельство, что при такой страшной перепалке не было убито ни одного живого существа. Сами монахи, конечно, не жалели красок для того, чтобы как можно выше опозитизировать и представить чудесной свою борьбу с англичанами. Все это, без всякого сомнения, возвысило монастырь в глазах народа, упрочило веру в его святость и вообще сделало его более популярным, а тут в 1861 г., как нельзя более кстати, появилось и пароходство, сильно облегчившее доступ к пустынному обскому острову.

До 1861 г. морское путешествие богомольцев всегда сопровождалось большими опасностями — с Летнего берега (из сел Лопшеньги, Яреньги, с мыса Летнего Орлова, из Золотицы) их перевозили на Соловки на лодках или небольших судах; реже такое путешествие предпринималось прямо из Архангельска. Немало людей гибло на этом пути, а потому многие не решались пускаться через бурное холодное море. С появлением же монастырских пароходов этот страшный путь сделался безопасным, коротким, совершаемым в определенные сроки.

Наконец, освобождение крестьян (в 1861 г.) от крепостного состояния вызвало у многих из крестьян слезы благодарности к Творцу и повлекло в Соловецкую обитель.

В обители есть места, все устройство и обстановка которых рассчитаны на то, чтобы остановить внимание на себе всех богомольцев, возбудить в них известные мысли и чувства, привить к ним известные религиозные воззрения. К числу таких мест, в особенности, относится картинная галерея [настенная живопись в галерее-переходе между зданиями центрального храмового комплекса — *прим. Сергея Морозова*], расположенная на самом бойком месте, так сказать, пред глазами всех верующих и богомольцев, входные двери ее никогда не запираются, так что она всегда открыта для осмотра картин. После обедни и вечерни вся публика идет для обеда и ужина из Троицкого собора в Успенский (через эту галерею) и таким образом каждый богомольец неизбежно видит картины, по крайней мере, два раза в день или 6 раз в три дня; для посещения богослужений также нужно проходить или всю, или часть галереи, смотря по желанию; одним словом, в течение трех дней все богомольцы проходят эту галерею, по крайней мере, раз 20. Почти с утра до ночи толпится здесь народ, кучками стоя у картин. В каждой кучке найдется грамотей, который вслух читает объяснительный текст картины. Все смотрят, слушают, многие вздыхают, на глазах некоторых женщин я видел слезы.

Монахи считают эти картины весьма назидательными как для себя, так, в особенности, для простонародья.

С эстетической точки зрения, картины эти (всех около 70) вообще нехудожественны, за исключением некоторых фигур ангелов и женщин.

Почти в каждой картине есть надпись (красными буквами), означающая как бы оглавление картины, а под картиной славянским печатным шрифтом (черными крупными буквами) написан текст, в котором в форме проповеди ко всем православным христианам рассказывается содержание картины и проводится та или другая религиозная идея, так что живописное изображение является только резкой, в высшей степени наглядной иллюстрацией данной идеи, взятой обыкновенно из жизни подвижников или из Евангелия. Нельзя не удивляться тому, в какой простой, решительно всем доступной форме выражены здесь и словом, и кистью живописца самые отвлеченные религиозные идеи, так что галерея есть в собственном смысле народная аудитория, поучающая каждое лето около 12000 челов. Несомненно, обитель выставила в галерее все, что она считала полезным и назидательным как для монашествующих, так и для богомольцев.

При беглом обзоре галереи общее впечатление от картин ужасно мрачное, устрашающее; безобразные неукротимые духи злобы, на каждом шагу стремящиеся сделать зло человеку, и страшные бесконечные мучения в геенне огненной больше всего овладевают воображением, вселяют невольный страх в зрителе и заслоняют собой все остальное.

Содержание всех картин можно свести к такому общему идейному знаменателю: “Христос Спаситель пострадал за тебя, смотри же, молись, борись с бесами, от которых все зло, иначе ты вместе с ними будешь вечно и неугасимо гореть в страшном гееннском огне! Из всех средств избежать мучений ада и приблизиться к Богу самое действительное, хотя и трудное, — монашество, установленное самим Богом; в частности, Соловецкая обитель — место святое, прославленное житием и чудесами Преподобных Зосимы и Савватия, непрестанно о ней заботящихся, а потому это место весьма удобно, благоприятно для спасения”.

Богомольцы второй половины навигации

Со второй половины июля все меньше и меньше стремится богомольцев на Соловки, реже совершает рейсы пароход “Соловецкий”, а пароход “Вера” совсем перестает ходить в Суму и Онегу. В конце августа и в начале сентября число богомольцев на каждый рейс считается уже десятками. Простонародье редет, появляется публика почище: мелкие торговцы, богатые крестьяне, мещане, купечество и чиновники всех ведомств (последние, впрочем, чаще проездом). Публика большею частью недалняя — из соседних приморских городов и местечек, реже с верховьев Двины и больших городов. Приезжает она из тех же побуждений, как и простонародье, но в среде ее попадают и такие, которые посещают обитель просто с целью поглазеть, полюбопытствовать, внести хоть некоторое разнообразие в свою томительно скучную жизнь. К числу таких посетителей относятся, между прочим, немцы-лютеране (которых я встречал там каждую навигацию в продолжение 5 лет), а также большая половина чиновничества. Времяпровождение их уже резко различается от простонародья; в то время как последнее, охваченное религиозным настроением, почти совсем не интересуется хозяйственной стороной монастыря, весьма

мало заглядывает на скотный двор, находящийся в 12 верстах от него, глазеющая публика, наоборот, особенно любит ездить по скитам на тройках, преимущественно на скотный двор — попить там молока, чаю; она любит также посмотреть кухню, квасную, оружейную, содержащую древние копья, луки, стрелы, пищали, секиры, ризницу и т.д. Вообще, в продолжение 3 дней она может найти для себя немало интересного и приятного. Нечего и говорить, что публика “почище” — взыскательнее, требовательнее, любит больше почет и внимание, так что даже опытные и ловкие гостинщики не всегда могут угодить ей в размещении. Всем, кто побогаче и починовнее, хочется занять отдельный номер во втором этаже каменной гостиницы, преимущественно с лицевой стороны ее, так как здесь перед глазами гавань, монастырь и движение богомольцев. А, между тем, таких номеров всего 6 (задних 9). Вот тут часто выходит ропот и неудовольствие, даже жалобы настоятелю. Внимание к разным лицам чистой публики прямо пропорционально богатству и чину, определяемых по внешности — одному и номер, и пища лучше, почет и предупредительность особые. Людей, заведомо богатых или важных, архимандрит принимает в свои покои закусить, оказывает им все внимание и гостеприимство, иногда даже не жалея шампанского. К известным богачам предупредительность простиралась до того, что за ними посылался пароход. И в церкви к богатым и важным людям относятся иначе: под ноги дают ковер, на подносе от архимандрита выносятся просфора и т.д.

И несмотря на все это, мне кажется, в России не найдется ни одного монастыря, в котором было бы такое ничтожное количество посетителей не из-за религиозных потребностей. Ведь даже из Архангельска в Соловки путешествие занимает обыкновенно 5 дней, требует порядочного расхода денег и сопровождается неприятностями морской качки, а поэтому только немногим, знакомым с морем, имеющим иногда недельку свободного времени, можно для удовольствия или из любопытства прокатиться на Соловки. Совершенно другое дело в таких обителях, как Троицко-Сергиевская, Киево-Печерская и т.д., стоящих в центрах населеннейших местностей, имеющих во все стороны прекрасные пути сообщения. Сюда много публики, особенно в известные праздники, несомненно, идет стадным образом, по установившемуся обычаю или просто ища развлечений и зрелищ.

Священник Павел Флоренский¹

О МОРЕ И О СОЛОВКАХ²

(подготовка к печати и комментарий
К. П. Юдина)

“И голос вечности зовет
с неодолимостью нездешней...”

Анна Ахматова

“...Всю свою жизнь я думал только об одной проблеме, о проблеме СИМВОЛА”, — пишет отец Павел Флоренский, один из тех людей, которые являют нам лицо русской культуры начала XX в. и, шире, русской культуры вообще. Отец Павел оставил не только многочисленные труды специального характера, но и документальные свидетельства истории своей личности на протяжении почти всей жизни — от раннего детства и до смерти. Несомненно, что способность видеть любое явление мира, как символ, проявилась в таких свидетельствах со всей силой и одновременно тонкостью дара. В этом убеждаешься, открыв книгу воспоминаний “Детям моим”, где находишь не столько факты внешней биографии, сколько факты биографии сознания, осмысление феноменов, впечатлений, повлиявших на его развитие. Все факты прошли строжайший отбор творческого мышления, свидетельствующего, прежде всего, о себе самом, т.е. каждый факт есть одновременно и интерпретация, причем интерпретация символическая, все факты выражают единый смысл, раскрывают единое целое. Поразительны интонация и образность прозы — прозы не художника, но мистика, мыслителя и ученого, на-

¹ Флоренский Павел Васильевич (1882 – 1937 гг.) — ученый-энциклопедист, богослов, священник (с 1911 г.). С конца 1920-х гг. подвергался преследованию, с 1934 г. отбывал заключение на Соловках. Расстрелян по сфабрикованному обвинению.

² Фрагменты воспоминаний публикуются по изданию: Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. <II.> Пристань и бульвар (Батум). <Море. Пристань.> М., 1992. Фрагменты писем публикуются по изданию: Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. М., 1998.

деленного необыкновенно сильным восприятием чувственных конкретных явлений материального мира, в которых он прозревает начала иного бытия.

Флоренский, родившийся в 1882 г., напишет о детстве в 1916 – 1925 гг. (интересно, что начало работы над воспоминаниями находится почти в точке золотого сечения его жизни), а в конце жизни обратится к семье, к детям еще раз — в лагерных письмах с Дальнего Востока и Соловков, — в этих письмах тема детства прозвучит снова. По свидетельству отца Павла, на Соловках ему постоянно вспоминался Батумский период, как он писал, “по старости или по особенностям пейзажа”. В книге “Детям моим” глава “Пристань и бульвар” соответствует 1885 – 1886 гг., т.е. Флоренский описывает связанные с морем впечатления 3 – 4-летнего возраста. Именно этот, первый период пребывания в Батуме особенно ярко вспоминался ему на Соловках. Мы решили поместить рядом фрагменты воспоминаний и соловецких писем, сосредоточившись на теме моря, морских впечатлений и присовокупив к этим фрагментам небольшой собственный комментарий.

<Море.> “Тоны около зелени, то голубоватые, то желтоватые, напитали меня с детства через море. Свои детские и отроческие годы я провел в постоянном и ненасытном, и всегда ненасытимом созерцании моря. Редкий день проходил без того, чтобы мы, дети, т.е. я с Люсей, не побывали на берегу два, а то и три раза. И никогда море не наскучивало. Никогда впечатление от него не скользило по душе, всегда впивалось всем существом.

Мы шли утром, после чаю, захватив с собою на завтрак бутерброды с котлетами и сыром, а иногда еще и свежие или сушеные фрукты, каштаны, орехи или монпансье, желтая или зеленая, — опять какие-то переделки с теми, волнующими цветами. Няня или тетя Юля в несколько минут приводили нас на бульвар. Тогда, лет тридцать пять тому назад, море было еще у первой аллеи бульвара; лишь впоследствии оно так отступило от насаждений — туи и кипарисов, — несмотря на почти каждодневное прибавление их, вдогонку за уходящим морем. Играли на песке аллеи или спускались по хрустящему гравию к самой воде. Гальки были гладкие, словно искусственно обточенные. Я знал от взрослых, что они действительно обточены морским прибоем, но верил этому наполовину: разве эти камушки не выросли в море,

как раковины или кораллы? Разве они не образования живых существ?

Копались в мелком гравии, у самой воды, разыскивая цветные прозрачные камушки — опалесцирующие голубо и фиолетово халцедоны, таинственно светившиеся по всей массе внутренним мерцанием, словно налитые светом. Ленточные агаты, тонкослоистые оранжевые и красные сердолики с белыми прослойками, изредка аметисты, желтые и зеленые кварциты, а иногда — прозрачные топазы, как то монпасье, что приносили мы с собою, и многие другие, — редкий день мы приходили домой, не нагруженные добычей. Эти камни были похожи на художественно небрежные бусы ручной работы, рассыпавшиеся с подводного ожерелья; в моем сознании они роднились и почти непрерывно переходили в венецианские бусы, которые папа нам покупал в лавчонке на пристани. Таинственные наслоения сердоликов и агатов, их тончайшая слоистая структура настораживала мысль: я чувствовал тут какой-то сокровенный смысл природы, и, казалось, вот-вот он раскроется, объявится тайна. Иногда ходили на море с папой. Папа объяснял по поводу наших находок, что эти слои образовались от вековых осаджений в подземных скважинах и пещерах. А я видел в этих слоях осевшие века, окаменелое время. Время никогда не мог я постигнуть как бесповоротно утекшее; всегда, насколько помню себя, жило во мне убеждение, что оно куда-то отходит, может быть, именно в эти скважины и пещеры стекает и там скрывается, засыпает; но когда-то и как-то к нему можно подойти вплотную — и оно тогда проснется и оживет. Прошлое — не прошло, это ощущение всегда стояло передо мною яснее ясного, а в раннейшем детстве еще более убедительно, нежели позже. Я ощущал вязкую реальность прошлого и рос с тем чувством, что на самом деле прикасаюсь к бывшему много веков тому назад и душою вхожу в него. То, что в истории действительно занимало меня — Египет, Греция, стояло отделенное от меня не временем, а лишь какою-то стеною, но сквозь эту стену я всем существом чувствовал, что оно и сейчас здесь. Слоистые камни представлялись мне прямым доказательством вечной действительности прошлого: вот они — слои времени — спят друг на друге, крепко прижавшись, в немом покое; но напрягусь я, и они заговорят со мною, — я уверен, — потекут ритмом времени, зашумят, как прибой веков. Впоследствии, едва ли не по этому издетскому нежному чувству к слоистости, я увлекся геологией — именно слоистыми образованиями, и приходил в дрожь и холодный восторг при виде четких геологи-

ческих пластов. Ведь это буквально книга, как и книга — не есть ли осевшее время?

Занимали овальные плоские известняковые гальки, которыми набивали мы себе полные карманы. Иногда попадались такие гальки с естественною дырою; мы надевали странный камень на палку и восхищались им, отчасти суеверно преклонялись. Загадочное отверстие, с его гладкими, словно обсосанными, краями, манило ум и втягивало в себя всего. Отверстия вообще казались таинственными жилищами Неведомого и перекликались с вожделенными пещерами, подземельями, погребам и темными чердаками, с ямами, канавами, туннелями и длинными коридорами; за всеми ими я признавал силы первичного мрака, в котором родилось все существующее, и мне хотелось проникнуть туда и навеки поселиться там. Но другие пустоты слишком опасны, чтобы позволить приближаться к себе безнаказанно; а эти отверстия в камнях, светленькие, чистенькие, гладенькие, теплые на солнце, вполне по силе мне. И я совал туда палец и заглядывал в них тысячи раз, все с тем же чувством их таинственности, которого не могли рассеять ни доступность этих отверстий, ни объяснения отца или тети. Уже взрослым я узнал о таких камнях, что они называются у крестьян “куричьими богами” и вешаются в курятниках как обереги кур от домового и всяких болезней. Как это ответило моим детским мыслям и как я узнал в этих “куричьих богах” свои таинственные гальки!

На берегу, при помощи палок, строили морские заливы; или втыкали палки в песок и с тем же чувством тайны вглядывались в темную дыру, куда набиралась морская вода. Любо было видеть отжатый и посеревший песок, словно набухающим и чернеющим от притока влаги. Иногда разгребали прибрежный гравий и находили слой мокрый, а ниже — поднимающуюся и опускающуюся, живую, дышащую там воду. Выкопать яму, хотя бы маленькую, всегда казалось родом магического действия: само существо ямы таинственно. Что же? — В яме живая вода. Все на воде и в воде, да не простой, понятной воде питьевой, а в воде таинственной, горько-соленой, привлекательной и недоступной. В Батуме эта мысль о воде была особенно естественная, потому что Батум действительно весь в воде и на воде. Исследовали эту воду в ямках — сосали палец, омоченный в ней, — удивлялись ее горько-соленому вкусу. Совсем слезы. И не значит ли это, что и сам я — из той же морской воды? Везде взаимные соответствия, за что не возьмешься — все приводит опять и опять к морю.

Ловили медуз палками. Красивые цветы с опалесцирующими чашечками, налитые светом колыхались в воде, нежно обведенные фиолетовой каймой. Мы знали, что они жгутся, но это принималось как должное: к таинственному нельзя подходить безнаказанно. А вытащишь их — растают на теплых камнях в бесцветную слизь, и ничего не останется. Кто-то говорил нам, будто, если сушить медуз между листами пропускной бумаги, часто меняя их, то все же останется красивая нежная сетка. Я не отрицал этого, но это казалось далекой сказкой, а ближайший опыт говорил попросту: медузы — порождения того же моря, та же вода и ничего более, и в воду потому расплываются. В земле — вода, во мне — вода, медузы — тоже вода... Различное по виду, однако, едино по сущности.

Среди выбросов моря со всегдашним удивлением находили рогатые орехи чилим, почерневшие от пребывания в воде. Мы побаивались их, казалось несомненным их родство с морскими чертенятами, и потому эти странные орехи мы старались не трогать руками, а когда подбирали, то — с опаскою и осторожно: кто его знает, что они на самом деле и как поведут себя. Бездна моря полна тайн и неожиданностей. Правда, взрослые говорят, что это — орехи, и взрослые, конечно, правы, но ведь взрослые вообще таинственной стороны всего окружающего не касаются, — не то не замечают ее, не то скрывают от нас, наверно, чтобы не пугать нас; ведь вот они никогда не говорят нам о таких заведомо существующих вещах, как черти, русалки, лешие, даже не говорят о милых эльфах. А мы-то, положительно не знаю откуда, как-то об этом обо всем давно проведали, несмотря на все поставленные воспитательные преграды. Так вот и чилим: они, т.е. взрослые, думают, что мы будем не спать по ночам, а потому нарочно говорят, будто это простые орехи. А может быть, это только кажется орехами? Почему же они такие черные? Почему они с рогами?

Нередко море дарило нас белыми трубками. Папа говорил, что это корни камыша и что месторождение их, вероятно, река Чорох, устье которого недалеко от Батума. Но и тут такому упрощению дела и верилось, и не верилось. Слишком уж ясно все милому папе. А почему же эти “корни” такие белые и жирные, словно черви? Почему они трубками? Что-то в объяснении взрослых не так: слишком уж явна странность этих “корней”. Белые трубки, они живые — и будет, а дальше уж не следует углубляться и разоблачать их тайну, раз они хотят быть в неизвестности. Они прикинулись корнями — ну и сделаем вид, что этому верим, но только сделаем вид, чтоб их не обидеть и не рассердить. И казалось несомненным: неспроста валяются они на

берегу, а нам, именно нам, принесены Морем. Много еще других удовольствий доставляло оно нам — радовало нас, зная, что мы придем к нему и что мы любим “сюрпризы”, даже само это слово. Осколки бутылочного стекла, обтертые прибоем в ласковые матовые кусочки, нагревавшиеся на солнце; тоже ласково выглаженные тем же движением волн палки и куски дерева, чистенькие, светлые, теплые; тоже приглаженные кочерыжки от початков кукурузы. Иногда, после бури, находилась на берегу какая-нибудь рыбка, водоросли или раковины — и радости тогда не было конца, я переполнялся волнением, сердце билось так сильно, что, казалось, готово выскочить. Помню, находили иногда, очень редко, морского конька, а мне даже попалась раз после очень сильной бури рыбка-игла, которая потом много лет хранилась в моей коллекции редкостей. Оглядывая теперь вспять свое детство, я вижу исключительную бедность батумского берега выбросами и отменную ничтожность наших находок; кроме камешков, действительно приятных, мы не находили ничего ценного и занятного. Но тогда эти находки радовали бесконечно, хотя я и был избалованным ребенком, радовали как дары великого синего Моря, лично мне дары, знаки внимания, доверия и покровительства.

Оно жило перед нами своей жизнью, ежечасно меняло свой цвет, то покрывалось барашками или нахмуривалось, то, напротив, истомно покоилось, лениво, еле-еле плескаясь о берег. В другом месте находки наши ничего не стоили бы; но тут, на морском берегу, это было особенное. Зелено-синие вдали и зелено-желтые вблизи цвета, влекшие мою душу и пленительно зазывавшие все существо с самых первых впечатлений детства, они собою все осмысливали и все украшали. Дары моря, как смычком, вели по душе и вызывали трепетное чувство — не чувство, а словно звук, рвущийся из груди, — предощущение глубоких, таинственных и родимых недр, как весть из хризоберилловых и аквамаринových недр бытия. Ведь эти зеленые глубины были загадочною разгадкою пещерного, явного мрака, родимые, родные до сжимания сердца. И деревяшки, обточенные морем, гладкие, теплые, как и теплые гладкие камни, все — солноватое на вкус и все пахнущее чуть слышным йодистым запахом, — оно было мило сердцу, свое. Я знал: эти палки, эти камни, эти водоросли — ласковая весточка и ласковый подарок моего, материнского что ли, зеленого полумрака. Я смотрел — и припоминал, нюхал — и тоже припоминал, лизал — опять припоминал, припоминал что-то далекое и вечно близкое, самое заветное, самое существенное, ближе чего быть не может.

Этот йодистый, зовущий и вечно зовущий запах моря; этот зовущий, вечно зовущий шум набегающих и убегающих волн, сливающийся из бесконечного множества отдельных сухих шумов и отдельных шипящих звуков, шелестов, всплесков, сухих же ударов, бесконечно содержательный в своем монотонном однообразии, всегда новый и всегда значительный, зовущий и разрешающий свой зов, чтобы звать еще и еще, все сильнее, все крепче; шум прибоя, весь состоящий из вертикалей, весь рассыпчатый, как готический собор, никогда не тягучий, никогда не тянущийся, никогда не липкий, никогда, хотя и от влаги, но не влажный, никогда не содержащий в себе никаких грудных и гортанных звуков; эта зелинизма морской воды, зовущая в свою глубину, но не сладкая и не липкая, флюоресцирующая и высвечивающая внутренним мерцанием, тоже рассыпчатым и тоже беспредельно мелким светом, по всему веществу ее разлитым, всегда новая, всегда значительная — все вместе это, зовущее и родное, слилось навеки в одно, в один образ таинственной жизнетворческой глубины, и с тех пор душа, душа и тело, тоскует по нему, ища и не находя, не видя вновь искомого — даже во вновь видимом, но теперь уже иначе, внешне лишь воспринимаемом море.

Того моря, блаженного моря блаженного детства, уже не видеть мне — разве что в себе самом. Оно ушло, вероятно, куда уходит и время, — в область ноуменов. Но этот ноумен когда-то воистину виделся, обонялся, слышался мною. И я знаю тверже, чем знаю все другое, узнанное впоследствии, что то мое познание истиннее и глубже, хотя и ушло от меня, — ушло, а все-таки навеки со мною.

Но отдельные явления порою вдруг всколыхнут это сокровенное знание, и оно снова обнажится и приведет в трепет. Во флюоресцирующих веществах, особенно в яблочно-зеленом свечении кружковой трубки, я снова чуть-чуть вижу его, море моего детства; в запахе водорослей, даже пузырька с йодовой тинктурой, обоняю то метафизическое море, как слышу его прибой в набегающих и отбегающих ритмах баховских фуг и прелюдий и в сухом звонком шуме размешиваемого жара. Но я помню свои детские впечатления и не ошибаюсь в них: на берегу моря я чувствовал себя лицом к лицу перед родимой, одинокой, таинственной и бесконечной Вечностью — из которой все течет и в которую все возвращается.

Она звала меня, и я был с нею. В душе же моей неизменно стоит зов моря, рассыпчатый звук прибоя, бесконечная самосветящаяся поверхность, в которой я различаю блески, все более и более мелкие, до малейших частичек, но которая никогда не мажется. А тело мое

просит морской солености, воздуха, соленого и провевянного йодом, тоже рассыпчатого воздуха, несущего мельчайшие кристаллики соли, и порою сладостно бывает прикинуть хотя бы к пузырьку с йодовой настойкой. Мучительно хочется именно морского вкуса, морской рыбы, омаров — томит голод по морской пище, и, кажется, попадись куча морских водорослей, я съел бы ее всю. А ведь “хочется” того, в чем есть потребность и чего не хватает организму. Мне-то и не хватает тех вкусовых и питательных веществ, которые, по эволюционистам, по Кентону, например, были первичными у жизни. Правда, я ничуть не верю эволюционистам; но, думается, сам Кентон не развил ли свою теорию вовсе не по рациональным мотивам, а рассказывая себе сладостную сказку на основании морских впечатлений детства. Если бы ученики и последователи поняли, на чем, собственно, держатся теории их учителей, на каких чуждых рациональности интуициях детства, они перестали бы *jurare in verba magistri*, но вместе с тем глубже постигли бы затаенную, детски-гениальную личность этих учителей.

И еще: в математике мне внутренне, почти физически, говорят родное ряды Фурье и другие разложения, представляющие всякий сложный ритм как совокупность, как бесконечную совокупность простых. Мне говорят родное непрерывные функции без производных и всюду прерывные функции, где все рассыпается, где все элементы поставлены стоймя. Вслушиваясь в себя самого, я открываю в ритме внутренней жизни, в звуках, наполняющих сознание, эти навеки запомнившиеся ритмы волн и знаю, это они ищут во мне сознательного выражения через схему тех математических понятий. Да. Потому что ритмический звук волны изрезан ритмами более мелкими и частыми, ритмами второго порядка, эти — в свой черед — расчленяются ритмами третьего порядка, те — четвертого и т.д. и т.д., как бы далеко не пошли мы, ухо не слышит последней расчлененности, уже далее нерасчленимой, нечленораздельной, как грудной звук, дающийся сознанию, но всегда звук кажется сыпучим, а непрерывность волны — еще и еще изрезанной, до бесконечности расчлененной и потому всегда дающей пищу умному постижению. Впоследствии, когда я услышал знаменитые ростовские звоны, где сплетаются, накладываясь друг на друга, ритмы, все более частые, мне опять вспомнилось ритмическое построение морского прибоя и фуги Баха, исконные ритмы моей души. В самом деле, шум прибоя складывается из шумов падения отдельных капель морской воды. Лейбниц уверяет, будто мы не слышим этих отдельных падений и лишь суммарный шум доходит до нас. Но это неправда, мы слышим их, слышим и падение капли, и падение частей

капли, и так до беспредельности, когда прислушиваемся, когда войдем во впечатление, сложившееся от прибоя в самом сердце, в глубинах нашей души: там открываем мы бесконечную сыпучесть звука, всегда сыпучего, всегда четкого и сухого в малейших своих элементах. Таинственная, бесконечная поверхность моря бесконечна и по содержанию своему, по своему звуку, как бесконечна она и по зернистости, тончайшей зернистости своего свечения. Ропот моря — оркестр бесконечного множества инструментов. Есть один звук, родственный ему по содержательности и тоже возникающий в рождающих недрах бытия. Это — узор нагоняющих и перегоняющих друг друга ритмов, когда падают капли — тоже капли — в пещерах, где сочится со сводов и стен вода. И там — в ритмах — слышны еще и еще ритмы, и тоже до бесконечности. Они бьются, как бесчисленные маятники, устанавливающие время всей мировой жизни, разные времена и разные пульсы бесчисленных живых существ. И когда войдешь в мастерскую часовщика, то там опять слышен похожий шум от множества маятников, тоже родимый, тоже напоминающий земные недра и глубь морскую.

<Пристань.> По другому, зазывнее, ближе, но таинственнее и притягательнее, втягивала эта глубь мое существо на пристани. Большие деревянные сваи и балки, вбитые в морское дно, словно иссечены таинственными иероглифами — выходами червей древоточцев. А я хорошо помнил, именно в таких отверстиях живут неведомые существа, бука, о чем мне как-то нянька, когда я весь ушел в рассмотрение темного хода в балконном столбе, так и сказала: “Здесь живет бука”, — в ответ на мои чересчур настойчивые вопросы. Я отлично понимал, уже тогда понимал, что истину откроет мне лишь простой человек, и, узнав ее от няньки, сразу внутренне согласился, что это именно так, но, разумеется, чтобы не входить в лишние разговоры, скрыл от родителей свое открытие и только многозначительно молчал, когда мне говорили о червях. Так тут, на пристани, этих бук было без числа, и притом уже не скрывающихся и написавших на сваях весьма таинственные письмена. На этих сваях были настланы толстые доски, а между ними оставались широкие щели. Доски всегда чисты, как вообще всегда чисто все, что имеет отношение к морскому делу. Всегда стирается с них омертвевший, сгнивший и дряблый слой, но кое-где пролита смола, нефть, деготь. Пахнет дегтем, смолами, морем и разными экзотическими товарами, тюки которых сложены тут же. Рассыпаны странные коренья — марена, куркума, какие-то еще.

В разных местах сложены целыми башнями — по тогдашней оценке — толстые-претолстые канаты, бодро пахнувшие дегтем и смолою, — словно катушки великанов. Сквозь щели настилки видна под ногами темно-зеленая лоснящаяся вода, поверхность невозмущаемая, медлительно и лениво колыхаемая, маслянистая, и по ней — маслянистые, еле приметные движения, образующие крупную скользкую сетку зеленых змеек. Что такое эти золотисто-зеленые змейки? Откуда они? Этот вопрос всегда держался в моей голове, и, Боже мой, сколько я о нем думал! Много раз я задавал его вслух, но получал недоумевающий ответ, что это только кажется, — от движения воды. Но ответ меня глубоко не удовлетворял. Я чувствовал, что не понял самый вопрос, что на мой вопрос недоумевают. А не понят потому, что не увидено то, что я видел. Я же видел змей, игравших на поверхности, переливавших изумрудом и хризолитом, чарующе прекрасных и ласковых, добрых ласковых змеек, которым хочется вступить в общение со мною. Я видел их, я чувствовал их и знал, что они — ласковые, добрые и красивые змейки. Мне хотелось лишь получить подтверждение своему, услышать в подробностях, узнать, как ближе сойтись с ними, как их потрогать, поцеловать их и с ними объясниться. А мне просто отрицали их существование, да и не их только, но и вообще существование чего бы то ни было особенного, что я видел в игре воды. И тогда я надолго затаивал свой вопрос и то, что я видел, в себе самом. Потом, через некоторое время, я снова задавал его, но опять — то же непонимание. Нужный мне ответ о милых зеленых змейках и подтверждение своему знакомству с ними я услышал лишь значительно позже, уже студентом, от студента Ансельмуса в “Золотом горшке” Гофмана.

Тут, у пристани, вода была особенно таинственна. Прозрачная, насыщенно-зеленая, как огромный изумруд; и вся светилась, напоенная светом, ядовитым и полным угрозы, но преисполненная и творческих сил. Медлительно по ее маслянистой поверхности скользили лоснящиеся, еле видные волны, лениво ластясь к сваям пристани и к борту парохода. Раскинув свою чашечку и щупальца, в воде нежились большие и малые медузы. Медленно проплывали, колыхаясь и покачиваясь в изумрудной влаге, их опалесцирующие голубоватым светом тела. Проплывали стаи мелких рыбешек, и изредка виднелся в глубине силуэт рыбы побольше. Кое-где поверхность воды переливала радужными нефтяными пятнами. С парохода выносили тюки, из которых сыпались таинственные корни или семена; тащили клетки с попугаями, грозди бананов, кокосы, мешки американских треугольных орехов, земляных фисташек. Слышались всевозможные языки и говоры.

На пристани можно было видеть людей самых различных национальностей — греки, турки, армяне, грузины, французы, англичане, бельгийцы, немцы, итальянцы и т.д и т.д., даже негры, колония которых расположилась недалеко от Батума, — кого тут только не было! И все — в особых одеждах. Все было необычно, — все: и запахи, и звуки, и цвета — поддерживало одно другое, возбуждая чувство таинственного. И главное — всего много, много, много... Конца нет производительной мощи природы. И все это “много” приносится вот этой прозрачной, зеленой, флюоресцирующей поверхностью моря. В глубине его таятся бесчисленные жизни, странные и вместе прекрасные животные и растения, из которых каждая внутренне связана со мною, внутренне соотносится с моею личной жизнью, посылает в нее истечения своего бытия и признает в ней за равного среди равных, за члена бесконечного царства таинственной, мерцающей флюоресцирующим светом жизни.

Отец рассказывал нам о путешествиях по далеким странам и, кажется, сам увлекался картинами экзотической или далеко-северной природы. Рассказывала и тетя. Влажный, соленый и смолистый воздух вместе с манящими в даль рассказами обращали все внимание, всю душу к пароходам и счастливым людям, плывущим по хребту моря в далекие страны, где высятся упругие пальмы, обремененные кокосами и финиками; где раскачиваются на ветвях необыкновенных деревьев красные и зеленые попугаи и щелкают таинственные, трехгранные и темные, американские орехи, и говорят, конечно, по-русски, странные изречения, полные таинственного смысла; где порхают по огромным ярким и благоуханным цветам милые колибри; где жирафы тянутся своими шеями выше самых высоких деревьев, где растут гигантские раффлезии Арнольди и плавают на водах, как подушки, в полтора, два аршина поперечником пышные виктории регии, на которые мне так хотелось сесть и полежать. Широколистные бананы ломаются под тяжестью гроздьев. Пестрые и таинственные орхидеи восседают, как птицы, на суках деревьев, спуская свои корни, подобные белым жирным червям. Обезьянки лакомятся бананами и швыряют шкурки в неуклюжих слонов. Пряные и теплые дуновения веют меж густых лиан: это бесчисленные благовонные деревья — гвоздичные, кардамонные, мускатные, бадьяновые, — я считал, что бадьян дерево, — и выющиеся плети ванили растворяются в воздухе и наполняют его своими запахами. Самое слово **ароматы** казалось таким полновзвучным и многозначительным. Огромные колючие кактусы цветут белыми и красными венчиками.

А все эти звуки и запахи — на фоне прибоя синего-синего моря, жемчужными волнами набегающего на золотые пески плоского берега. В море же цветут чудные кораллы, плавают диковинные рыбы, ползают чудовищные лангусты и крабы. Конечно, тут же, но несколько поодаль, в тени сознания, как не очень-то приятное, — и киты, и кашалоты, и акулы, и в особенности рыба-молот, и рыба-пила, и нарвал. Тут, у нас в Батуме, все затаило в себе таинственную свою сущность; там же, в далеких заморских странах, она выступает в подавляющем блеске и величии.

И все это бесконечное богатство красок, цветов, запахов, заставлявшее цепенеть мой ум и спиравшее дух волнением, — вся эта полнота производится морем. Весь этот заморский мир представлялся в моем воображении как бы выросшим, как бы поднявшимся из синего, глубоко синего моря, этот мир омывающего и его питающего.

Там, под лучами жгучего солнца, море откровеннее, там оно показывает свои приливы и отливы, увидеть которые хотелось мне почти до тошноты, до сердцебиения. Там по морю несутся водяные столбы — смерчи, там встают волны высокие, в пятиэтажные дома. Но ведь и здесь — это то же самое море, но сокрывающее свои силы и свою жизнь в тайне своих волн.

Я прислушивался к волнам. Истомно набегают, как вести далеких стран из неизвестности, волны — одна, другая, третья... Но потом неожиданно волна сильнее и, когда купаешься, — может сбить с ног. Потом — опять волны, ленивые, ластящиеся, несколько их, а то — опять сильнее. Я спрашивал, почему волны не одинаковые. Мне что-то отвечали, что — не помню. Но я и без ответа знал, почему: когда кто раздражен и сдерживается, то говорит как будто спокойно, но неожиданно наплет на какое-нибудь слово, и раздражение обнаружится. Так и море. Оно хочет скрыть свою мощь, но время от времени проговаривается сильной волною.

Лежа на прогретых солнцем гальке и гравии, я часами смотрел на море. Его бороздили полосы сине-стальные, поверхность его не была однородна. Отчего же эти полосы и пятна? Мгновенно менялся цвет моря, лишь только набегало на солнце малейшее облачко: море нахмуривалось, явно недовольное. На морской поверхности вспыхивали, как золотые рыбки, искорки — разве можно было усумниться, что в море происходит что-то значительное? Мне, на вопросы мои, старшие что-то объясняли, но эти объяснения шли мимо вопросов, и я даже не считал нужным их оспаривать: старшие так любили меня и так мало, казалось мне, понимают истинный смысл моих вопросов.

Всякий вопрос ведь уже предполагал некоторый ответ или, по крайней мере, некоторое **направление** ответа. Но объяснения взрослых не считались с этим смыслом и просто не признавали того, что, собственно, и составляло мой вопрос: они уничтожали вопрос, мой основной вопрос о жизни Моря.

Да, я видел, я ощущал, что море живет, и жизнь его я принимал как первичный факт, не нуждающийся в дальнейшем объяснении, — я принимал ее наравне с самоощущением собственной моей жизни. Когда же я спрашивал “почему?” о зеленых змейках, о переменчивости цвета морской поверхности, о ломающемся ритме прибоя, об обточенных морем палках и о множестве других подобных явлений, то я, во-первых, хотел получить подтверждение тому, что знал и сам в своей основе, — что море живет, что оно живое и таинственное существо; мне хотелось от окружающих услышать то же, некое аминь своему опыту. А во-вторых, уже по общему признанию этого **факта**, я добивался подробностей о смысле **отдельных** явлений его жизни, о вспышках света, об улыбках и угрозах моря. Мне отвечали в том духе, что привлекающего меня явления, как живого, собственно, **нет**: это явление взрослые делали чем-то случайным и внешним, зависящим от случайных и внешних причин.

Мне отвечали, что это “просто отражение света”, “просто течение на поверхности”, “просто волны” и т.д. Мне хотелось углубиться в жизнь моря, которая, повторяю, была для меня фактом; мною доискивались те тайные силы внутренней жизни, которыми производится данное явление. А взрослые вытаскивали явление на поверхность, говорили, что оно очень просто и внешне. “Мне лучше знать, что оно не просто, что неспроста оно. В этом-то я не раз убежусь. А я прошу сказать, какое **место** занимает **это** не простое среди различных частей первичного факта, тоже не простого”.

Переводя тогдашние свои мысли на язык более поздний, — а я знаю, что верно передаю суть моих ощущений и смутных дум, — я сказал бы примером: “Я вижу человека; его жизнь для меня факт. Так вот, не отрицая этого факта, объясните, почему он, словно без причины, улыбнулся, а сейчас вот насунился. Объясните, какие впечатления или мысли вызвали игру его лица?” Мне же в ответ: “Это у него сократились такие-то и такие-то мышцы, ибо прошел по таким-то и таким-то нервным путям соответственный импульс”, — примерно так. Но ведь это разве был бы ответ на мой вопрос, ответ, которым отрицался бы самый вопрос о **смысле** явления: ведь я не сомневаюсь, что улыбка этого человека выразила какое-то внутреннее движение.

Так-то вот воспринимались мною и ответы взрослых о смысле тех или иных явлений в жизни Моря. Конечно, я оставался при своем и сам старался вчувствоваться в эти явления. Часами вслушивался в сложные ритмы прибоя, в игру блесков и цветов морской поверхности. В особенности же меня занимала морская пена. Что это за белая сетка непрерывно возникает на поверхности моря, чтобы снова растаять? Неужели она не живет? Она мне казалась огромным существом, плавающим на морской поверхности, и хотелось поймать это существо и рассмотреть его ближе. Но оно не давалось в руки, а на ладони оставались лишь какие-то незанимательные воздушные пузыри. Пена, как и медузы, не поддавалась исследованию и могла существовать лишь в своей собственной стихии. Не научало ли это думать, что много есть явлений и существ, которые обратятся в ничто, извлеченные исследователем из своей жизненной среды, но что это не свидетельствует о их несуществовании. Вот, например, сны. Они видятся, пока спишь, и исчезают при пробуждении. Но разве это значит, что их нет? Не вернее ли сказать, они исчезают, вытщенные в бодрствование, как тают медузы и пена на воздухе...”

<Изобилие.> Я любил море за его тайну — тайну его наполняющего всю массу цвета, тайну его влекущего запаха и шума, тайну его горько-соленой воды, столь поразительно похожей на слезы, тайну странных существ, живущих в нем. Была внутренняя близость между ним и мною. Главное же, оно не подавляло изобилием. Тот, заморский, мир был и запредельным, он казался почти неземным. А в самом море, тут же у берега, не было чрезмерной производительности и, скорее, его следовало бы назвать с Гомером “бесплодным”. Качественно полное, оно не подавляло количеством своих дел. Я видел его творческую мощь, но сдержанная мощь эта была лишь возможностью и не томила дух. Но береговая производительность стран тропических и тут, на побережье Черноморском, имела свои отличия.

Письмо № 2, 5.11.1934 г.

“Белое море — грязно-серое, даже на море не похоже”.

Письмо № 3, 3.12.1934 г.

“Знаю, что очень красиво, но душа почти глуха к этой красоте. Вода в море и в озерах черная или черно-свинцовая, снег белый-пре-

белый, небо в облаках, темно-серых или черных и кое-что тронуту розовым от низкого солнца. Из окна лаборатории-мастерской видно черное Белое море, ставшее черным зимой, окаймленное белыми заберегами, а во второй половине дня над ним пестрые закатные облака, и заря держится необыкновенно долго, непривычно для нас”.

Письмо № 4, 14.12.1934 г.

“...здешняя природа, несмотря на виды, которые нельзя не называть красивыми и своеобразными, меня отталкивает: море — не море, а что-либо грязно белое, либо черно-серое”.

Письмо № 6, 7.01.1935 г.

“Но все время думается, как я далек от вас, о наполовину замерзшем море, которое лежит между Соловками и берегом материка”.

Письмо № 7, 18.01.1935 г.

“Море у берега покрыто льдом и снегом, так что его не видно”.

Письмо № 12, 13 — 14.03.1935 г.

“Остров окружен льдами, затем морем, вообще бурным и неспокойным. Поэтому чувствуешь себя отрезанным от всего мира”.

“В лаборатории царит тишина... В общем настолько тихо и уединенно, что мне все кажется, будто я плыву на пароходе и что кругом меня море... вожусь с водорослями, при электролизе и химической обработке они начинают пахнуть особенно сильно, и мы так и характеризуем в записях процесс “запах побережья”.

“Часто вспоминаю всех вас и, вероятно, по старости или по особенностям пейзажа свое детство, но не тифлисское, а батумское”.

“Белое море — замечательное море, нигде нет столько островов, как на нем: все море из островов. Но зато и острова не острова, а сплошные озера”.

“...в море рыбы очень много и притом лучших видов. Знаменитая соловецкая сельдь, много наваги, треска и другие. По берегам ползает (именно ползает, а не плавает) камбала, но мелкая; во время отлива, как я слышал, ее собирают на покинутом водою дне. Много разных моллюсков. Раковины, мелкие морские крабы, морские ежи, морские звезды водятся у берегов в изобилии. Это объясняется теплотой воды Белого моря (вследствие оттока Гольфштрема), обилием водорослей и плоскостью берегов”.

Письмо № 15, 12.04.1935 г.

“Ни одно место не оставило во мне столько теплых воспоминаний, как Батум... Теперешний Батум, под Ниццу, уже потерял свой аромат и своеобразие, да и море далеко ушло от бульвара”.

Письмо № 19, 25.05.1935 г.

“С пригорка видно море. Оно уже освободилось от ледяного покрова и из белого стало голубым. Цвет его — нежный, бледно-голубой, вроде бирюзы, но слабее”.

Письмо № 23, 29.06.1935 г.

“Море я видел только издали, оно что-то малопривлекательно, несмотря на изрезанную береговую линию и безчисленные острова”.

Письмо № 35, 1 — 4.11.1935 г.

“Белое море время от времени выбрасывает предметы, которые могут иметь значение для географии, гл. обр. для изучения морских течений. Так напр. выбросило недавно бочку с керосином, по надписям которой было установлено, что она — Красноморского происхождения. Впрочем, я лично не уверен, что она не попала как-нибудь с Красного моря на какой-либо другой пароход, плавающий в водах более близких. Как-то выбросило два стеклянных шара, хорошо запаханных, толстостенных, содержащих только воздух. Никто не может объяснить, для чего такие шары бросаются в море; думается, что для выяснения, как идут течения”.

Письмо № 37, 15.11.1935 г.

“Замечательно, что из Батумских впечатлений особенно яркие первые... Как ясно припоминается мой “охотничий” костюм, магазин Триандопуло, мыло тридас, венецианские бусы, пристань и т.д. Мельчайшие подробности стоят перед глазами, как будто были сегодня”.

Письмо № 41, 23.12.1935 г.

“Узнал, что завтра ожидается последний пароход, если только ему не помешает бушующий последние дни и посейчас шторм. Вот, значит, мы отрезаны от материка. Холодов сильных нет, часто на границе таяния, но метет метель и шумит ветер. Жутко в такую погоду плыть по Белому морю! Свой переезд я до сих пор вспоминаю с содроганием: нас бросало головами от стены к стене, так что мы приехали в синяках и кровоподтеках, каюту на борту захлестывало холодной водой, в которой беспорядочно плавали чемоданы и высы-

пающиеся вещи, всех тошнило и рвало, а кругом было ослепительно темно и ревели волны”.

Письмо № 48, 10.02 1936 г.

“Водоросли тут у меня [в лаборатории — прим. К. Ю.] валяются на полу, лежат над потолком, на сетках, варятся, вымачиваются, обрабатываются всевозможными способами... В воздухе пахнет морским берегом. В чанах переливается вода, фурчит пар, из них валом валит пар. Мои помощники льют воду, рубят водоросли, разливают по формам агар, режут агаровый гель ломтями, выносят на мороз, потом оттаивают, бегают в нижний этаж, чтобы отнести “товар” в сушилку. Эта беготня, парной воздух, морской запах, чаны и все напоминает мне морское путешествие, словно я еду на пароходе”.

Письмо № 53, 24.03.1936 г.

“Когда-то в детстве я мечтал жить на острове. Правда, этот остров представлялся мне вроде Сейшельских островов, т.е с кокосовыми пальмами и прочими тропическими растениями. Мне казалось, что жить на острове очень уютно и интересно — по причине приливов и отливов, обнажения морского дна, а также по независимости от прочего мира. Б. Соловецкий остров слишком велик, чтобы воспринимать его вполне ясно как остров”.

Письмо № 54, 23.03.1936 г.

“Складывается так жизнь, словно в мире нет ничего кроме водорослей”.

“Большой недостаток у меня также и в том, что пока я работаю с водорослями, уже привезенными на завод, но не наблюдал их выбросов на берег и тем более растущими в море. Но м.б. весной и летом этот недостаток будет восполнен. Мое мышление так устроено, что пока я совершенно вплотную не подойду к первоисточнику в природе, я не чувствую себя спокойным и потому не мыслю плодотворно, т.е. со своей точки зрения, ибо только я могу судить или предощущать свои возможности. Водоросли же настолько своеобразны, что их непременно надо прощупать до конца собственными руками”.

Письмо № 56, 8 – 9.04.1936 г.

“Из ламинарий (и отчасти фукусов) добываются иод, альгин и др. вещества, а из анфельции — агар-агар. Спрашиваешь, как их вылавливают. В большинстве случаев не вылавливают, а просто собирают на берегу. После штормов берег покрыт выбросами, берега Бел. моря буквально завалены водорослями, и валы выбросов тянутся на много

километров, при высоте в 50 см и более и ширине от 1 м и значит. более”. Ежегодно выбрасывается на одних только Соловках не менее 25 тысяч тонн, да и то это не все выбросы, а наиболее полезные — “морская капуста” (ламинарии), “тура” (фукусы), “мошок” (анфельция). Водорослевые запасы Бел. моря исчисляются в 11/2 миллиона тонн, причем возобновление запасов считается в 3 года. На 1 кв. м поверхности дна (у берегов) вырастает ок. 5 – 6 кг ламинарий и 9 – 10 кг фукусов, — но конечно — там где они вообще могут расти... Держатся на камнях они так прочно, что не оторвешь, только ножом можно подрезать... На камне всякие жители моря: мелкие водоросли, розовый налет — вероятно тоже водоросли, полипы, губки, ракушки, икра, морская звездочка и т.д... (9 – 10.04.) От свежих водорослей приятно пахнет сыростью и морем, но при гниении запах делается противный”.

Письмо № 60, 8.05.1936 г.

“...северн. сияния не видно, если оно и есть. Зато начался сезон других метеорологических явлений — миражей. По утрам на западе, от севера до юга, над морем бывают видны с удивительной отчетливостью крутые утесистые берега, покрытые снегом, фиорды и, будто, здания; последних я лично не видывал и сомневаюсь в действительности этого сообщения. Не знаю, отражение какого именно берега видно — м.б. Терского Белого моря, м. б. и более далеких в юго-западн. и северо-западн. направлениях. Представляющееся зрелище так живо и четко, что трудно поверить его призрачности, и только когда оно рассеется и видишь одно только море, то убеждаешься в миражном происхождении картин этих высоких северных берегов — северных, потому что они осыпаны снегом. Никакой растительности на них не видно, голые безлесные скалы заполярья. Миражи эти видны в 9 – 10 ч. утра; я наблюдал их напр. 6 и 7 мая”.

14.05.1936г. (то же письмо).

“После теплых дней внезапно настало похолодание. Погода осенняя. Холодные сев.-зап. шторма, сбивающие с ног... Этими штормами разбило лед на море и, следовательно, путь открыт. Вместо белой пелены на месте моря видны голубовато-серые, стальные поверхности воды...”

Письмо № 61, 22.05.1936 г.

“В солнечную погоду озера темносини... Иногда видна синяя же поверхность губы — губами называются глубокие, почти замкнутые бухты, похожие на озера, но соленые”.

“Сильная растительность в северной части острова объясняется, как думают, теплым течением, входящим через горловину Белого моря. Считают это течение отрогом Гольфстрима (надо говорить Гольфстрим, а не Гольфштрем), хотя Шокальский и отрицает заход Гольфстрима в Белое море. — С берега на меня пахнуло детскими впечатлениями. Морской ветер, поверхность голубая, вдали высится массивом о. Анзер. Берег низкий, далее первая терраса подымается лишь на 1 – 1 1/2 м. На ней лес. Итти приходится у самой воды, точнее не итти, а прыгать с камня на камень, т.к. берег заболочен или просто мокр. Между камнями либо грязь от перепревших водорослей, либо песок. За полосой валунов идет полоса песка или болотца. Эта полоса сплошь покрыта баланами, т.е. бревнами от разбитых плотов или м.б. барок, выброшенными на берег. Соловки, можно сказать, живут этими баланами, и все-таки запасы их огромны. Видно их наносит на берег течением. Некоторые участки берега, валуны, песок, грязь желто-ржавого или буро-ржавого цвета — покрыта пленкою окислов железа от источников, впадающих в море... Над морем выются и кричат птицы. Один из моих помощников по работе видел накануне нашего прихода крупного морского зайца на отмели, совсем близко. Говорят, их очень много там... На песке разбросаны ракушки, однако очень однообразные, вроде беззубки (анодонта), но прочные, перламутровые внутри, а снаружи покрыты как бы коричнево-красным лаком. Когда он со временем слезает, то обнаруживается красивая сиреневая поверхность... Изредка попадает панцырь морского рака, оранжево-красный. На песке многочисленные конусы, вроде вулканических конусов с кратерами, высотой примерно до 7 см. Из этого кратера выходят, обвивая конус червеобразные образования, состоящие из песка. Конусы эти — жилища морских червей, а песочные образования — продукты их переваривания... Вдоль всего берега простирается полоса выброшенных штормами водорослей. Это вал, местами в 50 – 70 см ширины, местами же распространяющийся на несколько метров. Вал представляет смесь различных водорослей... В то время как прочие водоросли выбрасываются штормами, анфельция выносятся на берег приливом... Есть места, где приливом многие годы наносило водоросли, которые тут же перепревали. Там образовалась топкая жижа, пахнет сероводородом. Стекающие из подобных мест источники, наверное, иодоносны, но пока испытаний не удалось провести. Красивое зрелище — эта полоса выбросов. Море голубое, а она разных тонов около коричневого-желтых, бурых, коричнево-зеленых, коричнево-фиолетовых, местами розовых и красных. Хорошему колористу была бы богатая тема передать эту гамму цветов... Когда-то в

детстве я мечтал увидеть приливы-отливы и северное сияние. Теперь видел и то и другое. Море отступает значительно, в тех местах, где я был, метров на 15. Но дно в этих местах мало занятое, так что особого впечатления эти приливы-отливы не делают”.

[Сыну Мику — *прим. К. Ю.*] “На морском берегу лежит много водорослей-фукусов. Засыхая, они темнеют и становятся черно-бурыми. Но на многих из них замечаешь белые крапинки, как бы пуговички, покрывающие водоросль и красиво выделяющиеся на темном фоне. Разглядев эти пуговички, я убедился, что они — не крапинки, а мелкие ракушки, вероятно, ракушечьи дети, укрепившиеся на водоросли с обеих сторон плоского ее слоевища... Затем, на берегу валяется много беломорских губок. Они, однако, очень непрочны и легко растираются между пальцами. Не знаю, таковы ли они и в своем первоначальном состоянии или стали такими, перепрев за время лежания на берегу. Однако в Белом море водятся и более прочные губки, образцы их я видел в здешнем музее”.

Письмо № 62, 24.05.1936 г.

“Недавно прошел поперек всего острова от моря до моря... Морской берег здесь весьма отличен от батумского. Тем не менее мне вспомнилось детство. Этот берег, соловецкий, менее поэтичен, но интереснее и более насыщен жизнью, тогда как Черное море исключительно бесплодно и безжизненно (вследствие крутизны берегов и сероводорода на глубине, губящего жизнь)”.

Письмо № 63, 31.05.1936 г.

“Краски неба — самое красивое, что есть на Соловках. Вчера вечером, возвращаясь из Кремля, я не мог оторваться от изумительного богатства цветовых тонов на небе: пурпур, фиолетовые, сиреневые, розовые, оранжевые, золотистые, серые, багровые, голубые, зеленовато-голубые и белые цвета играли на небе, перерезанном длинными, тонкими слоистыми облаками фиолетового тона. Причудливо изрезанная береговая линия моря, луды (отмели каменистые), острова, бледная луна и пышное заходящее и почти не способное зайти солнце. Пышность Клод Лоррена, но богатство и разнообразие тонов гораздо большие, чем у него. Море, индиговое. Тут часто к вечеру солнце дает снопы лучей, вырывающихся через облака на морскую поверхность, и снопов этих не 3 — 4, как у нас, а 15 — 16. Помнишь Рафаэлево “Видение Иезекииля”? Вот, такие же лучи, но числом их гораздо больше. Однако солнечно далеко не всегда. Белое море... характеризуется наибольшей облачностью в мире”.

Письмо № 68, 20 — 21.07.1936 г. (Поездка на Кузова)

“18-го ночью вернулся из 5-дневн. экспедиции на один из беломорских архипелагов, куда ездил с целью геолого-минер. обследования... Пришлось прикоснуться к коренным первозданным породам, к дикой, безлюдной природе, лазить по скалам, плавать на моторной лодке с острова на остров, спать на скалах и на оленьем мхе. Пейзаж величественный и незабываемый. Из моря выходят грибообразные шапки, или словно караваи хлеба, голые, оглаженные, с крутыми, а местами совсем отвесными берегами, уходящими под большим наклоном в море... Изумительные краски закатного и еле заходящего солнца придают морю розовые, пурпурные, нежно голубые тона и кажется, словно находишься не на земле, а в сказочной стране или видишь все во сне, так оно непохоже на привычное и общеизвестное. Порою все заволакивается туманом. Гремят грозы... Порою, почти внезапно, начинают дуть ветры. Море покрывается барашками, плыть на моторной лодке становится невозможным, ее качает во все стороны, как ореховую скорлупку на воде. Но столь же внезапно ветер затихает, волна прекращается, начинает светить солнце своим жемчужным, призрачным светом. В море плещутся морские зайцы, которых ловят почти без труда. Довольно много птицы... Один из островов совсем голый, совсем безлесный, покрытый лишь сверху оленьим мхом да разноцветными лишаями — зеленоватыми, серыми, коричнево-черными, оранжевыми, с отвесными берегами, оказался густо населенным птицей. Когда мы подъехали к нему, то уступы береговых отвесных скал были унизаны птичьим. Напуганное, оно долго не разлеталось и только от слишком большого шума все эти гаги, гагары, чистики, утки снялись неохотно со своих мест. Тогда воздух наполнился (буквально!) птицами, как комариной стайей. Потом они все перелетели на море, уселись сгрудившись на воду, и обширная поверхность моря стала черной, словно посыпанная маком”.

Письмо № 69, 25.07.1936 г. (Кузова в письме сыну Василию)

“Острова, как видно по морским террасам на склонах, поднимаются, как подымается и дно моря. Постепенно близкие острова соединяются низменными перешейками, которые можно наблюдать во всех стадиях образования. Один, напр., заливается приливной высокою водою и песчанист. в низкую воду. А на некоторых перешейках уже образовались болота, не заливаемые морем”.

Письмо № 70, 28 – 29.07.1936 г.

“...здесь все беззвучно, как во сне. Это царство безмолвия. Конечно не буквально, всякого досадного шума более чем достаточно, и хочется скрыться куда-нибудь в тишину. Но не слышишь внутреннего звучания природы, не воспринимаешь внутреннего слова людей. Все скользит, как в театре теней... Это очень трудно объяснить, почему ничто не звучит, почему нет музыки вещей и жизни, я и сам по настоящему не пойму, но все же музыки нет. Лишь морской прибой (его приходится слышать очень редко) да завывания ветра не вполне вмещаются в такую характеристику Соловков..”.

Письмо № 72, 24.08.1936 г.

“Ездил на острова, не на те, на которые собирался, а на ближние, в 10 км от Кремля [на Зайчики — прим. К. Ю.]. Туда поехал на кавасаки. Так называется небольшое плоскодонное и очень устойчивое судно, бот, впервые выпускавшееся японской фирмой Кавасаки и затем усвоенное другими. Попросту, это маленький плоскодонный пароходик. Назад ехал на баркасе, частью под парусом из рваной тряпки, частью под веслами. Утлая скорлупка, плывущая по морской поверхности, глубоко сидящая в воде, готовая вот-вот захлебнуться. Но плыть под парусом интересно. Все кажется, что баркас неподвижен, и только опустив руку в воду замечаешь его движение, и притом быстрое, по струям, обтекающим пальцы. 10 – 12 километров прошли в 2 часа... Это путешествие заставляло меня вспоминать Одиссея, хотя его судно было и побольше нашего”.

25.08.1936 г. (то же письмо)

“А в море, кругом островов, заросли водорослей. Когда едешь в лодке над этими зарослями, то с непривычки можно подумать, что едешь над затопленным огородом. Ламинария сахарина похожа и по цвету и виду на кочаны капусты, растущие на песочке. Вода красивого зеленого цвета, травянисто-зеленая, если смотреть прямо вниз с борта, а вдаль — светлоголубая, несколько сероватая, — как дамы любят говорить, цвета электрик. Попадаются при драгировке морские звезды, очень красивые, но, к сожалению, их мало. Пятиконечные звезды оранжево-красные, а одиннадцатиконечные — темно-малиновые, и пупырышки на них придают им вид орденских звезд, осыпанных рубинами. Есть и медузы, но их в Белом море немного, они с бурым или краснобурым пятном. Рыб не видел, по-видимому, их мало. Зато водоросли огромные, некоторые в 4 – 5 метров длины, сочные и очень аппетитные, так и хочется их съесть”.

Письмо № 73, 25.08.1936 г.

“Когда я увидел на Нерпичах (Б. Соловецкий о-в) тройные морские террасы, происхождения бесспорного и вида тождественного с Зайчиковскими, то сообразил, что, конечно, и на Зайчиках эти образования — хорошо перемытые моренные отложения, составлявшие ранее морской берег... Классически ярко выражены на островах морские террасы, числом не менее трех; вся местность подымается”.

Письмо № 74, 23.09.1936 г.

“Вчера ездил на лодке, объехал игрушечные острова в Гавани благополучия, называемые Песьими лудами. Осматривали и драгировали водоросли. В этом месте моря, можно сказать, ботанический сад: произрастают чуть не все виды соловецких водорослей. Однако наблюдения были довольно неудачны, т.к. была волна, лодку сильно качало и видеть глубину было невозможно. Высадился на один из островов, обошел его по берегу, набрал водорослей из выбросов”.

Письмо № 75, 16.10.1936 г.

“Тут поразительная осень — таких ярких и различных цветов листьев и травы у нас не бывает... На берегу лежат кучи и слои анфельции — белые, кремовые, розовые, сиреневые, пурпурные, пурпурно-коричневые и темнозеленые. Это так красиво, что хочется всю анфельцию забрать себе в сумку, но ее десятки тонн. В иных местах берег покрыт багрянками — вишневого, пурпурного, розового, ракового и других ярких цветов. Яркостью красок опьяняешься, особенно при сочетании их с серо-голубым цветом морской воды”.

Письмо № 77, 24.10.1936 г.

“Темнеет рано... удивительные краски: на зеленом и зеленовато-голубом небе облака пурпурные, сизые, фиолетовые, окаймленные желтым и тронутые зоревым розовым. Другие облака пылают розовыми тонами. Цвета яркие, но не крикливые, подобраны друг к другу словно нарочно. А море под облаками то черносинее, то серое или голубоватосерое, каждый раз нового тона”.

Письмо № 82, 25.11.1936 г.

“Море начинает замерзать: покрылось шугою, она прибивается приливом и волнами к берегам, так что вода покрыта т.н. салом, — гущей из ледяных кристалликов. От них она густеет и напоминает застывающее свиное сало. Прибой характерно меняет. Волны уже не образуют гребней, не ломаются и не опрокидываются, а медлительно

и нехотя находят на берег, оставляя на нем часть своей шуги. От этого вдоль береговой линии белеет вал, который сперва можно принять за снег, но бросается в глаза странность такого выпадения снега длинной узкой полосой, тогда как прочая поверхность еще гола. С этой шугою перемешаны и прибитые к берегу водоросли, сверху смерзшиеся в общую массу. Брать их стало трудно — надо сперва пробить ледяную кору. Кроме того на берегу пронизывает холодный ветер, а ноги проваливаются в водоросли, под которыми оказывается холодная вода. Местами на волнах, окруженные салом, лениво покачиваются блины. Так называются ледяные диски, совершенно круглые, по величине с хороший блин, образующиеся от смерзания шуги в общую массу. Раньше я блинов на море не видывал. Оказалось, что это название очень удачно — точно передает вид этих ледяных образований”.

Письмо № 83, 10 – 11.12.1936 г.

“...краски неба и облаков совсем необыкновенны. Небо было изумрудное, облака серо-сизые, розово-фиолетовые, индиговые — все в благородно-сдержанной гамме, без крикливости и яркости, но чистое по тону. Вместе с бурым белесо-зеленоватым, а временами почти черно-индиговым, морем, бурными валами водорослей, снежной пеленой и апельсиновым солнцем, мечущим снопы лучей, словно пылающими длинными выбрасывающимися пламенами, и свирепым нордом на берегу, холодным, едва не опрокидывающим, все слагалось в картину прекрасную и безотрадную”.

“Белое море — докембрийский реликт... Белое море должно изобиловать высокореликтовыми, т.е. чрезвычайно древними организмами... Древнейшие организмы — водоросли, и среди них одни из древнейших — багрянки, а среди багрянок — карбонатные... естественно рассчитывать встретить в Бел. море карбонатные реликтовые водоросли. По моим наблюдениям их очень много видов... Известков. водоросли весьма достойны внимания, ибо... эти водоросли породообразователи, и притом распространенные... Изучение ископаемых породообразующих водорослей позволит ставить диагнозы об условиях возникновения пород, а известковые водоросли в данном случае могут быть особенно полезны”.

Письмо № 86, 6.01.1937 г.

“Сегодняшний вечер особенно вспоминаю о вас, тем более что на Соловках теперь невыразимо уныло и мертво. Море начало подмерзать у берегов, и, вероятно, на днях будет последний пароход; зима настоящая и бодрая еще не наступила, температура колеблется около нуля... Эта зима напоминает мне Черноморское побережье, лишь не-

сколькими градусами ниже того, что привычно мне с детства. Однако там зима тянется 1 – 2 месяца, а тут — до июня”.

Письмо № 103, 18.06.1937 г.

“Если придется уехать отсюда, то жаль будет моря, хоть я и вижу его теперь издали. С детства впечатления от моря стали мне самыми родными, и не видя моря я чувствую себя обделенным, даже когда не думаю о причине этого чувства... Сейчас я вошел в Соловецкую природу и потому начинает казаться, что обстановка должна измениться, но не в ту сторону, которая была бы желательна... Сейчас сижу на веранде перед окном и, время от времени, смотрю на разстилающуюся даль с ее заливами, полуостровами и островами. Море голубое — стальное. На ближайшем заливе искрятся бесчисленные всплески света, и я понял, почему мертвыми выходят они на фотоснимках и картинах: каждый всплеск есть не точка, а световая стрела, вылетающая из моря. Эти световые линии, мгновенно возникающие и исчезающие, перекрещиваются между собою во всевозможных направлениях и образуют живую сетку. 20.06. Сегодня вспоминаю, с одним из бывших в Посаде, Посад. Некоторые стекла веранды — цветные, и через темно-розовое стекло море кажется темно-пурпурным, — нарядным и торжественным, что подходит к моим воспоминаниям”.

* * *

*Тексты Флоренского обнаруживают перекрестные соответствия. В Батумских воспоминаниях мы можем выделить три основных элемента, натяжение которых обеспечивает полноту символического — это **Батум, море и тропический остров**. Батум, как феноменально данная отправная точка, несет в себе зародыш ноуменально далекого, желанного и запретного острова — через рассказы домашних о путешествиях, через ароматы пряностей, через лавочку с жемчугами на пристани, через тюки товаров, привозимых из тропиков, Америки и других дальних стран, через людей разных национальностей, прибывающих из этих же стран (даже негры), через морскую глубину, видимую сквозь доски причала, через скудные береговые выбро-сы, и, наконец, переходит в **море** — в его рассыпающийся прибой, зеленоватую воду, игру бликов на воде, изрезанность волн, дробную, дискретную бесконечность, из которой рождаются все видимые дары. Море — переход, связующая часть между феноменальным и ноуменальным, переход, равный бесконечности, расширяющий количественно вдаль и вширь, разворачивающий из качественной точки*

феноменального количественную бесконечность ноуменального. Предел ноуменального — весьма неопределенный по географическому положению *тропический остров*, с его прибрежным подводным миром, таким богатым в сравнении с бесплодным Черным морем, с роскошной растительностью, мириадами колибри, жирафами, и т.д. и т.п. Остров связан с предельным изобилием, количественной стороной реальности, море являет постепенность перехода “количества в качество”, уменьшение изобилия по мере приближения к Батуму, нарастание феноменального, качественного начала.

“Ноумен бус сливался с ноуменом моря, напоминая его камешки, его раковины, его то синюю, то сине-зеленую и зеленую воду”. Все феноменально незначительное приобретало в детском сознании Флоренского ноуменальную глубину и богатство; каждый камушек, бусинка, палка, раковина, становились исходными точками для развертывания такого феномена в ноуменальную бесконечность, причем феномен и ноумен оказывались в конечном счете тождественными, но лишь после преодоления бесконечности; из исходной точки описывалась окружность с возвращением в ту же точку, и обреталось нечто новое, которое и выражалось восторгом, восхищением себя из себя.

Необычной особенностью является дробность, дискретность восприятия моря — Флоренский говорит о счастливых людях, плывущих “по хребту моря в далекие страны”; слово “хребет” несет в себе явную интуицию отдельности, составленности из элементов, как хребет, позвоночник составлен из отдельных позвонков, хотя, конечно, и связанных между собой (здесь важна исходная интуиция, до начала деления на противоположности). Возникают ассоциации и с отдельностью бус, и с камушками на побережье, и с изрезанными ритмами волн, бесконечно дробящимися ритмами второго, третьего и так далее порядков, и с “шумом прибоя... рассыпчатым, как готический собор”, и с глубиной воды, “флюоресцирующей... внутренним мерцанием, тоже рассыпчатым и тоже беспредельно мелким светом”.

Об этой же дискретности говорят и береговые выбросы Черного моря — наиболее часто попадались орехи чилим, белые трубки корней камыша, т. е. то, что как раз морем не рождено, а попало туда извне, но, тем не менее, воспринималось как порождение моря, полное ноуменального смысла именно благодаря своей инородности, сущностной отделенности от моря, внешней к нему принадлежности — *на границе принадлежности*.

Ритмы прибоя сливались для Флоренского с ритмами баховских прелюдий и фуг, вообще музыку воспринимал он, в основном, через

ритм и тембр — “более мелодии я всегда чувствовал музыкальную ритмику, с одной стороны, а окраску звуков — с другой”, а ритм в музыке есть начало расчленения, оформления звуковысотного, интонационного континуума.

Воспринимая формы, границы сущностей, Флоренский приписывает им *качественное* начало; бесплодное, ядовитое на глубине Черное море он называет “качественно полным”. Отверстие в камне — чистая форма без какого-либо наполнения, дырки и ямки в песке, наполняемые соленой морской водой — форма, наполняемая формой, и все это воспринимается как феномен, “качественно полный”, как само море. Таким образом, содержательная, субстанциональная основа вещей воспринимается как *количественная*, форме же придаются свойства содержания.

Удивительно, что в море, в воде, *влаге*, текучести и континуальности Флоренский воспринимает как раз все *сухое*, *дробное* и *дискретное*, в форме, *поверхности* видит *глубину*, в *раздельности* — *соединение*.

На Соловках наличествуют те же элементы, но в смещенном виде и будто в мнимом пространстве. *Белое море* вовсе не соответствует *Черному морю*, но, скорее, *тропическому острову*, с его изобилием, которое трансформировалось в изобилие подводного мира Белого моря (вспомним сравнение с затопленным огородом). *Соловки* — это *Черное море* по своей переходности от скудости к изобилию, подводной беззвучности бытия, географической подвижности существования (неоднократная перемена местожительства, его неопределенность), по игре красок неба, которую можно сравнить с игрой бликов на воде, вообще, с подвижностью морской стихии (изменчивость погоды, облаков и т.п.). Флоренский неоднократно пишет, что, работая в лаборатории, представляет себе путешествие на пароходе, и это весьма знаменательно.

Наконец, *Кузова*, поразившие Флоренского, несут роль *Батума*, но опять-таки в неузнаваемом виде. Общее здесь — феноменальность, обнаженная первооснова бытия, как в бусах или обточенной гальке, но здесь — в обнаженности древних пород, с которых ледник, подобно руке творца, снял все лишнее. Но огромна и разница. Это уже не те маленькие, милые, изящные феномены, вроде колибри, бус или камешков на Черноморском побережье, но огромные “бараньи лбы” — феномен вырастает до исполинских размеров. Вся скромность и камерность Батума исчезает бесследно.

Мир на Соловках потерял свою членораздельность, форму, стал хаотично-текущим, оттого и немзыкальным для Флоренского.

Кстати, отметим несравненно меньшую поэтичность, ритмичность, интонационную напряженность впечатлений от соловецкой природы, моря, даже Кузовов, так понравившихся Флоренскому. Соловки, вытворя функцию, аналогичную морю в детстве, не имели в себе его раздельно-связующей формы — сухих звуков прибоя, мерцания мельчайших частичек водной поверхности и т.п., не имели соли и йода — недаром поразило Флоренского обилие пресной, почти дистиллированной воды на Соловках, “простой, понятной воды питьевой”. Не было на острове ничего, содержащего в себе первоэлементы, феноменально данные зародыши ноуменального, не было даже признаков ноумена, за исключением обильных береговых водорослевых выбросов, которые являлись производными **Белого моря**, не имея, по сути, ничего общего с самим островом. Водоросли более всего интересовали Флоренского на Соловках, да и жизнь складывалась “словно ничего нет в мире, кроме водорослей” — Флоренский предельно приблизился к ноуменальному изобилию, такому желанному в детстве, но не узнал его даже в момент самого близкого соприкосновения — во время поездок на Зайчики и ближайшие к Б. Соловецкому острову луды, во время путешествия на Кузова, — морских путешествий, реального пребывания среди этой ноуменальной бесконечности, такой феноменально близкой и такой далекой от его детских представлений. Южный, жаркий тропический остров и замерзающее на полгода море — трудно представить себе что-либо более полярное: суша и вода, жара и холод, лианы и водоросли, колибри и баянусы — этот ряд можно продлить в бесконечность.

Белое море и Кузова, водоросли и древнейшие коренные породы, феномен и ноумен соседствуют друг с другом на Соловках, где есть и то и другое — обильнейшие береговые выбросы водорослей и валунные россыпи. Но в восприятии Флоренского они не связаны между собой, скорее, по общему ощущению “замусоренности”, разделены. Как в любом феномене — водоросли, камешки на Черноморском побережье, чувствовал он начало ноумена, связь и живое тождество, так на Соловках феноменальное и ноуменальное распадаются, разъединяются. Черное море, для ребенка уходящее в океанскую бесконечность, сама географическая протяженность перехода, но дробная и структурно оформленная — **хребет**, на Соловках заменилась локализованной зоной раздела, нерасчлененным, хаотично-континуальным, а потому и не связующим пространством острова. Сыпучая подвижность моря превратилась в вязкую неподвижность суши. Тут мы сталкиваемся с диалектикой дискретности и континуальности,

оказывающейся едва ли не диалектикой жизни и смерти, начала и конца.

Флоренский остро ощутил смещенность всех ориентиров, поначалу не признав в море — моря, даже просто по цвету воды (см. первые письма), а в острове — острова, и был, по-своему, абсолютно прав. В одном из писем он так и пишет: “Белое море — замечательное море, нигде нет столько островов, как на нем: все море из островов. Но зато и острова не острова, а сплошные озера” [это верно, пожалуй, только для Соловков — прим. К. Ю.], — для специфического мышления отца Павла все это и без всякого СЛОНа должно было выглядеть подменой реальности, попади он на Соловки даже и по доброй воле. Только в последнем письме проглядывает примирение, признание *этого* моря и *этих* островов. Не есть ли это признак неких очень серьезных перемен в самой основе мышления Флоренского незадолго до смерти, ведь для примирения с Соловками требовалось отказаться практически от всех, привычных на протяжении почти всей жизни форм познания, если не сказать больше — требовалось отказаться от познания вообще, как оно могло осуществляться для отца Павла? Этим вопросом мы и завершим наш небольшой комментарий.

О. В. Волков¹

ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ²

Боже мой! Облитая солнцем гладь моря, свежий его запах, наносимый ветром, легким и ласковым... Вереница мягких сверкающих облаков, улегшихся у самой воды. Крупные чайки лениво машут крыльями, летят рядом, так близко, что различаешь всякое перышко... Простор, воля! Корабль идет плавно и бесшумно, скользит по бесконечной равнине, оставляя позади белеющую пеной дорогу, не исчезающую, сколько хватает глаз. День жаркий, но от воды тянет прохладой. И все вокруг — свет, тепло, тишина — охватывает, словно ласковыми руками, баюкает, врачует...

Из-под воздетого форштевня обозначились очертания берега — темной неровной линии над обрезом моря — с четким белым пятном строений. Как ни мало интересовались мы, русские люди начала века, историей своей церкви, как ни равнодушно, а то и предвзято, ни относились к монашеству, — обаяние Соловецкого монастыря пережило наводнение трезвых позитивных воззрений. И в то безвременье молва о тунеядцах монахах, корыстью, ленью и блудом порочащих православные обители, обходила Соловецкую. И в чуждом древнему благочестию Петербурге знали, что на Соловках — строгий устав и чин служб едва не дониконовский...

Вход в бухту вешили каменные глыбы с огромными крестами из лиственницы. Открылись белые силуэты обезглавленных соборов и колокольни. Купола заменены пирамидальными тесовыми крышами. Но неизменными, такими же, как на старых гравюрах, высились на монастырской стене тяжелые башни с конусным верхом. Эта сложен-

¹ Волков Олег Васильевич (1900 – 1992 гг.) — писатель, переводчик. Был незаконно репрессирован в 1928 г., провел в тюрьмах, лагерях и ссылках 27 лет. Отбывал заключение на Соловках в 1928 – 1929 и 1931 – 1933 гг. Время сталинских репрессий описал в книге “Погружение во тьму. Из пережитого” (впервые опубликована в 1987 г. в Париже).

² Отрывки печатаются по изданию: Волков О. В. Погружение во тьму. М., 1989.

ная из гранитных валунов ограда, казалось, стоит вне времени. И когда потом доводилось вновь и вновь ее видеть, первое впечатление — вечности созданного — не сглаживалось.

Прежние путешественники на Соловецкие острова рассказывали о слезах, о сиявших счастьем лицах богомольцев при виде седой обители, забывавших беды многотрудной жизни. Я был слишком человеком своего времени, закрытым для подобного просветления, и все-таки... И все-таки с невольным трепетом всматривался в несокрушимую православную твердыню, воздвигнутую, чтобы противостоять любым искушениям.

Корабль вплыл в тень каменных громад монастыря. Этап, сбиваемый кулаками, оглушаемый святотатственной бранью, сошел на берег. И еще сильнее, чем на палубе, я ощутил, что здесь святыня длинной чреды поколений моих предков: точно незримо реяли вокруг их душевные устремления, их смиренные помыслы.

Кто искал здесь утешения, приходил за очищением, кто усердной молитвой и обращением к религиозным началам жизни надеялся помочь людям в их скорбях. Почти пять веков подряд на этих камнях и за этими стенами непрерывно шли службы. Молились, совершенствовались в духовных подвигах пламенно веровавшие в добрую людскую суть. И тщились побороть силы зла, вывести к свету и радости с темных перепаутин жизни...

Что бы ни меняли на Соловецких островах новые люди, какие бы порядки ни заводили, как бы противоположны ни были цели и задачи пришельцев вековому назначению монастыря — перед находившимся в те годы в лагере русским человеком лежала открытой летопись отвергнутых путей России.

В глубь нетронутых лесов, вдоль берегов разбросанных по острову бесчисленных озер шли обставленные крестами тропы. Вели они к потаенным скитам, где длинные годы молились и спасались старцы. Здесь в двадцатом веке продолжалось начатое еще в Киевской Руси. Здесь жили легенды о Сергии Радонежском, Кирилле Белозерском, Нилах и Пафнутиях, Иосифах, рубивших в глухих дебрях кельи, расширявших границы православия и русской государственности.

Каждая пядь соловецкой земли, каждый монастырский камень говорил о горстках подвижников, радевших о духовности. Подвиг веры сочетался с трудами, приносящими земные плоды. Тысячи и тысячи богомольцев — мужиков архангельских, вятских, олонецких, пермских, со всего севера России — встречали здесь своих. Видели их, в подрясниках и скуфьях, ухаживающими за скотом, возделывающими

ми землю, искусных рыбаков и плотников, мореходцев, гончаров, кожевников, скорняков, каменщиков...

И я ходил по острову, как по огромному музею истории моего народа, исполненной тягот, опасностей и свершений.

В надвратной Благовещенской церкви и в бывших покоях настоятеля было выставлено средневековое оружие — бердыши, пищали и протазаны. Соловецкий игумен был одновременно и комендантом крепости с гарнизоном из монахов, обученных ратному делу.

...Неподалеку от гавани на морском берегу лежит Переговорный камень. По преданию, на этом месте настоятель твердо отверг предложение англичан сдать осажденную обитель. Высадить десант и брать штурмом отчаянных божьих иноков бритты не решились. И ограничились бомбардировкой с моря. От гранитных стен ядра отскакивали горошинами. Следы их монахи обозначили кружками. Память о вкладе Соловков в оборону отечества... А монахи рассказывали паломникам, что споспешествовали обороне и чайки, густыми стаями налетавшие на вражеские корабли и криками своими, и обильным испусканием помета сеявших растерянность и смущение в рядах неприятелей. И подводили к фреске, украшавшей изнутри шатер над криницей: по палубе, преследуемые огромными птицами с широко разверстыми клювами, метались brave артиллеристы королевы Виктории в испачканных мундирах и с залепленными белыми потоками лицами.

В глубине острова, меж лесистых горok и затененных ложбин, дремали тихие каналы. Берега их и шлюзы, выложенные замшелыми камнями, были укреплены вечными лиственничными рядами. Каналами монахи соединили цепь озер для сплава бревен. И по всему рукотворному водотоку развели красную рыбу и хариусов.

Вдоль Святого озера тянулись огороды, ряды длинных монашеских теплиц. На тучных пастбищах острова Большая Муксалма паслись крупные породистые коровы — остатки стада, за которые Соловецкий монастырь награждался медалями Императорского общества поощрения племенного животноводства. Этот остров километровой дамбой, сложенной из каменных глыб, соединялся с главным, где был монастырский кремль.

А на Малой Муксалме, входящей в Соловецкий архипелаг, до лагерного времени вольно жили лапландские олени, выпущенные туда еще при игумене Филиппе.

На пустынном морском берегу мне доводилось видеть небольшую артель рыбаков-монахов, заводивших тяжелый морской невод.

Делали они все молча, споро и слаженно — десяток бородатых пожилых мужчин в подпоясанных подрясниках и надвинутых до бровей скуфьях. Самодельные снасти; карбасы, на каких плавали новгородцы; истонная умелость этих рыбаков, слитых с набегавшими студенными волнами; каменистая полоса прибоя, и за ней — опушка из низких, перекрученных ветрами березок... Все в этой картине от века: древнейший промысел, отражавший прочные связи человека с природой, да еще освященный евангельским преданием... Нет, не суждено было этим мирным русским инокам стать апостолами. Однако они уже познали полную меру тревог и преследований, и остались считанные дни до изгнания их с острова. И — кто знает? — не ожидали ли их там, на материке, как прославленного игумена преосвященного Филиппа, современные Малюты Скуратовы?

Я бродил по окрестностям монастыря, простаивая возле покрытых славянской вязью крестов, огромных, в два-три человеческих роста. Их ставили по обету или в память события, отметившего вехой размеренные монастырские будни. Входил в заброшенные часовни с остатками скромного убранства, уже разгромленные, уже оскверненные. В одной из них древнее распятие послужило мишенью для стрельбы. Расщепленное и развороченное пулями дерево светлело из-под краски...

...Новая Россия унаследовала большинство язв и пороков старой, не устранив и основного нашего векового зла: не дали русскому человеку распрямиться во весь рост, не внушили ему чувство собственного достоинства, не просветили его душу и разум, а преследованиями еще усилили чувство приниженности, психологию “мы люди маленькие, негордые”, заставили еще раболепнее тянуться перед начальством, славословить и обожать “вождей”. И убили в нем веру в возможность иной доли.

Нам опротивело настоящее, мы не надеемся, чтобы жизнь можно было направить по доброму пути: некому на него указать — накоплен только отрицательный опыт, знаем лишь, что плохо. Все оболгано, искажено: религия, вера, терпимость, демократия, традиции, духовные идеалы и искания, свобода, братство...

Что же нужно России? Нелегко, а может, и вовсе невозможно кратко сформулировать ответ. Должны истечь сроки. Должна когда-нибудь оправдаться всеобщая уверенность, что дальше “так продолжаться не может”. В какой-то мере Идола подтачивает критика — камерная, глухая, подпольная, но встречающая понимание и сочувствие. И все же из всего, что с нами произошло, мы извлекли только

знание гибельных путей, того, что заводит в тупик, закабальет человека, суживает его горизонты до миски с хлебом. А вот как дать ему понять, что у него могут отрасти крылья? Что есть мир высоких духовных радостей, перед которыми меркнут тусклые и плоские идеалы материалистов? Воздвигнуть его на подлинное братолюбие? Мы этого не знаем.

И, может быть, лучшим вкладом в эти поиски путей для тех, кто не знает, куда идти, является правдивый рассказ о прошлом, отдельными крупицами которого воспользуются — кто знает? — те, кому будет открыто, как вывести на путь спасения...

ИДЕЯ СОЛОВКОВ

(вместо заключения)

Со времен вульгарного атеизма памятен рисунок, якобы наглядно демонстрирующий наивность средневековых представлений о Вселенной: монах, достигший края Земли, через дыру в небесной сфере следит за звездами. Наивные наши наставники не предполагали, какой глубокий смысл несет эта картинка. Во-первых, монах, во-вторых, край Земли, где к ней примыкает небо, в-третьих, прорыв некоей сферы и видение того, что не видно не достигшим края.

Этот образ во многом перекликается с идеей Соловков. Он помогает понять, чем были Соловки как явление истории и культуры в сознании нескольких поколений русских людей, и ответить на вопрос, готовы ли мы сегодня принять идею Соловков во всей полноте ее сурового и учительного содержания.

Внешняя сторона образа Соловецкой обители несколько необычна для русских монастырей XIX в. “Духовная твердыня Беломорья” в период своего расцвета (середина XVII в.) являлась своеобразным “замком свода” культуры, истории, экономики Русского Севера. Вплоть до конца XIX в. Соловки сохранили свое духовное влияние на огромном пространстве европейской России к северу и северо-востоку от Москвы. Образ Соловецкой обители обладал некоей притягательной отстраненностью от обыденной жизни, что во многом определяло характер паломничества и придавало ему некоторую драматичность и напряженность. Подавляющее большинство богомольцев шло на поклонение не праздно “вместе со всеми”, а “по вере”, “по усердию”, “по обещанию” в надежде на предстательство преподобных. Соловки в народном сознании были символом защиты от всяческих бед и несчастий греховной земной жизни, а монашеский

путь отцов соловецких — прямым путем социального и духовного спасения.

Принято считать, что нравственная и богословская стороны христианского учения в Соловецком монастыре стояли на заднем плане и “совершенно заслонялись формальной обрядностью”. Однако Соловки в целом, перефразируя определение отца Павла Флоренского, были “частью земной действительности, своим строением возводящей дух к созерцанию таинства”.

Даже после разгрома монастыря и полной смены состава монашествующих в 1676 г. традиции обители во многом сохранились. С начала XVIII в. возобновляется отшельничество. Пустынник Феофан, с именем которого связывают начало возрождения беломорского подвижничества на рубеже XVIII – XIX вв., стал связующим звеном между преподобным Паисием Величковским и традицией северно-русского пустынножительства. Многочисленные издания Соловецкого монастыря XIX — начала XX в. свидетельствуют о пристальном интересе к истории Соловков, которая становится одной из сторон соловецкой духовной жизни.

Успех деятельности монастыря основывался на том, насколько полно он отвечал запросам своей “духовной вотчины”. Уже с конца XIX в. поток обычных богомольцев начинает оскудевать, но вместе с тем на Соловки потянулась интеллигенция, начинается изучение соловецкого архива, появляются научные публикации по истории монастыря. Все это можно соотнести с глубоким духовным недугом, который все более и более охватывал Россию того времени. Крах, постигший монастырь в 1920 г., это не только революционный акт, но одновременно и свидетельство утраты духовной связи обители с северо-русским крестьянством. Связь “запрос – ответ” перестала действовать. Очень скоро Соловки украсились мученическим венцом.

В 20 – 30 гг. XX в. образ славной обители вытесняется из обыденного сознания Соловецким лагерем особого назначения.

Став вехой мученических путей России, Соловки позднее заняли место в новой особой ментальности, носителями которой являлись диссиденты, правозащитники, внутренние эмигранты и т.д. Именно тогда начала смутно формулироваться идея Соловков, суть которой — в духовной твердости, искупительности, мученичестве, жертвенности. Соловки стали теперь не только православной святыней — все, что связано с лагерем, также обрело особую святость и прочно в сознании русских людей закрепилось.

“...И вот мы алчем, жаждем и негодуем на земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый на-

родный труд и на все начинания рук наших”, — эти слова патриарха Тихона (1917 – 1925 гг.), воспринимаемые сегодня как пророчество, можно дополнить словами поэта:

Лили на землю воду —
Нету колосьев! Чудо!
Нынче мне дали свободу.
Что я с ней делать буду?

В последние несколько лет появилось несколько “концепций” Соловков, где более или менее удачно описывается, что будет на архипелаге, каким образом брать с туристов деньги и кто будет ими распоряжаться. Но ни одна из них даже не пыталась ответить на самые острые и насущные проблемы современного рефлексизирующего сознания. Идея Соловков попросту игнорировалась. Наиболее заинтересованные и достойные люди едут на Соловки от глубокой душевной заботы, для серьезного духовного труда. Честные поиски полноты духовного бытия требуют особых форм удовлетворения. Качество запроса требует качества ответа. А этого нет.

Интерес к Соловкам устойчив даже на обывательском уровне, что свидетельствует о глубине неких процессов современного сознания. Надежда на “светлое будущее” отпала, и мы склонны перемещать “золотой век” в прошлое. На более высоком уровне сознания рождается комплекс утраты, неиспользованных возможностей, мы начинаем искать место, “где проскочили поворот”, наконец появляется ощущение вины за происходящее и острая неудовлетворенность настоящим. Чем безысходней это ощущение, тем острее надежда. Иногда отсюда начинается Вера, но деморализованное сознание зачастую ближе к отчаянию, чем к вере.

Возрождение Соловецкого монастыря — важное и необходимое условие возрождения национальной святыни. Необходимое, но не единственное. Достойное будущее Соловков как национального культурного центра видится в обращении к серьезным историческим, философским и религиозно-философским проблемам прошлого и настоящего. Это тем более важно, потому что в Соловках, как в капле воды, отражается вся Россия со всеми ее проблемами и нестроениями. Все, что мучает сегодня Россию, здесь, на архипелаге, происходит наглядно, остро и подчас драматично. Таким образом, идея Соловков напрямую соотносится с русской идеей, а соловецкая духовность — явственный показатель духовности российской. Соловецкая идея должна стать фактором возрождения Соловков — точно также, как идея русской духовности должна стать силой реконструкции России.

Туризм на Соловки в его теперешнем виде — это профанация идеи Соловков, дискредитация русской культуры. Вообще понятие туризма, в особенности массового, совершенно неприменимо к Соловкам, это оскорбление святыни и памяти жертв большевистских репрессий.

Сегодня история дает нам шанс возрождения одной из главных русских святынь, успех этого дела будет зависеть от нашей духовности и от того, насколько глубоко мы сможем осмыслить идею Соловков.

К сожалению, ни состояние духовного здоровья жителей поселка, ни уровень духовных запросов россиян не внушают оптимизма. Люди растеряны, проблемы духовного бытия не включены в нашу повседневность, для большинства они просто не существуют. Может случиться так, что, даже восстановив соловецкие памятники, мы не сможем наполнить их духовным содержанием, и это будет крах идеи Соловков. Грядущим поколениям снова достанется только миф.

Основной вопрос нашего времени состоит не в успехе экономических реформ или региональных войн, а в том, способны ли мы вырваться из сферы давящей повседневности, увидеть и осмыслить величие и масштаб духовного наследия наших предков, обновить и обогатить его? Если да, то большинство наших теперешних проблем разрешены. Соловки имеют уникальный опыт построения полноты духовного бытия и стяжания святости, но сможем ли мы воспользоваться им и обрести утраченное, и, преодолев разлад души, строить жизнь действительно достойную?

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- III тыс. до н.э. Начало освоения архипелага племенами первобытных рыболовов и охотников, возникновение первого временного поселения на острове Анзер.
- II – I тыс. до н.э. Создание на Соловецких островах святилищ и поселений племенами южного и западного побережий Белого моря.
- X – XI вв. н.э. Походы скандинавов на Белое море.
- XII – XIII вв. Начало освоения берегов Белого моря русскими колонистами.
- Первая половина XV в. Соловки входят в состав морских промысловых угодий, принадлежащих карелке Ховре Тойвутовой.
- 1427 г. Кончина преподобного Кирилла Белозерского, основателя знаменитой обители, где принял постриг преподобный Савватий. Вскоре Савватий направляется на Валаам, где проводит несколько лет, после чего тайно покидает обитель и приходит на Белое море. Там, где он встречает преподобного Германа.
- Вторая четверть XV в. Возникновение монашеского поселения на Соловках. Монастырская традиция датирует приход преподобных Савватия и Германа на Большой Соловецкий остров 1429 г., а официальной датой основания обители считает 1436 г., к которому относит появление на Соловках преподобного Зосимы. Обе эти даты подвергаются исследователями обоснованным сомнениям.
- 60-е гг. XV в. Жалованная грамота Соловецкому монастырю на островные угодия от господина Великого Новгорода. Построены деревянные церкви: Преображенская, Никольская и Успенская с трапезной.
- 1478 г., 17 апреля Кончина преподобного Зосимы.

1478 г.	После удачного похода в “каянскую землю” монастырю пожалован колокол немецкого литья — один из древнейших военно-морских трофеев России.
1479 г.	Жалованная грамота Ивана III Соловецкому монастырю, подтверждающая новгородскую грамоту.
Конец XV — начало XVI вв.	Игуменство и путешествия Досифея, выдающегося соловецкого книжника, составителя первого варианта Жития преподобных Зосимы и Савватия.
1514 г.	Составление первой описи Соловецкого монастыря — одного из самых ранних документов подобного рода. Начало особого положения Соловецкой обители среди монастырей Московской Руси.
1534 – 1548/ 1545(?) гг.	Игуменство Алексия Юренева; при нем в число братии был принят святой Филипп (в миру — Феодор Колычев), будущий игумен монастыря и митрополит всея Руси.
30 – 50-е гг. XVI в.	Выдано несколько жалованных грамот Соловецкому монастырю от государя Ивана Грозного о различных льготах и пожалованиях.
Не позднее 1545 г.	Начало игуменства святого Филиппа. Фактически возглавил монастырь, вероятно, в 1548 г.
Середина XV в.	Начало каменного строительства на Соловках.
1547 г.	Общецерковная канонизация преподобных Зосимы и Савватия.
1554 г.	Ссылка на Соловки игумена Артемия — первое известие о заточении на Соловках.
50 – 60-е гг. XV в.	Время интенсивного развития островного и материкового хозяйства Соловецкого монастыря; строительство на архипелаге дорог, каналов, гаваней и многих хозяйственных заведений.
1566 г.	Завершение строительства Спасо-Преображенского собора; поставление игумена Филиппа в митрополиты Московские; прибытие английской экспедиции на Соловки.
1568 г.	Низведение святого Филиппа с митрополии, его ссылка в Тверской Отроч монастырь.
1569 г., 23 декабря	Мученическая кончина святого Филиппа.
1571 г., 17 августа	Кончина соловецкого постриженника блаженного Феодорита Кольского, просветителя лопарей.
1571 г.	Появление в Белом море шведских военных кораблей.
1578 г.	На Соловки послан воевода Михаил Озеров (убит в стычке со шведами в 1579 г.).

- 1579 г. Строительство на Соловках деревянного острога.
- 1582 – 1592 гг. Игуменство Иакова, выдающегося соловецкого книжника.
- 1582/1584(?) гг. Начало строительства каменной крепости на Соловках.
- 1591 г. Перенесение мощей святого Филиппа на Соловки из Тверского Отроча монастыря.
- 1605 – 1613 гг. Игуменство Антония Второго. Благодаря усилиям Соловецкой обители и жителей Северной Карелии Беломорье удалось отстоять в составе Московского государства во время Смутного времени.
- 10-е гг. XVII в. Начало отшельничества преподобного Елеазара Анзерского.
- 1614 – 1626 гг. Игуменство преподобного Иринарха. Строительство на Соловках новых укреплений и каменных келий.
- 1619 г. Жалованная грамота игумену Иринарху об освобождении монастыря от заведования светскими властями.
- 1620 г. Основание Троицкого скита на острове Анзер.
- 1627 г. На Соловках скончался соловецкий постриженник Авраамий Палицын, знаменитый писатель начала XVII в., в прошлом — келарь Троице-Сергиева монастыря.
- 1633 г. Начало независимости Анзерского Троицкого скита от Соловецкого монастыря.
- 1635 г. Пострижение в Анзерском ските будущего патриарха Никона; необычайное повышение уровня моря: затоплены нижние этажи монастырских строений, вода доходила до паперти Спасо-Преображенского собора.
- 1637 г. Царем Михаилом Федоровичем велено в Соловецком монастыре воеводе не быть, настоятель обители возглавил оборону Западного Беломорья.
- 1651 г. Соловецкий игумен Илья возведен в архимандриты. С этого времени в этот сан возводятся все соловецкие настоятели.
- 1656 г.,
13 января Кончина преподобного Елеазара Анзерского.
- 1657 г. Отказ соловецких иноков принять новые богослужебные книги, присланные из Москвы в рамках реформы патриарха Никона.
- 1666 г. На Соловки для увещевания упорствующих старообрядцев послан архимандрит Сергей.
- 1668 г. На Соловки с отрядом стрельцов послан стряпчий Игнатий Волохов.
- 1669 г. Изгнание из монастыря сторонников мирного “стояния за веру”.

- 1672 г. На Соловки прибыли остатки отрядов Степана Разина.
- 1673 г. Начало “тесной” блокады Соловецкого монастыря; волнения среди стрельцов.
- 1674 г. На Соловки послан воевода Иван Мещеринов. Бои на подступах к монастырю. Осажденные прекратили моление за государя.
- 1675 г. Неудачный штурм монастыря стрельцами.
- 1676 г.,
22 января Взятие монастыря, казнь руководителей восстания.
- 1676 – 1680 гг. Настоятельство архимандрита Макария, присланного из Тихвинского монастыря.
- 1689 – 1718 гг. Настоятельство архимандрита Фирса; ряд секуляризационных мероприятий относительно владений и имущества монастыря.
- 1694 г. Первое посещение Соловков государем Петром I, который оказал “великие милости” монастырю.
- 1701 г. Ссылка на Соловки опального иерея Иоанна, бывшего духовника царской семьи. Пострижен с именем Иов (в схиме Иисус), основал Распятский скит на горе Голгофе на острове Анзер.
- 1702 г. Второе посещение Петром I Соловков с эскадрой новопостроенных кораблей.
- 1720 г.,
9 марта Кончина святого Иисуса, начало заустения Голгофского скита.
- 1741 – 1761 гг. Настоятельство архимандрита Геннадия (Дроздовского). Нестроения в монастыре. Соловецкий монастырь становится ставропигиальным и подчиняется Святому Синоду.
- 60-е гг.
XVIII в. Ряд императорских указов о секуляризации монастырских имуществ.
- 1777 – 1793 гг. Настоятельство архимандрита Иеронима. Издание “Летописца Соловецкого” — первого печатного труда по истории Соловецкого монастыря.
- 1793 – 1796 гг. Настоятельство архимандрита Герасима. Попытка неуклонного исполнения общежительного устава и исправления нравственного климата в обители.
- 1796 – 1805 гг. Настоятельство архимандрита Ионы. Перестройка основных монастырских зданий.
- 1814 г. Разоружение Соловков, исключение монастырской крепости из числа российских военных укреплений.

- 1818 – 1825 гг. Настоятельство архимандрита Макария, основателя Макарьевской пустыни — Соловецкого ботанического сада.
- 1819 г.,
26 июля Кончина пустынноика Феофана, ученика преподобного Паисия Величковского.
- 1825 – 1836 гг. Настоятельство архимандрита Досифея (Немчинова). Возобновление Распятского скита на острове Анзер. Издание фундаментального “Географического, исторического и статистического описания ставропигиального Соловецкого монастыря”.
- 1844 г. Визит на Соловки великого князя Константина Николаевича, выдающегося флотского деятеля эпохи реформ Александра II.
- 1853 г.,
10 июля Кончина старца Наума, знаменитого соловецкого подвижника благочестия.
- 1854 г. Появление у Соловков пароходофрегат “Бриск” и “Миранда”. Перестрелка с англичанами в гавани Благополучия. Обстрел Соловецкого монастыря.
- 1855 г., июнь Корабли союзников снова появляются у монастыря; безрезультатные переговоры с архимандритом Александром о пополнении провиантских запасов неприятеля.
- 1858 г. Визит на Соловки императора Александра II.
- 1873 г. Первое издание “Соловецкого Патерика”.
- 1886 г. Упразднение военной команды в Соловецком монастыре.
- 1895 – 1916 гг. Настоятельство на Соловках архимандрита Иоанникия (Юсова); создание на Большом Соловецком острове межозерной судовой системы каналов.
- 1899 г. Издание “Истории ставропигиального Соловецкого монастыря” — наиболее полного труда по истории обители.
- 1913 г. Визит на Соловки великой княгини Елизаветы Федоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители, преподобномученицы († 1918 г.).
- 1917 – 1920 гг. Игуменство священномученика Вениамина (Кононова). 17 апреля 1928 г. Вениамин вместе с другим соловецким иноком, Никифором, был заживо сожжен в лесной пустыне под Архангельском.
- 1918 г. Появление на Соловках отряда красновардейцев; конфискация части продовольственных запасов монастыря.
- 1918 – 1919 гг. Размещение на Соловках сводного подразделения интервентов.

- 1920 г. Прибытие на Соловки комиссии М. С. Кедрова; фактическая ликвидация Соловецкого монастыря и ссылка его руководства; организация совхоза “Соловки” и лагеря принудительных работ.
- 1923 г. Создание Соловецких лагерей особого назначения.
- 1937 г. Реорганизация лагерей в тюрьму.
- 1939 г. Ликвидация тюрьмы на Соловках; архипелаг передан Северному Флоту; организация на островах Учебного отряда Северного Флота.
- 1942 – 1945 гг. Школа юнг на Соловках в составе Учебного отряда Северного Флота.
- 1944 г. Образование на Соловках Островного Совета (с 1971 г. — Сельский совет).
- 1967 г. Создание на Соловках филиала Архангельского областного краеведческого музея (с 1974 г. — Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник).
- 1987 г. Создание на Соловках районного Совета, официальное наименование поселка Соловецким.
- 1990 г. Возобновление Спасо-Преображенского ставропигиального мужского Соловецкого монастыря; во главе обители поставлен игумен Герман.
- 1992 г. Возвращение на Соловки святых мощей основателей обители преподобных Савватия, Зосимы и Германа; посещение островов священноархимандритом Соловецкого монастыря Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II; наместником поставлен иеромонах Иосиф, впоследствии архимандрит; включение Соловецкого историко-культурного комплекса в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.
- 1999 г. Обретение на острове Анзер мощей священномученика Петра, архиепископа Воронежского и Задонского († 1929 г.).
- 2000 г. Учреждение нового общецерковного праздника — Собора новомучеников и исповедников соловецких (10/23 августа).
- 2001 г. Паломничество на Соловки Президента Российской Федерации В. В. Путина в сопровождении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.